Российский союз профессиональных литераторов

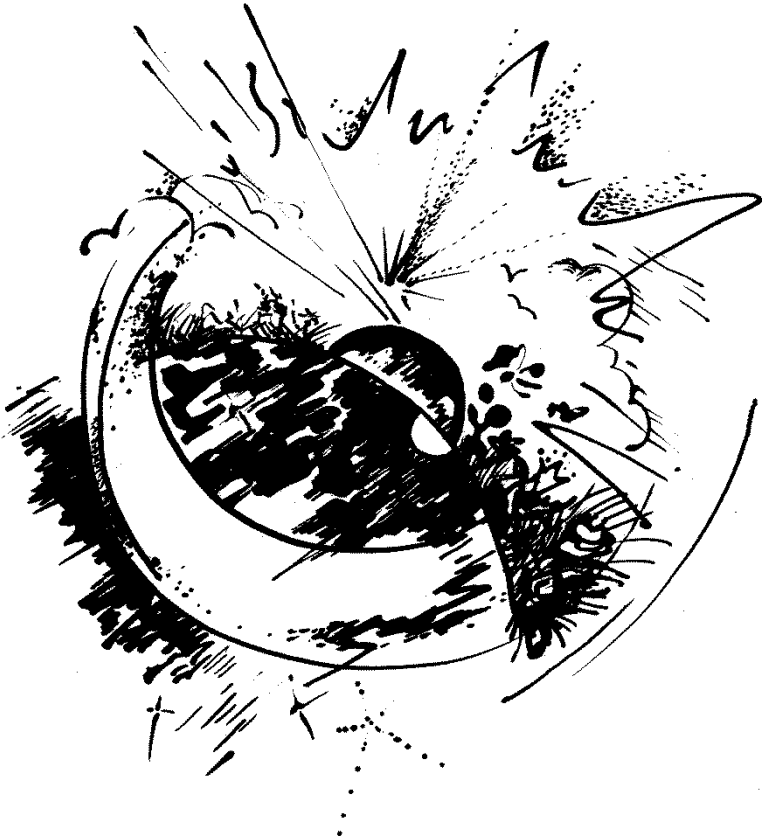


Рис.П. Икрянниковой

Сборник современной фантастики

ББК 94.3

Российский союз профессиональных литераторов
Сборник современной фантастики / Составитель Л.Терехина. – Рязань: издательство ИП Колупаева Е.В., 2022 г. – 296 стр.

ISBN 978-5-6047377-5-0

В предлагаемый читателю сборник современной фантастики Российского союза профессиональных литераторов вошли произведения членов союза из разных регионов России, написанные в стихотворной форме, прозе и жанре сказки.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-6047377-5-0

© Российский союз профессиональных литераторов, 2022
© Изд-во ИП Колупаева Е.В., 2022

СТИХИЙНАЯ ФАНТАСТИКА

Марина Батасова, г. ***Тверь.***

***

В темнеющем море уходят на дно
Все рыбы. И движутся камни.
Великою силой глубин им дано
Жить временем более ранним.

И слышать, как ветер свистит над песком,
Как мёртвые птицы взлетают,
И ждёт океан... И на берег ползком
Крадутся древнейшие твари.

***

Любая тварь, морская и речная,
В глубинах, там, где тьма и полутьма,
В про-космосе холодном и в печали,
Движением одним сводя с ума,

Плывёт… Всё ускоряются потоки
Вокруг неё. Всё медленнее тварь.
Но жертва, ею выбранная строго,
Осознаёт бездействие едва ль.

Олег Белов, ***г. Рязань.***

***

Обезмолвел эфир, пустота в интернете,
И бумажные письма упорно приходят назад.
Только пятна, покрывшие меч на рассвете,
Говорят даже больше, чем можно словами сказать.

Я срываюсь из дома буквально в мгновенье
И, поправ осторожность, по трассе уверенно мчу.
Древний меч на переднее брошен сиденье…
Он готов пробудиться и стать продолженьем плечу.

Эти пятна, покрывшие меч на рассвете,
Говорят – о морали не время сейчас рассуждать.
Столько грязи на этой безумной планете,
Но дано ли нам право порочную жизнь отнимать?!

***

Там, за лесом, говорят, есть портал.
Взвод солдат туда вошёл и пропал.
Я с тех пор уже дожил до седин,
Как недавно вдруг вернулся один.

Он такой же, как тогда, молодой,
Сумасшедшие глаза и седой.
Что там было, ну скажи пару фраз.
Он ответил: "Я не понял. За час".

***

Рисуют нас с большими головами,
Зелёной кожей, блюдечки глаза,
А я живу спокойно рядом с вами.
Такой же. Больше нечего сказать.

Всё то же ем, дышу такой же смесью,
В которой превалирует азот.
Бывает весело. Бывает интересно.
А иногда, бывает, не везёт.

Все как у вас. Лишь иногда ночами
Я устремляю взгляд на небосвод.
Я точно знаю – не найти глазами,
Но может дом мой сам меня найдёт.

***

В небесах загораются птицы,
Города превращаются в прах,
Мы боялись, что это случится,
Но не так был силён этот страх.

Океаны наполнены ядом,
Ветер носит болезни и смерть.
Небеса скрыты дымом и смрадом,
И на солнце не больно смотреть.

Мы считали планету нетленной,
Невозможным казался пожар,
Но остался во мраке вселенной,
Лишь холодный безжизненный шар.

Нина Белозёрова, *г. Ульяновск.*

Снегурочка

Я не хочу твою весну,
Я в ней, как этот снег – растаю!
И я не верю никому...
И я любви твоей – не знаю...

Мне ненавистен день весны,
Что ранит сердце ледяное!
Пусти меня назад, пусти,
Под кров холодного покоя!

Там, в дивных, сказочных садах,
В седых снегах, искристо-белых,
Я сплю в своих волшебных снах
Среди ветвей заиндевелых...

Студёные зимы ветра
Плетут узор в небес пустыне...
Не приходи, весны пора!
Пусть сердце навсегда остынет!

Мне в снежных заметях лесных
Плыть меж теней в мечтах хотелось,
Опасен мне приход весны –
Нельзя чтоб сердце отогрелось!

Нельзя внимать твоей любви...
Пусть лишь печальные олени
Опустят головы свои,
Ко мне, ласкаясь, на колени.

Я доверяю только им!
С их молчаливого согласья,
Объято холодом моим,
Живёт заснеженное счастье!

Мне тягостен приход весны!
Куда от ласк горячих деться?!
Твои слова – весной полны!
Тревожат душу, ранят сердце...

Не обещай мне ясных дней,
Теплом согретых и любовью,
Сошли снега с души моей,
Ручьи – моей стекают кровью!

Я в половодье чувств – тону,
В огне твоей любви – сгораю!
Я жду тебя! Твою весну!
В твоих объятьях – умираю...

Дракон

До исступления – стоном,
Криком любви – довела!
Чёрные очи драконьи
Сердце сжигают дотла!

Лапами ввысь поднимаешь,
Кольцами, телом – скользишь,
Грудью, подмяв, прижимаешь
И, ощетинясь, хрипишь!

Впившись в лицо поцелуем,
Жадной кровавостью уст,

Ты – порождение безумной,
Страстной решимости чувств.

Веешь иным мирозданьем,
Сквозь звездопады летишь!
Ветер рождаешь дыханьем,
Взором внезапным пронзишь!

В теле по жилам струится
Чёрная, жгучая кровь –
Бьётся, клокочет и злится
Ярость твоя и любовь!

Тёмный посланец из бездны,
Мой смуглоликий дракон!
Ты мне даруешь небесный,
Неукротимый огонь!

Жарче меня обнимаешь –
Нет мне спасенья теперь!
Как я тебя понимаю!
И принимаю, поверь!

Глажу прохладной рукою
Раны, шипы, чешую...
Дерзкой, призывной любовью
Боль искупаешь мою!

Кошка

Она пришла, вся в бусах и каменьях,
И приласкалась головою Сфинкса.
В её зрачках нет страха и сомненья,
А в сердце – нет стремленья возвратиться

Закат над Красными горами полыхает,
Над пирамидами диск солнца луч низводит...
Она дорогу в зазеркалье знает,
Она одна во тьме её находит!

Звезда танцует меж ветвей кораллов,
И крабы голубые в море прячут
Свои тела средь раковин опалов,
Над ними цапли венценосно плачут.

В вечернем море тонет беспокойство,
Пасутся рыб стада – неисчислимы!
Она же – воплощенье благородства,
Невозмутимо проплывает мимо...

Текучий Нил истому источает,
Пустыня упивается свободой!
Закат над Красным морем догорает,
Оно, зеркальное, небесным вторит сводам!

Весь Млечный путь – в бессмертие дорога!
Веди ж меня, мой Сфинкс голубоглазый,
Между блистающих безжизненных отрогов,
В Долину Царскую, где не была ни разу!

Туда, где солнце канет в преисподню
И где Осирисом с рассветом возродится,

Веди меня! Быть может, я сегодня
Восстану из затерянной гробницы!

Царицей стану в этом мире править,
А ты замрёшь у трона, мне пророча,
И, как сестра, ты мне простишь забавы –
Мою любовь в Египетские ночи...

Моё Лукоморье.

Я в Лукоморье буду жить,
Чужих приманивать Котов –
Мне станут сказки говорить,
Мурлыкать песни про любовь.

Русалкой буду в море плыть
И в пенных нежиться волнах!
А после – рыбий хвост сушить
У дуба на густых ветвях…

Я с Черномором подружусь –
Его потомки-усачи
Дозором охраняют пусть
Мой берег сказочный в ночи.

Сумею с Волком говорить
Звериным, диким языком,
С ним после – на луну повыть
Под дубом сядем вечерком.

А с Лешим – танго танцевать
И костяной стучать ногой!
Пусть вся округа будет знать,
Что он заигрывал со мной!

Взметнусь верхом на помеле
В одну из сумрачных ночей!
Сокровищ горы – только мне
Предложит любящий Кощей!

Смогу поладить с колдуном –
Бородку нежно подстригу,
И юный, будет он потом
Свиданья ждать на берегу!

Артём Белянин, ***г. Ульяновск.***

Сказка о лесной дружбе

Тянут сосны в небо величаво кроны,
С их пушистых веток каркают вороны,
А в корнях, что прячут вырытую яму,
Жил волчонок с папой, потерявший маму.

Ушки на макушке, бархатные лапы,
Рос он непослушным, огорчая папу.
Так однажды утром, с бабочкой играя,
Серый непоседа убежал из стаи.

Смелого волчонка бабочка дразнила
И от дома в чащу долго уводила.
Он, за ней подпрыгнув, как хватило силы,
Кубарем скатился в заросли осины.

К счастью, для волчонка, у лесных дорожек
Жил в уютной норке одинокий ежик.
Услыхав тоскливый тонкий голосочек,
Он нашел застрявший, серенький комочек.

Притащил, стараясь, веточку берёзки,
Засиял Пушистик, вытирая слёзки.
И, схватив тот прутик острыми зубами,
Потянулся к другу, хлопая глазами.

Ёжик так старался, всё тянул тростинку,
Долго упирался, выгибая спинку.

Но держали крепко заросли осины,
Вытащить волчонка не хватало силы.

Тут к друзьям из чащи, не издав ни звука,
Выползла большая, чёрная гадюка,
Маленький волчонок очень испугался,
Задрожал пушистый и к земле прижался.

Исподлобья глядя, гостью встретил ёжик,
Острые иголки распушив на коже:
– Не робей волчонок, что сгустились тучки,
Есть у нас не даром зубы и колючки!

На ежа гадюка грозно зашипела,
Двинулась навстречу, извиваясь телом.
– Прочь! Не то с тобою разберусь я следом!
Между мной стоишь ты и моим обедом!

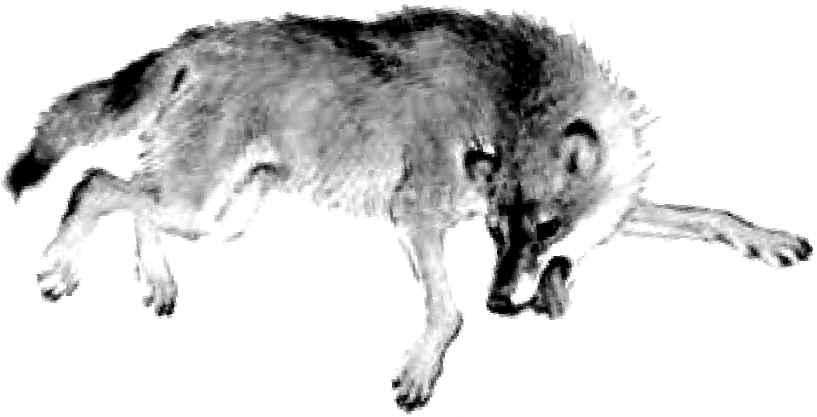
Ей бесстрашный ёжик преградил дорожку
И со всей отвагой грозно топнул ножкой!
– Даже не надейся взять меня испугом!
Ни за что не дам я пообедать другом!

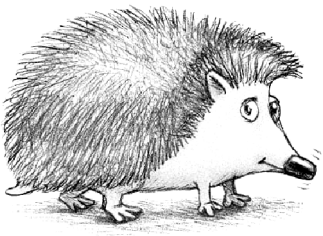
И с ежом схватилась старая гадюка,
Вмиг притихли птицы, стихла вся округа...
Он в клубок свернулся, маленький, но колкий,
Но вонзились зубы, сквозь его иголки.

Был своей победой враг обескуражен:
Яд её змеиный ёжикам не страшен.
А на место битвы, ощетинив холки,
Из дремучей чащи показались волки.

Папа волк метнулся молнии быстрее,
И клыки сомкнулись на змеиной шее...
В жизни друг за другом ходят перемены!
Выбрался волчонок из лесного плена.

Обзавёлся другом одинокий ёжик.
Ведь на свете дружба нам всего дороже!
Не страшны враги нам! Знайте это, дети!
Выручка и дружба всех сильней на свете!





Евгения Васильева, ***г. Новомичуринск, Рязанская область.***

Котята

Вчера летним днём
На песке у реки
Котята резвились,
Играя в снежки.

Откуда снежки?
Я не знаю сама.
Вчера ведь была
Далеко не зима!

Не верите? Но
Я сама у реки
С котятами долго
Играла в снежки.

И я бы могла,
Чтобы всё доказать,
Что это не ложь,
Вам снежок показать.

Да, я бы могла...
Но мешает одно:
Снежок, к сожаленью,
Растаял давно!

Как Энн летала

Энн решила, друзья, научиться летать,
Энн узнала, что это возможно.
Надо просто уверенно, чётко понять,
Что полёт – это вовсе не сложно.

В самом деле, ведь могут же птицы парить!
Крылья? Что ж, мы опустим детали.
Это ясно, и что тут ещё говорить –
Наши предки когда-то летали

«Обезьяны, наверно, от птиц родились!
Иль напротив…» – Энн точно не знала.
Но любой сможет взять и направиться ввысь:
Энн себе это твёрдо внушала.

Энн так долго твердила себе про полёт,
Рассуждала так твёрдо и смело,
Что в один вдруг прекрасный внезапный момент
Энн взяла – и взаправду взлетела.

«Но ведь так не бывает! – вскричала Энн тут, –
Я ведь просто себя обманула!»
Вмиг обрушилась вниз, зацепившись за стул,
И тогда облегченно вздохнула.

Ирина Власова, *г. Рязань.*

На площади

На площади города – крики и споры,
В торговых рядах копошится народ,
Торговцы снуют, и орудуют воры,
И магнитофон чей-то громко орёт.

Вдруг солнце зашло, и рассыпались тени,
И шумные толпы замолкли на миг…
Весь воздух сгустился во тьме и смятенье,
Да дуб старый вмиг зашумел – и поник.

По улицам грязным шла ведьма босая,
В руке её посох стучал об асфальт,
И космы седые от ветра играли,
Блуждал по прилавкам пронзительный взгляд.

Оставив столетие тьмы за плечами,
Постигнув все тайны мистических книг,
Закрыв свою избу стальными замками,
Та вышла к толпе в знаменательный миг.

Она улыбнулась с немым одобреньем
Торговцу травой: «Какой дивный базар!
Скажи, добрый молодец, мне нужно зелье.
Но есть у тебя ль подходящий товар?

Немного вербены, немного полыни,
Щепотка аниса да лот белены…
Пока эти травы в котле не остыли,
Мне будут гусиные лапки нужны…»

«Гусиные лапки? У нас только травы!
Гусиные лапки – в отдел мясника.
Да чем же тебе мой товар не по нраву:
Укроп да петрушка, да ус чеснока?»

«Любовный напиток я, молодец добрый,
Желаю сварить, уж я стала слаба –
И, может, устроится зельем любовным
Несчастная чья-то слепая судьба.

Подвластны любви все живущие люди,
И зелье волшебное будет в цене…»
«Вот странная баба! Кто ж брать его будет?
Вот зелье богатства – вот это по мне!»

И дружно смеялся, толпясь у прилавка,
Толкая друг друга локтями, народ:
«Откуда пришла ты? Вот дикая бабка!
Давно уж в цене не любовь, а расчёт!»

«Любви не хотите? Ну, ладно. Другое
Оружие есть в арсенале моём.
Вот сонное зелье – и недорогое,
Кто выпьет его – тот заснёт вечным сном.

Я многих напитком своим усыпила,
И гномы лесные – свидетели мне,
Что Белоснежкою, как и Людмилой,
Испытаны чары те были во сне.

Купите, родные: дешевле лишь даром!
Так просто врагов ваших им усыпить,
Чтоб, лишь напоив их душистым отваром,
Спокойно и счастливо в мире вам жить!»

И снова – лишь смех средь базарного гама:
«О ведьма! Зачем же нам зелья твои?
Давно они спят уж под телепрограммы,
И стали бессильными наши враги!»

А ведьма, нахмурившись, грозно молчала.
Лишь только сжав посох иссохшей рукой,
Ступая вперёд, грубо им растолкала
Скопленье людей, окруживших стеной.

И дальше пошла, приподняв подбородок.
В седых её космах играли ветра…
И снова, заметив каких-то торговок,
К прилавку богатому их подошла:

«Чудесный товар! Будь здорова, купчиха!
Нужна мне живая вода! Продаёшь?
Лет сто назад здесь торговали ей лихо,
Ну, а теперь – днём с огнём не найдёшь».

А та отвечает: «Здорово, красотка!
Живая вода? Не могу подсказать.
Но зато есть первоклассная водка:
На всём нашем рынке такой не сыскать!»

Минуту, задумавшись, ведьма стояла,
В тот миг ощутив себя как бы чужой…
И, будто опомнившись, тихо сказала:
«Опять меня манит дорога домой…

Века утекли. Измельчали и люди.
И знанья мои никому не нужны.
Все сказки забыты мои в простолюдье,
И тайны мои для людей не важны.

Дорога неблизкая, я б улетела,
Да вся обветшала, истёрлась метла…
Её за пятак я купить бы хотела.
Продайте метлу мне – и я бы ушла».

«Да что же ты, старая? Что за вопросы?
Ну, кто же сейчас подметает метлой?
Тебе я могу предложить пылесосы:
Новейший завоз, но со старой ценой».

Нахмурилось небо. И тучи нависли.
С прилавков, спеша, убирали товар;
Да шёпот деревьев, как мрачные мысли,
Нанёс в сердце ведьмы последний удар.

А люди не видели, как, отвернувшись,
Колдунья достала в суме пузырёк,
Взяла, с сожаленьем назад оглянувшись, –
И сонного зелья вкусила глоток.

Но время ушло и сердца изменило,
Сменило любовь на холодный расчёт –
И, как когда-то царевну Людмилу,
Колдунью-злодейку никто не спасёт.

Теперь для неё – только странные грёзы,
Которые ей подарил вечный сон.
А в мире всё так же свирепствуют грозы,
И так же безумствует магнитофон.

Марина Левахина, *г.Ульяновск.*

Маленькая сказка

Рассказчик

В одном королевстве принцесса жила.
Крутым она славилась нравом.
Однако, гуляла другая молва:
Мужчины боролись за право
Носить в медальоне – у сердца как раз –
Её завиток несравненный.
Тогда в королевстве был издан указ:
Кто сможет у девы надменной
Добиться улыбки – тот будет ей муж.
Но кто бы и как ни старался,
Осилить задачу был явно не дюж –
С позором домой возвращался.

Король

Как нынче тебе, дорогая, спалось?

Принцесса

Ох, папенька, как я устала!
За целую ночь мне вздремнуть не пришлось!
Мешает мне всё: одеяло,
Подушки, перины! Какой-то кошмар!

Король

Моя ты красавица, скоро
К нам гости пожалуют…

Принцесса

Снова пиар?!
Мне тошно от этого хора!

Король

Пожалуйста, солнышко, умницей будь!
Ну что тебе трудно, ей-богу?!

Хотя б ненадолго капризы забудь.

Принцесса

Я знаю, как это «недолго»!
Вот сколько могу я всё это терпеть?
Мне все женихи надоели!

Король

Я очень прошу возмущенье стереть!

Принцесса

Да нервы уже на пределе!

Миллионер

Я все миллионы бы бросил к ногам,
Когда б Вы женой моей стали!
И Вы бы купались в брильянтах, мадам,
Сокровищам счёту б не знали!

Принцесса

Всё с вами понятно… Езжайте домой.
Считайте несметны богатства.
За них отвечаете Вы головой.
Не стоит сюда возвращаться.
Кто там у нас дальше?

Фермер

Наверное, я. Своими я землями славлюсь.
И Вас я прошу быть моей, не тая,
В надежде, что, может, понравлюсь…

Принцесса

Отказом отвечу я. Дальше там кто?

Шейх

О, Ваше Величество, в трепет
Приводит меня несравненный цветок!
Пред ликом божественным меркнет
Сияние звёзд над морскою волной!
То явь или сон беспробудный…

Принцесса

Скажите, какою по счёту женой

У Вас, о, Великий, я буду?
Кому предоставить теперь выступать?

Ковбой

Красавиц таких не видал я!

Принцесса

Ещё что имеете Вы мне сказать?

Ковбой

Мой лучший жеребчик-каналья…
Хотите объездить гнедого? – Он Ваш!

Принцесса

По-моему, в дверь позвонили…
И, кажется, время читать «Отче Наш»…

Ковбой

Так Вы мне ответите, или…

Принцесса

Ответ вы про лошадь хотите узнать?

Ковбой

Да нет же! Хотел бы услышать,
Желает ли дама женой моей стать?

Принцесса

Она не желает! Там дышит
Вновь прибывший гость или умер уже?

Князь

Я – князь.

Принцесса

Очень мило. Мой папа.
Какие шедевры у Вас? Фаберже?
Рассказ, как женили арапа?

Князь

Меня Вы лишили покоя и сна.

Принцесса

Когда же я это успела?
Вы только что прибыли. Может, весна
Влиянье на Вас возымела?

Князь

Я многое видел и многое знал.
Такого со мной не бывало.

Принцесса

Довольно с меня! Все покинули зал!
Прощайте же! Я всё сказала.

Князь

Позвольте, но я не закончил пока.

Принцесса

Как смеете Вы мне перечить?
Воспитанность Ваша хромает слегка.

Князь

Моё воспитание крепче,
Чем очень у многих, рискую донесть.
К тому же, любить я умею.

Принцесса

Я Вас ненавижу!

Князь

Какая мне честь!

Принцесса

Задерживать больше не смею.

Князь

Пожалуй, Вы правы, пора мне идти,
Но я отступать не приучен.
Отмечены звёздами наши пути.
А мир неприветлив и скучен,
Когда в нём, огромном, нет места любви.

Рассказчик

Сказал и ушёл, не прощаясь.
Кто ей теперь муж, угадаете Вы?
Их свёл-таки случай, и, каюсь,
Навеял мне мысли поведать о нём.
Что в будущем ждёт их – известно,
Поскольку мой сказ со счастливым концом.
Их дети – не сыщешь прелестней!

Алексей Мальчиков, *г. Скопин, Рязанская область.*

Фантасты

Ценя всего превыше факт, эксперимент и довод прочный,
Проложат в будущее тракт служители науки точной.

Они взойдут на высоту, шагнув к вселенскому порогу.
Но кто скроил для них мечту? Кто им показывал дорогу?

В подводном царстве — шум винтов. Преодолеть
пучину силясь,
Плывет собрат морских китов непобедимый «Наутилус».

Угрюмы скалы, камень твёрд, но удивительно и споро –
Всего мгновение – и вот луч световой разрезал гору.

Старинный подвязав халат, безумец мастерит в загоне.
Он создал странный аппарат, он время без труда обгонит.

В грязи осыпавшихся рвов полки простуженной пехоты,
Чтоб не было войны миров, с утра поднимутся на доты.

Хвала тому, кто душу спас, солдат же свят
с рожденья не был,
Но залп ракет, как трубный глас, им возвестит:
«За вами небо!».

И средь космических морей, где стынет пена золотая,
Дорогой звёздных королей пройдут все те,
кто жил, мечтая.

Татьяна Мансурова (Тина Нейва)
р. п. Старая Майна, Ульяновская область.

Сказка про царя, который прославил Державу
(*Театр трёх актёров)*

На сцену, спотыкаясь и зевая, выходит царь. Он без короны, в галошах и с синяком под глазом. За собой царь тащит трон. Установив трон, царь ловит муху, снова зевает, усаживается на трон и засыпает.

На сцену выбегают Дунька и Манька. У Маньки в руках корона и царская мантия. Увидев царя, девки останавливаются. Дунька на цыпочках идёт к микрофону, а Манька осторожно надевает на спящего царя корону и укрывает его мантией.

Дунька

В неком царстве – государстве,
Преумноженном боярстве,
Жил да был престранный царь,
Стороны той государь.
Как он правил – его дело.
Мы же сказку баем смело:
Как он жил… И почему
Люд не кланялся ему.

Манька

Ох, ти, как всё надоело (*вздыхает…*)
Утресь снова будет дело…
Царь наш встанет со кровати,
Выдрет бороды всей знати,
На покосы сгонит стражу,
Взыщет с повара пропажу,
Проморгнётся , встрепенётся,

Да за гусли вновь возьмётся,
Как блаженный заорёт –
Разбегайся весь народ.

Дунька

Мы расскажем Вам вначале,
Отчего мы все в печали.
Дочка царская, девица –
Наша милая сестрица
Своего отца стыдится!
Ну, куда это годится?

Манька

Царь (мозгов как в той коряге)
Держит нас в большом напряге.
Страсть, как любит песни петь:
Спозаранку – ну реветь!
Голосит он цельный день!
В гусли тренькает – не лень!
Нотной грамоты, не зная,
Верещит, народ пугая.
Нам велел без всякой шутки
Стих зубрить цельные сутки!
Коль увидит без бумажки –
Плохо будет той бедняжке!

Дунька

До того всем надоел,
Что народ ему хотел
Объявить глухой бойкот.
Нипочём ему – орёт!
И тогда придумал люд:
Он не царь, а просто шут!
А зачем шуту поклоны
И царёвы панталоны,
Коли гусли на уме?

Манька

Да и рожа в хохломе.
Цельный день вчера не жрамши,
Лоб разбил, с утра играмши!
Он у нас совсем свихнулся!
Как язык ведь повернулся!
Повелел нам хрыч уродский
Называть его Высоцким!

Дунька

Слава бардовская, знать,
Не даёт спокойно спать!
Ну, тогда уж, может быть,
Ему и отчество сменить?
(Смотрит на царя, испуганно прикрывает рукой рот.)
Ох, ти мне, проснулся царь,
Наш великий государь…

Слышится кашель. Царь потягивается. Трёт глаза. Смачно зевает. Оглядывается по сторонам.

Царь:

Манька, подь сюды, зараза!
Поклонись царю три раза.

Манька: (*топает ногой*)

Вот ни сколь я не согнусь!
Лучше сразу удавлюсь!

***Царь*:** (*подозрительно косится на Маньку)*

Да тебе, что б удавиться,
Нужно шибко потрудиться!
И хотел бы я узнать –
Где таку верёвку взять?
Ну, удавиться ты успеешь
(*машет рукой в сторону Маньки*)
.

Сперва бороду мне сбреешь,
Песню новую услышишь.
Ась? (*пауза*) Чего так тяжко дышишь?
(Поворачивается одним ухом в сторону Маньки, прислушивается)

Дунька

Надоели гусли эти,
Как заноза на паркете!..

Царь вскакивает, громко и возмущённо орёт

Царь

Как могли вы так посметь,
Царских песен не хотеть?
Вот сейчас спою на славу
Про родную, мать *(пауза*) – державу.
Ну-ка, (*пауза)* гусли мне подайте.
Вон в сторонку – не страдайте!

Манька отходит в сторону и достаёт из холщовой сумки надкусанный батон, устраивается удобней и начинает с аппетитом есть.

Дунька подаёт царю гитару, и тот её неловко, с опаской берёт. Вертит так и этак. Разглядывает.

Царь

Это чё за анструмент,
Кой на ём компанемент?

Дунька

Эт, надёжа-царь, гитара.

Царь

Не видал сего товара
Где взяла ты эту дичь
Как её теперь постичь?

(Берёт гитару, как гусли, пытается на ней играть.)
Как играть на ей, видала?
Дунька *(мечтательно вздыхает.)*
Да, когда я услыхала
Песню чудо-игреца,
Трубадура-молодца…
Манька (*закатывая глаза и улыбаясь)*
Про любовь он песни пел,
На меня он всё смотрел.
Дунька *(возмущённо и скандально)*
На тебя? Ты врёшь пошто?
Манька *(оглаживает своё необъятное тело)*
Да поверь, уж есть на что!
Дунька *(обиженно кричит)*
Холодец в расшитой юбке!
Жрёшь и жрёшь цельные сутки!
Манька *(тоже орёт)*
Вешалка!
Дунька
Квашня! Корова!

Царь
Цыц! Сцепились, девки снова!
(девки испуганно замолкают)
Разорались, как на грядке! *(пауза)*
(*растерянно смотрит на гитару)*
Со струментом непонятки…
Говорите без обмана,
Без душевного изъяна!
На гитаре как играть? *(пауза)*
Я желаю это знать*! (повысив голос)*
Вешает гитару на шею и с интересом на неё косится.

Дунька *(с досадой на лице и укором в голосе.)*

Да не так её надел!

(в сторону)

Как же он мне надоел!
Всей неловкостью своей
Шут он! Право, ей же ей.

Манька тем временем забирает у царя гитару, показывает, как надо её держать и уводит царя за кулисы.

Дунька

Пока суд да дело – к ладу,
Царь трудился до упаду.
Челядь била все рекорды
Кажет, слышь, царю аккорды,
Учит правильно играть,
Складно петь, а не орать.
Песни пишет, ноты правит
И царёвый голос ставит!

Возвращается Манька, вытирает пот со лба.

Манька

Только дело вовсе к ночи,
А гитара петь не хочет.
Не умеет царь на ней
Поиграть. Ну хоть убей.
Дочка плачет, слуги воют –
Никому ведь нет покою!
Только царь недаром царь,
Стороны той государь!
Одолел сеи науки,
Хоть и сбил до крови руки.

Царь выходит к микрофону с гитарой под мышкой, измученный, растрёпанный, уставший, но довольный. На нём бандана и тёмные очки.

Царь

Да уж, натерпелся стрёму,
И морального облому!..
Где вы тут мои кулёмы?
Стих учили без уёму?

Манька *(со страхом тычется в свою папку):*

Здеся мы, надёжа-царь!

Дунька

Учим, учим, государь.

Царь:

Песню сбацать я желаю!

Манька *(обращаясь к подруге)*

Подпоём?

***Дунька*:**

Ну, я не знаю…

Поют песню «про царя»

Про меня молва дурная –
Я не царь, а самодур!
И живу не унывая,
Развлекая баб и кур!
На смех я и тем и этим
В гусли брякаю весь день!
И танцую на паркете,
Хоть и выгляжу, как пень.

Припев:

Эх, раз, ещё два,
Во дворе растёт трава.
Как поутру царь встаёт
Задушевно так орёт!
Эх, сколько нам бед,

Всё равно один ответ!
У царя башка такая,
Что ногам покоя нет!

А красиво песни бацать
Я умею с давних лет,
Лаптем же по струнам бряцать
Мне милее, чем обед!
Все дела, указов кучу
«Разрулю» я на заре,
Только свистнуть должен круче
Рак варёный на горе!

После песни Дунька и Манька обнимают и целуют царя.

Дунька

Ой, царь-батюшка, наш свет,
Лучше тя на свете нет!
Как ты сбацал да сыграл!

Манька:

«Браво» двор тебе кричал!
Царска дочь довольна тоже!
Прятать сей талант негоже!

Царь ходит гоголем, выпятив грудь с довольной миной.

Царь (*горделиво*)

Что ты хочешь мне сказать?
Не могла же дочь не знать,
Что пою я лучше всех.

Дунька

Хвастать батюшка ведь грех!
(*Любовно оглаживает ему бороду*.)

Но я вовсе не об этом…
Вот послушай ты совета:
В той рубахе с позументом,

Манька *(одобрительно кивает)*

Да с заморским инструментом,
Да в хорошую погоду
Покажи себя народу!
Пусть узрит твою игру!

Царь (*возмущённо кричит.)*

Нет! Уж лучше я помру.
Что я вам… придворный шут?
Вот ведь мысли-то взбредут.

Манька пытается уговорить царя, но тот машет на неё руками и почти убегает за кулисы.

Дунька

Долго спорили с царём!
Пробегали день за днём.
Арфа в доме появилась,

Манька

Домра в кресле поселилась,
Синтезатор и баян…
От новинок царь аж пьян.

Дунька:

От утра и до утра
Во дворце идёт игра.
Царь совсем не ест, не пьёт
И поёт, поёт, поёт…
Стал он музыку слагать
Да в журналы рассылать.
И прославил царь державу,
Дав великую ей славу.

Манька

Если сам царь так поёт,
Так каков же весь народ?
Стали ехать иноземцы,
То ли чукчи, то ли немцы,
Навезли мехов и злата,
Разукрасив все палаты.
Хвалят, кланяются в ноги,
Хоть устали от дороги.

Дунька

Только царь чихал на это,
Ищет справного поэта,
Песни хочет сочинять,
Что б народу их сыграть.
Дочку замуж смог отдать,
Та – детишек нарожать!

Манька

И скажу я вам – немало!
У царя заботы стало –
Хор из внуков создаёт,
И поёт себе, поёт…

Возвращается царь. Он в современном элегантном костюме. Дунька с Манькой восхищённо на него таращатся.

Царь

По елику мне сказать,
Да царю не сметь соврать!
И какой такой нахал,
Письма за кордон писал?

Манька *(удивлённо пожимает плечами)*

Мы писали за моря,
Чтоб порадовать царя!

Выписали с заграницы –
К нам заморскую певицу.

Дунька

Голос, говорят, бездонный!
И зовут её Мадонной.

Царь *(задумчиво, с уважением)*

Целомудренно зовётся…
В нашем царстве приживётся!
(*повышает голос)*
Гостью, слышь, не обижать! *(пауза)*
Ну-ка, ноты мне подать!

Дунька подаёт ноты. Царь с интересом их изучает.

Манька

Одним словом – царь доволен,
Старый штат давно уволен,
И позвал он во дворец
Хор Турецкого.

Дунька

Конец
Этой сказки всем уж ясен,
И, как песня, он прекрасен!
И народом царь любим,
Все гордятся ныне им!

Манька

Чтоб прославить государство,
Наше славное боярство,
Не отрёкся царь от песни!

Царь

С нею жить мне интересней…

Татьяна Маркелова, ***р. п. Старая Майна, Ульяновская область.***

Про Счастье

Говорят, на заре в одночасье
На пригорок свалилося Счастье.
Неразумное, бестолковое,
Как птенец из гнезда, но с подковами,
Золотыми, причём, да звонкими,
Целых три зажаты ручонками.
А раз нечаянное сотворилось,
Надо, чтоб к месту определилось!

Вот выходит оно на дорогу
Оглядеться вокруг понемногу.
Вдруг да кто подвезёт,
И ему повезёт?!
Ну и глупое, нежданное Счастье,
Да, по-моему ль будет? Отчасти.

У стоящего на обочине рано
Тормознул водитель автокрана,
Подмигнул:
– Непутевым привет,
Эх, прокачу и без горсти монет!
(Он решил, перед ним дивчинка,
растерявшая честь по кабинкам)
И дорогой расспрашивал, хмурился:
– Ну, кому ты нужна? Не фигуриста...
Я-то семейный, до вас не охоч,
Страшно представить, была б моя дочь...

Что насупилась? Я ли не правый?
Впрочем, приехали. Мне направо.

По мосту Счастье шлёпало, сникнув,
К людской гордости враз не привыкнув.
Вот навстречу старуха с внучонком
(Черноглазый такой мальчонка),
Тот пищал ей, довольно прыгая:
– А ведь, бабонька, рыбка я, рыбка я...
– Рыбка ты, пострелёныш мой чудный,
Счастлив будь со своею причудой.
И прошли мимо Счастья довольные
За мосток, где луга привольные
С медуницей и васильками,
Где лесок, что поит родниками.

Там, у леса – селения крыши.
Из него здешний житель шёл, Гриша:
Не то Счастьице к нам спешит?
Что забыло в такой глуши?
Заявилось – не запылилось,
С чем пожаловать умудрилось? –
Зубоскалил парнище недобро, –
Может, гостьюшке врать удобно,
Подержать даст синицу в руках,
А само журавлём в облака?
Призадумалось Счастье, осунулось,
В первый дом, во второй, в третий сунулось,
Видит, вроде б ему здесь и рады,
Только ждут от него все награды,
И за то, за другое – всё денег,
Будто Счастье – богач и бездельник!
Отобрали подковки, прощупали
Да и спрятали где-то под шубами.

Стали пить и про Счастье забыли,
Даже толком не накормили!
Съёжилось бедное, дышать ему нечем,
А утром пьяные трясут за плечи:
– Эй, ты Счастье пустое, безродное,
Ты ль не чучело огородное?!
Кому да и чем поможешь,
Глупое, зря нас тревожишь.
Живём мы в грехах,
Что ни день – всё напасти,
А тут ты явилось, обманное Счастье.
Давай убирайся, дарить раз нечем,
Не то пожалеешь, гляди – покалечим!
Вырвалось Счастье, идёт и плачет:
– Неужто, само ничего я не значу?

А навстречу ему Илюшка,
И в кармане в тот день ни полушки.
– Кто тут сырость взялся разводить?
День особый сегодня. Не ныть!
Заходи-ка ко мне, вот дверь,
Не обижу тебя, поверь.
Пусть скудна моя пища, зато
В меня пальцем не ткнёт никто.
Завтра, Бог даст, заработаю,
Никакой не гнушаюсь работы я.
Есть из всей животины пёс Грэй,
На охоте мне с ним веселей.
Ты подружишься с ним, ясноглазое...
И теплее вдруг стало всем сразу.
Осмотрелося Счастье и видит:
Да, никто его тут не обидит.
А над дверью хозяйской – подковка,
По-старинному кована, ловко.

Пусть не золотая, но настоящая.
И решило остаться здесь Счастье.

Зайцем год промелькнул,
Другой на исходе.
Что же там у друзей происходит?
Уж надумал Илья наш жениться –
Сердце Настеньку видеть стремится.
Дружит со Счастьем Илюша, не тужит,
Добрым примером в делах своих служит.
В крепких руках у Илюхи всё спорится,
По пустякам он не злится, не ссорится;
Нового дома видна половина,
Машет платочком в садочке калина...

Сказка всё это. А может, не сказка?
Если захочешь, найдёшь и подсказку.
Всем на прощание скажет Илья:
– Счастье свое повстречайте, как я.
Да берегите его, не гоните.
Будьте здоровы и... заходите!

***

На даче овощной переполох –
Рвёт на себе стручки сам царь Горох:
– Чей недогляд? Пророс Чертополох!
Кому-то трёпки бы задать за это, ох!

Морковка не жива и не мертва:
– Я, Ваша честь, возможно, не права,
Но чем Чертополох так плох?
Капусту сбережёт от блох.
– Да чтоб девице было пусто! –
Съязвила тут Капуста.

– Цветы мне бархатцев дороже,
А этот так колюч, о Боже!

– Напомним, что земля здесь не игрушка! –
Заволновались Лук с Петрушкой.
– Кого-то дальше оттесняют,
Не каждый день и поливают,
А этот дюже ловко
Пристроился к Морковке!..

– Молчи-ка, зелень, – перцы слово взяли,
(не зря крутыми их прозвали)
– К нам гость пожаловал, а мы
Порой довольно не скромны!
Чем плох Чертополох? Колюч?
Как Сельдерейка, не пахуч?
Зато прольёт дождём из туч,
И будет гостьюшко могуч.
В Горохе что? Одни стручки,
И в Кабачках лишь кабачки.
Тут надо ширьше взгляд иметь,
Чтоб видеть золото, не медь!
Целебней нет Чертополоха,
В нём витаминов кучи,
Он экзотичен, что неплохо,
Мы все с ним станем круче!

– Как тонко Вы развили мысль! –
Томаты аж приподнялись.
– По-братски скажем, пусть растёт
И прославляет огород!
– Ого! Какая прыть, пардон, –
Не удержался Патиссон,
– Он почву окультурит что ли?

Бьюсь об заклад, что лишь засорит.
Побойтесь, овощи, греха,
Гоните прочь – он мал... пока.

– Да! – Свекол вспыхнула гряда,
– Нельзя пускать его сюда,
Заполонит он все, как лес,
Нас сгонит всех с привычных мест.
Сорняк и в Африке сорняк,
Всем овощам он злейший враг.

Вот Хрену с Редькой он не страшен,
Друг друга парочка не слаще,
Взяла б сорняшку в оборот... –
Качнулся на ветру Укроп.

– А на фига такой нам сдался?! –
Хрен у забора заметался.
– Родни полно вокруг меня,
Да жмёт твоя же ребятня.
Горазд ты сеять семенами,
Вон лыс опять, пусть впредь меж нами
Намекам разным не бывать,
Не то... случайно б не сломать!

– Как сказано непоэтично! –
Кудрявая Фасоль пропела.
– Подпоркой мне он будет лично,
Я о такой мечтать не смела.
Легко мы с ним договоримся,
Когда вдвоём объединимся,
И что с того, что он сорняк,
Готова полюбить и так!

– Кто кроме нас тебя оценит? –
Не умолчали Огурцы.
– Вот плети мы свои расстелим
И будем точно молодцы.
Нет лучше овоща сезона –
Зелёненького корнишона,
Спускайся к нам, за нас цепляйся,
А в проходимцев не влюбляйся!

– Не верь им, дорогая джан, –
Фасольке крикнул Баклажан, –
Средь Огурцов ты пропадёшь
И в сорняке чувств не найдёшь.
Другое дело – Баклажаны,
Вишнёво-смуглые южане.
На даче всех мы горячей,
Сорняк же пусть растет ничей!

Дородной Тыкве не до смеха:
– Чертополох вам не потеха!!!
Глушил меня Осот, признаюсь,
С тех пор от сорняков сгибаюсь.
Завяну скоро от тоски,
Попав в колючие тиски.

Картофель сыпал цветом белым:
– Ах, как всех слушать надоело.
Какие страсти!? Сушь кругом;
Хотя б смочило нас дождём,
Вошли бы в силу, а потом
Договорились бы о том,
Каких гостей нам принимать
И чем хозяев удивлять.

Но дождь не шёл, сияло Солнце
Во всё свое златое донце.
Пропал к пришельцу интерес,
Чертополох же лез да лез.
Когда из отпуска вернулась
Хозяйка дачи, – ужаснулась:
Ни перцев с луком, ни картошки,
А лишь Чертополоха рожки.

Мораль сей басни очевидна:
За дачную державу стыдно.
Раз в ней царит Чертополох,
Наверняка, хозяин плох!

Ольга Семёнова, *г. Ставрополь.*

Из «Волшебных сказок Лучезары». Добрыня Никитич.

Расскажу вам, ребятишечки,
То ли сказку, то ли былюшку,
Что у князя и княгинюшки
Народился сын Добрынюшка.
Вскормлен белой грудью матушки –
Дорогой своей кормилицы.
Князь Никита – его батюшка,
Как ни глянет – всё умилится.
Колыбельные пророчества
Знал Добрыня от рождения:
Не познает одиночества,
Победит во всех сражениях.
Рос Добрыня – княжий сыночка,
Его славная кровиночка.
Молодец среди всех молодцев
С богатырским громким голосом.
Раздобыл коня наш княжиче
И доспехи золочёные,
Пса и сокола учёного,
Чтобы бить в боях всех вражичей.
То долиной, то равнинушкой
Погулять ходил Добрынюшка.
Враги – недруги пугалися,
От Добрыни разбегалися
Иль в живых не оставалися.
Прогибалися их спины
От сорочинской дубины.

Повстречался раз ему в степи
Богатырь дотоль неведомый.
– Путь Добрыне, слышишь, уступи,
По родной земле проеду я.
Но, видать, замешкался тут встречный,
То ль заправдашно, а то ль в прикид,
Только за поступок сей беспечный
Он сейчас на землю полетит.
Так и получилось: наш Никитич
Повернул копьё тупым концом
И свалил ударом в грудь, не кичась,
Он богатыря, хоть был юнцом.
Спешился Добрыня, наклонился,
Снял шелом с поверженного им,
Латы расстегнул и удивился:
Девушка лежала перед ним.
Красотой дивясь необычайной,
Подложил под голову колчан.
Потрясён такою дивной тайной,
Долго богатырь над ней молчал,
Над притихшей девою красивой.
Вот она уже очнулась тут:
– Одолел меня, Анастасию,
Что Никулишною все зовут.
Там, где о тебе протрубят славу,
Сразу вспомнят люди и меня,
Так навеки связаны по праву
Наши судьбы с нынешнего дня.
Деву подхватил с земли Добрыня
И поцеловал в уста к тому ж.
– Ты теперь жена моя отныне,
И навеки я – твой верный муж.

Приняла их матушка родная.
Князь – отец благословил чету.
Все рода от края и до края
Собраны на свадьбу были ту.
Пролетели год или три года.
Снова едет витязь в степь ту дикую,
Дабы от разбойничьего сброда
Уберечь родную Русь Великую.
И с благословенья материнского
Пристегнул Добрыня меч отцовский,
На коня садяся исполинского,
Обнимая ласково и ловко,
Поднял на руках Анастасиюшку,
Свет Никулишну – свою супругу.
В полноте его явилась силушка,
Попросил жену свою, подругу:
Еду не на день, не на четыре,
Коль три года не получишь вести,
Станешь ты свободною невестой,
Замуж выходи, Анастасия,
За кого душа твоя захочет.
Только не за названного брата –
То Алёша, прозванный Попович.
С ним не будешь счастием богата.
Нет в любви Алёши постоянства…
– Не волнуйся ты, мой ясный сокол,
Говорю тебе не из упрямства.
Добрый конь копытами зацокал.
– Сверх трёх лет ещё тебя три года
Подожду, лишь возвращайся, милый.
Мне зачем невестина свобода?
Я тебя всем сердцем полюбила.

Ускакал Добрыня. Зимы, лета,
Пролетают годы. Вырастает
Новая трава, а вести нету,
Только женихов кружится стая.
Всем Анастасия отказала.
Круг шестого года завершался.
На пороге, выходя из зала,
Ей Попович Лёша повстречался.
Говорил: «Не рад я этой вести,
Только сам видал Добрыни кости.
Были мы с товарищами вместе,
На злодеев воспылали злостью.
Добрый конь понурый, без ухода,
Бродит одиноко у ракиты,
Где земля копытами изрыта,
Там доспехи ржавые находим».
То известье понесла молва:
– Настя-то Никулишна – вдова.
От бесчинства вражьего стенала,
Что свалилось на неё несчастье,
Что вдовою молодою стала,
Долго не желала верить Настя.
Предложенья отвергала сразу –
Получали женихи отказы.
Как Анастасиюшка страдала,
И вестей уже не ожидала.
А Алёша в день являлся каждый,
Вот и согласилася однажды
Стать женой Поповича Алёши.
Будет ли он для неё хороший?

В это время муж её Добрыня
Землю охранял – свою святыню.
Совершая ратную работу,

Супостатов побивал без счёта.
После жаркого такого боя
Он уже готов заснуть был стоя,
Но шатёр раскинул полотняный
Пред вечерней зорькою румяной.
Положил под голову седельце,
Слаще сна нет ничего на свете.
Нынче главное управил дельце:
Тишина настала на планете.
Добрый конь к шатру его вплотную
Подошёл, копытом бьёт у входа**,**
Словно бы почуял весть плохую.
Для Добрыни? Или для народа?
Конь глазами косит на сторонку,
Выдолбил копытами воронку.
Поразмялся княжиче, поднялся,
Обо всём мгновенно догадался.
Сел в седло и взвился выше леса,
Каждый скок – без малого семь вёрст,
Его сокол рядом в поднебесье.
Словно ветер мчится верный хорст,
Дня хватило в их сопровожденье
Долететь к родительским хоромам.
Смотрит княжич: что за наважденье?
Свадьба затевается в их доме.
Женится Алёша-то Попович
На его родной Анастасии.
Где ж у брата названного совесть?
Поступает явно некрасиво.
Князь с княгиней на почётном месте,
Лица невесёлые, не праздные.
Рядом с ними жених и невеста,
Там купцы, бояре, гости разные.
Потихонечку вошёл Добрыня,

Видит грустные глаза невесты.
От такой картины сердце стынет.
На скамьях свободного нет места.
Сел тогда Добрыня на пороге,
Приготовил гусли-самогуды.
Хоть слегка уставшим был с дороги,
Звонко заиграл. И отовсюду
Потянулись гости к звукам праздника.
Князь поднялся и подходит на пиру:
– За твою-то вдохновенную игру
Я даю, гусляр, три места сразу-ка:
Рядышком со мной или напротив,
Третье там, где пожелаешь сам.
Яствами любыми, мёдом в сотах
Угощайся же на радость нам.
Сел Добрыня против молодых,
А Никулишна гостей-то потчует,
Разными напитками угощает их:
– Пейте за здоровие Поповича
И за упокой Добрыни тоже.
Был он для меня хорошим мужем
Позабыть его никак не гоже,
Именно такой мне был и нужен.
Очередь гусляра подошла,
Подаёт Анастасия чашу:
– Помяните мужнины дела
И за свадьбу пригубите нашу.
Только глянула и ахнула она,
Увидав на пальце чудо-гусляра
Обручальное, заветное кольцо,
Засветилось у Никулишны лицо:
– Вот он, вот он, мой супруг желанный,
Мой Добрыня, свет Никитович, живой.
За здоровье выпьем долгожданного.

Дорогие гости! Муж вернулся мой!
Тут Анастасия перешла
На другую сторону стола.
Села со своим любимым мужем,
И никто ей более не нужен.
Выхватил Добрыня было саблю
И хотел ударить ей Алёшу
За обман его, за эту свадьбу,
За его поступок нехороший.
Встал меж ними старший брат Илюша,
Муромцем прозванный по рожденью.
– Ты меня, Добрынюшка, послушай:
Распри не нужны нам в это время.
Вороги далёко, но клубятся.
С жизнью нам не время расставаться.
Надобно добить всех инородцев,
А сплотиться не всегда так просто.
Никому не ведать власть над нами –
Русскими в чести богатырями.
Меж собою ратиться не следует,
Лучше миром говорить, беседовать.

Князь и весь народ с Ильёй согласны.
Пир горой продолжился чудесный.
Подносили яства ежечасно,
А теперь про то слагают песни:
В мире лучше жить и интересней.
Помните об этом, люди русские,
И не поддавайтесь искусителям:
Не слагайте больше песни грустные.
Близок наш рассвет – конец мучителям!
Сказочки настало окончание,
Жизнь в потомках наших продолжается.
Обращу читателей вниманье:

Что слова народом понимаются.
Гоним всех врагов своих взашей.
Выше поднимаем свои лики,
Русский витязь главное умеет:
Биться за Державу – Русь Великую!
Гонят паразитов отовсюду,
Жизнь по волшебству уже меняется,
Радостью пресветлой наполняется:
Русь моя! С тобою вечно буду!

Полина Титова (Аполлинария Стихия)**,**
г. Рязань

В океане пустоты

Тяжестью грехов людских Божий храм разрушен был –
Голос совести затих, океан весь мир накрыл!

Без единого креста. Без компаса. Без друзей.
В душах только пустота – от Курил до Пиреней.

А я жажду раздобыть карту этих злачных вод!
Так устал я вечно плыть, но домой никто не ждёт.

Не найти причала, увы, кораблю
Не найти причала, увы, кораблю
Не найти причала, увы, кораблю
В мире нежности, стремящейся к нулю.

Выжил в битве только я: капитаном стал матрос.
Сам хозяин, сам судья в море скорби, в море слёз.

Сколько крови я пролил, сколько милей намотал!
Раны недугов солил, а потери не считал.

День и ночь в руках штурвал. Звёзд не видно. Темнота.
Я всю жизнь любовь искал, но за бортом пустота.

Не найти причала, увы, кораблю
Не найти причала, увы, кораблю
Не найти причала, увы, кораблю
В мире нежности, стремящейся к нулю.

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПРОЗА

Татьяна Азарова, *г. Калуга.*

Астрон. ***Фэнтези***

В далёких глубинах Вселенной светит огромное могучее Солнце. В раскалённой массе великой Звезды происходят такие реакции, что об этом даже страшно подумать. И в результате этих реакций потоки солнечных нейтрино непрерывно уносятся во все концы Вселенной.

Но мы не думаем об этом. Для нас Солнце – это тепло, свет, радость жизни.

Хорошим солнечным утром пятилетняя Анютка выбежала на крыльцо дачного домика. Закрыв глаза, подняла руки вверх и закричала:

– Здравствуй, солнышко! Я тебя люблю!

У Анютки светленькие волосы и длинная чёлка, закрывающая глаза. Девчушка замотала головой туда-сюда, туда-сюда. Волосики разлетались в разные стороны: туда-сюда, туда-сюда. И эта игра её забавляла и смешила. Мать уже не раз бралась за ножницы, чтобы подстричь чёлку, но она всегда от неё убегала.

– Шею не свернёшь? – спросил вдруг кто-то.

Перед Анюткой стоял мальчишка, странный какой-то мальчишка, весь светящийся, золотой, от него даже жар исходил.

– Ой, – сказала Анютка и зажмурилась. – На тебя смотреть нельзя, светишься весь.

– Да? – удивился он. – Но я могу и ослабить свечение. Не бойся, открывай глаза.

– И правда, светишься, но уже не так сильно. А откуда ты взялся?

И тут на крылечке появилась мама Лиза и удивлённо взглянула на незнакомца.

– Так-так, действительно, кто ты такой, странный пришелец?

– Я прилетел оттуда, – мальчик показал на солнце. Всего-то восемь минут полёта и я здесь. А зовут меня Астрон. Я – звезда.

– Звезда? – Анютка сделала большие глаза. – Филипп Киркоров, что ли, или Игорь Николаев? Что-то не похоже.

– Солнце – большая звезда, а я частица его – маленькая звезда, но я очень сильный.

– Это что-то наш сосед Платон Платонович опять намудрил, – заметила мама. – Он учёный, но сейчас на пенсии, старичок наш. Восемьдесят лет уже, а он неугомонный, вечно что-то изобретает, суетится. Весной грядки некому было вскопать, папа-то наш в командировке, космонавт он... Ой, доченька, помаши папе ручкой, он сейчас над нами в ракете пролетает. Конечно, он нас не увидит, но всё равно в иллюминатор посмотрит.

Так вот, дедушка Платон прислал нам какого-то робота. Тот и грядки вскопал, и всё посадил. Глянь-ка, и редисочка растёт, и укропчик, и цветы цветут. А когда жара стояла, он каким-то своим прибором каждый вечер нам дождик устраивал. Ой, совсем разболталась. Надо чай вскипятить, кашу сварить.

Мама ушла, но тут же вернулась.

– Опять новости. Электричество отключили. А газ в наш дачный посёлок ещё не провели. Э-гей, дружок, а не ты ли своим появлением нарушил энергосистему?

Астрон слегка вспыхнул и тут же ослабил свечение.

– Не знаю. Но я почувствовал какое-то лёгкое сопротивление при посадке.

А Анютка не растерялась:

– Мама, давай молоко попьём с печеньем. Чем не завтрак?

Но выход из положения нашёл Астрон. Он присел за садовый столик и вытянул на нём свои руки ладонями вверх.

– Несите что нужно. И чай вскипятите, и кашу сварите.

Маму, жену космонавта, и соседку гениального учёного, кажется, уже ничем нельзя было удивить. Она принесла чайник, поставила его на ладони мальчика и через минуту он вскипел, осталось заварить.

– А теперь, Астроша, сбавь-ка температуру, кашу буду варить.

У Анютки, за всем наблюдающую, были весёлые солнечные зайчики в глазах. Но вот каша готова, и Елизавета стала хлопотать, накрывать столик тут же в саду. Пригласила гостя к завтраку, но тот отказался.

– Я от солнца питаюсь, – объяснил он, – а ваша еда мне не подходит.

– Он же, звезда, мама, настоящая звезда, а не какой-нибудь там Киркоров, – объяснила девочка.

В разгар чаепития калитка отворилась, и в неё буквально влетел старичок, невысокий, седенький, с бородкой.

– Астрон, вот ты где, а я обыскался. За мной, мой юный друг! У нас нет ни одной лишней секунды.

А мама Лиза сердито вздёрнула брови.

– Платон мне друг, а истина дороже. Нуте-ка-сь, признавайтесь, это по вашей милости мы с утра без света сидим? Я тут вашего Астрона вместо электроплитки успела использовать.

– Виноват, молодой, исправлюсь, – пробурчал старичок. – Я уже позвонил, электрики в пути.

– Ладно уж, прощаю, – смилостивилась Елизавета. – Прошу к столу. У нас ваше любимое яблочное варенье.

– Прости, соседушка, не до чаёв.

Елизавете только осталось развести руками, а Анютка закричала вслед:

– И куда вы его, дедушка? Он мой друг, он мой звёздный мальчик, он член нашей семьи! – Но ответа не последовало.

Платон Платоныч привёл Астрона на плоскую площадку крыши своего дома. Там стояла какая-то большая широкая труба на опоре, нацеленная в небо.

– Это я тебя сделал из солнечных потоков, – сказал дед Астрону, – при помощи этого агрегата. Я работал над ним много лет. Чуть произошёл сбой, ведь над агрегатом надо продолжать работу. В результате в посёлке пропало электричество, и ты оказался не здесь, на этой крыше, где я тебя ждал, а у соседей.

– Кто я, зачем вы сделали меня?

– Ты солнечный робот «Астрон-1». Посмотри на картину звёздного неба. Вот отсюда в сторону Земли несётся огромный метеорит. Я вычислил его. Ты должен уничтожить метеорит, иначе произойдет страшная катастрофа. При помощи агрегата ты сможешь значительно увеличить свою силу. Ты вберёшь в себя всю силу солнечных потоков, которые встретишь на своём пути.

– Я погибну?

– Надеюсь, агрегат этого не допустит, и я смогу восстановить тебя. Вперёд, Астрон!

Астрон взлетел, превратился в золотой шар и исчез…

А в вечерних новостях сообщили, что телескоп с видеокамерой одного из спутников, коих много бороздят космическое пространство, зафиксировал огромный метеорит, который нёсся в сторону Земли. Он мог принести ей страшную катастрофу. Вдруг откуда-то взялся неопознанный летающий объект в виде золотого шара. Он вре-

зался в метеорит и разнёс его на множество мелких осколков. Начались комментарии учёных, а Анюта заплакала.

– Мама, это Астрон, да? – Она была умная девочка.

Но тут дверь открылась и вбежал дедушка Платон.

– Ну-с, красавицы, кто это мне ещё с утра обещал чаю с яблочным вареньем?

Он вытер слёзы Анютке и сказал:

– Не плачь, малышка. Астрон – герой, и скоро ты снова увидишь его.

Прошло некоторое время. Анютка, мама и папа-космонавт, только что вернувшийся из полёта, обсуждали новости. Открылась калитка и, как всегда бегом, влетел дед Платон и с ним…

– Астрон! – закричала девочка. А звёздный мальчик схватил её, закружил, и они заговорили о чём-то о своём.

– А что же будет дальше? – спросил папа-космонавт.

– А дальше… Астрон скоро отправится в новые путешествия. Он должен будет найти космические станции, отправленные к разным планетам, но не выполнившие задания и затерявшиеся в космических просторах. Он отремонтирует их и даже доставит до места, пусть работают, шлют информацию. Наши космические корабли летят годы, а ему нужны минуты.

– Давно пора, – заметил космонавт.

– Затем появятся "Астрон-2, "Астрон-3» и так далее. Они будут защищать нашу планету от метеоритов и летать далеко-далеко. С их помощью мы откроем многие космические тайны.

Генка и инопланетяне.

Генка проделывал это много раз, у него даже была своя зона действия. Ещё днём, возвращаясь из школы, он заметил, что одно из его "творений" рабочие закрасили и стена оказалась чистой.

"Непорядок", – решил он и ночью с баллончиком в руке был у объекта. Оглянулся. Никого нет. Пш-ш-ш! И на стене возникло очередное "графитти" про любимую футбольную команду и...

И тут кто-то схватил его за локоть. "Полиция!" – подумал он и оглянулся. Перед ним стояли два совершенно непонятных существа. Роста примерно такого же, как и он сам, в облегающих комбинезонах грязно-болотного цвета. Зелёные лица их были и человеческие, и напоминали жабьи морды. На голове такого же цвета шапочки с каким-то подобием антенны. За их спинами он разглядел небольшую летающую тарелочку.

"Инопланетяне!" – мелькнуло у него в голове.

– Ты есть землянин? – спросил один жабочеловек.

Перепуганный Генка кивнул головой: "Угу. Землянин. Генка я". И уронил на землю баллончик с краской.

– Мы есть прилететь с планеты Бякакака из созвездия Какаквака.

– Оч-чень приятно, – пролепетал землянин.

– Ты есть рисовать этот стена?

– Не-не, не я

– О, не ври, Генка, – инопланетянин пнул ногой баллончик с краской. – Мы есть видеть всё сверху.

– Я... я б-больше не буду. Я... я всё почистить, убрать, закрасить. Это же просто шутка, прикол.

– Ха-ха-ха! Ква-ква-ква! – загоготали пришельцы. – У нас на планете Бяка-кака училка в школе говорила: "Дети, берите пример с планеты Земля. У них никто не сорит и

не пачкает стены. У них кругом чисто и красиво!" Вот мы есть угнать с космодрома летающую тарелку и прилететь сюда, чтобы посмотреть на вас собственными глазами. И сразу встретить тебя. Ты понимать? Ква?

– Ква, – ответил Генка и спросил:

– А что, у вас на Бякакаке тоже рисуют на стенах?

– А как же! Живого места не осталось, всё зарисовали! Но мы придумать новую шутку. Ты есть хотеть знать наш последний прикол? Мы его сами придумали. Ква?

– Не-не, не ква, – замотал головой Генка и похолодел. Предчувствие не обмануло его.

– Ты есть сейчас узнать! – радостно завопили бякакаки и стали срывать с него одежду.

Генка пытался сопротивляться, но получил несколько крепких тумаков. Его раздели догола и поставили лицом к стене, которую он совсем недавно изрисовал. Один инопланетянин поднял его баллончик с краской и что-то запшикал по голой спине.

– Эй, ты что делаешь? – захныкал Генка.

– Я есть писать название моей любимой рок группы, – невозмутимо ответил жабочеловек. – "Хрю-ква" называется. Прикольно. Ква?

– Не ква, – тихо пошептал Генка, размазывая по лицу слёзы.

Тем временем другой пришелец, оглядевшись, заметил:

– Вау! Хрю! У них ещё до сих пор цветочки растут! Он сорвал несколько цветков с газона, с блаженством понюхал их и бережно спрятал в карман комбинезона.

– Подарю их моей любимой Кусе. Может, даст сочинение списать.

Когда первый бякаканин закончил разрисовывать Генкину спину и ягодицы, за дело взялся второй. Влюблён-

ный жабочеловек изобразил на груди и животе мальчика следующее:

КУСЯ + КАСЯ = ЛУБОФЪ.

– А может, прихватим землянина с собой на Бякакаку? – спросил первый инопланетянин. – Вот прикол будет, обхохочешься.

– Давай, – согласился второй, и моей Кусе понравится.

– Нет, нет! Умоляю, не надо! – заплакал Генка. – Мне двойки надо исправлять по физике и географии. А завтра с утра контрольная по математике. Мне учиться надо.

– А ты учиться любишь? – удивились жабочеловеки.

– Оч-чень.

– А двойки?

– Случайно получил.

– Ну-ну, хм. Ква-ква-хрю! Забавно. Ладно уж, оставайся, исправляй свой двойки.

Пришельцы, прихватив Генкину одежду, потопали к летающей тарелке.

– Эй, одежду отдайте, ну хоть трусы! – разнюнился Генка.

– Так дойдёшь, прикольнее будет! – И прежде чем жабочеловеки задраили люк, оттуда раздалось – Ждите нас в гости! Скоро мы прилетим к вам всем классом. Нет, всей школой! Ведь у вас ещё так много чистых стен и незатоптанных газонов! Хрю-ква!

– Не хрю! Не ква! – отчаянно кричал им вслед землянин, но его уже никто не слышал.

Летающая тарелка, сверкнув, взлетела в небо, превратилась в маленькую звёздочку и исчезла.

Ночь. Тишина. По пустынной улице, прижимаясь к стене, шёл голый человек, всё тело которого было изрисовано знаками и рисунками. Он прикрывался лишь газетой, взятой из урны. Ему под ноги откуда-то выскочила кошка, а за ней кот. Увидев странного человека, они издали страшный вопль и скрылись в подворотне.

Ольга Борисова, *г. Самара.*

Тётушка Марта *или новые приключения Вовки*

Вовка, увлечённый интересной игрой, несколько часов, не отрываясь, просидел за компьютером.

– Сынок, пора взяться за уроки, – донёсся из кухни мамин голос.

– Ма, ещё чуть-чуть, – промямлил он, продолжая игру.

Вытирая руки о фартук, мама появилась на пороге его комнаты.

– Скоро с работы придёт папа, а ты ещё не открыл ни одного учебника. Немедленно выключай компьютер!

– Ну, ма, тут такой захватывающий заезд! Я на новой тачке обошёл соперников! Я настоящий гонщик!

– М-да, жаргончик у тебя, – она подошла к столу и, отобрав мышку, выключила компьютер.

– Эх, мама! – рассерженный Вовка выбежал из комнаты.

«Володя, делай уроки! Володя, помой руки! Володя, что получил? Володя, как тебе не стыдно! Володя, расскажу папе, – негодовал он. – А я не хочу делать уроки! Не хочу ходить в школу!» И громко, чтобы слышала мама, обиженно произнёс: «Не дала даже доиграть!»

А за ужином папа строго предупредил: «Если получишь двойку, ты лишишься компьютера!» Настроение у Вовки совсем испортилось. Опустив голову, он побрёл в детскую. «Сами учатся в какой-то аспирантуре и мне твердят, мол, вырастешь, поступишь в наш университет, станешь уважаемым человеком. А не будешь учиться, пойдешь работать дворником, – он горестно вздохнул. – А я, может быть, дворником хочу стать!» – оглядываясь на

дверь, бормотал Вовка. – Буду, как Карим, каждое утро, метлой махать, убирая двор, и никто меня не заставит учить эти ненавистные уроки». Наспех выполнив домашние задания, мальчишка отправился спать.

В школе, как назло, Тамара Николаевна вызвала его к доске:

– Владимир, захвати тетрадку с выполненным домашним заданием, – открыв её, внимательно посмотрела и покачала головой.– Так дело не пойдёт! Придётся позвонить родителям…

Домой Вовке идти совсем не хотелось. Он брёл по улице и рассуждал: «Опять мама скажет, что я разгильдяй и из меня ничего не получится, а папа отберёт компьютер». Опустив голову, он резко повернул в первый попавшийся переулок и вышел к небольшому, благоухающему весенней зеленью парку. Радуясь долгожданному теплу, звонко, на все лады, весело пели птицы. Дворовая собака внимательно посмотрела на мальчика и, тявкнув для приличия, скрылась в подворотне. «Вот бы стать собачкой! Беги себе куда хочешь, никому до тебя дела нет», – размечтавшись, он вошёл в парк и побрёл по аллейке, волоча за собой тяжёлый школьный рюкзак.

Яркое весеннее солнце, разбросав лучи, пригревало всё сильнее. Мальчик расстегнул пальто, обмахивая лицо рукой, уселся на первую попавшуюся скамейку, рядом со старушкой, вязавшей на тонких спицах. В старомодном сером платье до пят и смешной ажурной шляпке, она показалась Вовке странной. Старушка увлечённо вязала и, казалось, не обращала внимания на мальчугана. «Может, мне выкинуть дневник в кусты, а родителям сказать, что потерял, – размышлял он, оглядываясь по сторонам, подыскивая подходящий куст. – Нет, это меня не спасёт! – горестно вздохнул. – Училка обещала позвонить родителям. Что же делать?! Вот бы мама с папой на время куда-нибудь исчез-

ли. Тамара Николаевна звонит, а их нет». Не успел он подумать, как старушка, словно читая его мысли, спросила:

– А ты об этом не пожалеешь?

– О чём, бабушка?

– Ну, ты же хочешь, чтобы твои родители исчезли.

Володя удивлённо смотрел на старушку, не смея промолвить ни слова. А она, отложив вязание, внимательно посмотрела на мальчугана:

– Дневник в кусты выкидывать не стоит. Его найдут и непременно отнесут в твою школу. А вот в гонщиков ты играть больше не будешь. Папа сегодня лишит тебя компьютера.

Она вновь принялась за вязание и как бы, между прочим, проронила:

– Но могу тебе помочь. Хочешь, отправлю родителей в сказочную страну? Пусть побудут детьми, отдохнут немного, а я о них позабочусь. А ты сможешь делать всё, что пожелаешь! Согласен?

Предложение старушки Вовке понравилось, и он, не раздумывая, согласился. Старушка встала, хлопнула в ладоши и тут же исчезла. «Странно, куда она делась? Только что здесь сидела! Может, я ненароком уснул, и мне всё приснилось? Ведь такого не может быть!» – мальчик осмотрелся. Вдруг он заметил на скамейке забытый старушкой клубок. «Значит, не приснилось, – Вовка осторожно ткнул его пальцем, а затем взял в руки. – Завтра отыщу эту странную старуху и верну ей клубочек», – решил он и нехотя побрёл домой.

Вовка позвонил в дверь, но ему никто не открыл. «Мама куда-то вышла», – решил мальчик, роясь в рюкзаке. Отыскав ключ, вошёл в квартиру. «Притворюсь больным», – и, переодевшись, улёгся на кровать. Не дождавшись маму, он незаметно для себя уснул. Вовке приснился странный сон. За большими воротами с надписью: «Страна те-

тушки Марты» стоит красивый замок. Возле него его мама и папа – маленькие дети, бегают по цветущей лужайке и играют в догонялки. Они счастливы. Им так весело, что они не обращают внимания на сидящую поодаль старушку, в таком знакомом сером платье…

Мальчик внезапно проснулся. Уже смеркалось, и в комнате становилось темно. «Мама, папа!» – закричал мальчуган и, шлёпая босыми ногами по полу, побежал на кухню, но мамы там не оказалось. Он обегал всю трёхкомнатную квартиру, но родителей не нашёл. «Значит, старушка не обманула, и теперь я могу делать всё, что захочу!» – Вовка подпрыгнул от радости и снова умчался на кухню. «Так, посмотрим, что у нас в холодильнике», – он открыл дверцу и на стеклянной полке нашёл две плитки шоколада, спрятанные мамой. Взяв сладости, отправился в детскую, чтоб насладиться любимой компьютерной игрой. Но вскоре это занятие ему наскучило. Вовка уселся в большое папино кресло и включил телевизор: «Ничего приличного не показывают. Так, ерунда одна», – произнёс он важно, подражая отцу.

На улице быстро темнело. Причудливые тени заползали в комнату, крались по стене, прятались в углах, и ему казалось, что это злые ведьмы, готовые его заколдовать. На лестничной площадке послышались шаги и чьё-то бормотание. А потом всё разом стихло. Мальчику стало страшно, и он помчался в детскую. Лег на кровать и, укрывшись с головой тёплым одеялом, заплакал. «Мама, где ты? Вернись!» – просил он сквозь слёзы.

Вова проснулся поздно и по привычке побежал на кухню, но в ней стояла скорбная тишина. И он вспомнил, как сам добровольно отказался от своих родителей.

«Ма-ма, па-па!» – растерянно звал мальчик, но даже эхо не отвечало на его голос. «Надо позвонить Юрке и всё

ему рассказать. Он умный, поможет», – решил мальчуган и стал дожидаться окончания уроков.

Юра появился после обеда. Узнав, что приключилось с другом, предложил немедленно отправиться в парк.

– Нужно найти старушку и вернуть родителей! – решительно произнёс он. – Ты помнишь, где находится парк?

– Недалеко от школы, в каком-то переулке.

– Переулков там много, а вот парка я не видел, – и, взяв мобильник, стал обзванивать одноклассников.

Ребята собрались быстро. Юрка поручил каждому обследовать определённый участок возле школы. Вскоре они стали возвращаться, разводя руками. Парка нигде нет. Когда вернулся последний, Юра вдруг вспомнил:

– Ты говорил, что она оставила клубок. Принеси его! Во всех сказках – это непростые клубки, они указывают дорогу.

Мальчуганы выскочили на улицу и бросили клубок на землю, но он не шевелился.

– Нужны слова заветные, – напомнил Егор – одноклассник Вовки и Юры.

– Я знаю их. Запомнил, когда мама сказку мне читала,– радостно сообщил Олег и, наклонившись над клубком, произнёс: «Ты катись, катись клубок, через запад на восток. Покажи нам все дорожки, где прошли хозяйки ножки».

И вдруг клубочек зашевелился, словно очнулся от спячки, и быстро-быстро покатился по улице. Ребята ринулись вслед за ним.

– Олег, а ты не знаешь, что ему нужно сказать, чтоб он так не спешил?– спросил кто-то из ребят.

– Нет, – запыхавшись от быстрого бега, ответил Олег.

– Давайте его попросим, так как умеем, – предложил кто-то.

Ребята остановились. Клубочек тоже замедлил бег. «Клубочек, пожалуйста, не беги так быстро!» – попросили дети. И к их удивлению, он покатился медленнее, чем прежде.

– Вот это да! Он нас слушается, – удивился Вадик.

Клубок сначала катился вдоль улицы, чем удивлял редких прохожих. Затем повернул направо, набирая снова ход, наконец, свернул в незнакомый переулок. И вот перед их глазами появился старый парк. Но клубок и не думал останавливаться. Он катился по аллейке к той самой скамейке, где вчера Вовка встретил старушку. Скамейка пустовала.

– Что делать будем? – спросил Егор.

– Ждать! – ответил Юра. – Она придёт! Непременно придёт! Волшебники знают всё на свете. Дети не могут жить без родителей, но и мы не должны их огорчать. Правда, Вовка?!

Только они расселись на нескольких скамейках, стоящих в округе, как вдруг появилась странная особа во всё синем с головы до ног. На ней красовались синие старомодные туфли с блестящей пряжкой, шёлковое платье и такая же синяя широкополая шляпа, украшенная цветочками. В руках она держала синий ридикюль.

– Может, подвинетесь, молодые люди?! – настойчиво попросила она.

Дети, как завороженные смотрели на даму, забыв обо всё на свете. Примостившись на скамейке, она открыла ридикюль. Клубочек, до сих пор лежащий на траве под скамейкой, выкатился и нырнул к ней в сумку. Не дав никому опомниться, женщина обратилась к Вовке:

– Здравствуй, Владимир! Или не узнал меня? – и громко засмеялась.– Что свобода уже надоела? А как же:

«Володя, делай уроки! Володя, помой руки! Володя, что получил? Володя, как тебе не стыдно!..» Мальчик покраснел и взмолился:

– Верните мне маму и папу! Ну, пожалуйста! Даю честное слово, что это больше не повторится.

– Ну что ж, верю. Отправляйся домой, они тебя уже ждут и волнуются.

– А из вас, ребята, никто-то не хочет свободы? Так, если что, сюда приходите, помогу! Меня тётушкой Мартой кличут, – крикнула она вдогонку убегающим детям.

Евгения Васильева, ***г. Новомичуринск, Рязанская область.***

Служебное происшествие

Пятница сидела за столиком дежурной и проверяла журнал записей: нужно было удостовериться, что все события суток занесены туда со строжайшей чёткостью. Перед выходными должен был воцариться полный порядок – Пятница серьёзно относилась к своим обязанностям. Да разве и можно иначе? Если дни недели начнут работать шалтай-болтай, то в мире вообще воцарится хаос!

Пятница, конечно, устала и с нетерпением ждала, когда её сменят. Как назло, забыла что-нибудь взять перекусить сегодня. Целую неделю потом, конечно, тоже заскучаешь, разве что любовные записки Четвергу писать, а сейчас… Уж такие особенности работы сутки через шесть! Больше всего хотелось Пятнице познакомиться с другими коллегами, но знала она только Четверг (её тайная симпатия!) и Субботу (ну, хоть есть с кем посплетничать на пересменке). У Четверга она сама принимала вахту, а Суббота потом сменяла её. И так каждый раз. Скучно, но что поделаешь! Порядок есть порядок.

Пятница услыхала шаги и повернулась, чтобы поприветствовать Субботу, но так и замерла: Суббота была не одна. Она шла, возмущённо бросая реплики, вместе с Понедельником. Пятница никогда не видела Понедельник, но сразу догадалась, что это он: кто ещё мог быть таким важным и серьёзным, как не начало рабочей недели? А ещё он был такой упитанный, что она сразу поняла, откуда взялась поговорка «Понедельник – день тяжёлый».

– Что это вы вдвоём? – изумилась Пятница. – Разве так положено?

– Вот и я ему говорю, – подхватила Суббота, – что это против правил!

– Да согласен я, уважаемые, – неторопливо, но деловито забасил Понедельник. – Но приказ…

– Какой приказ? Что такое? Объясните, пожалуйста! – нервно вскричала Пятница.

– Никакого приказа не может быть, вы это всё выдумали, – продолжала спорить Суббота, вплотную пододвинувшись к столу.

– Вот ещё, – хмурился Понедельник. – Я не таков, чтобы шутки шутить. Мне приказали – и я пришёл.

И он тоже встал вплотную.

– Да ведь от этого на свете всё перевернётся! – воскликнула Суббота.

– А что же мне прикажете делать?

– Друзья, коллеги, прекратите немедленно! – решительно заявила Пятница. – Скажите, наконец, в чём дело, не то я никому не сдам вахту.

– Да тут и рассказывать нечего, – Понедельник пожал плечами. – Мне пришёл приказ – на этой неделе заменить Субботу.

– Заменить? – Пятница аж побледнела. – Да как такое вообще выдумать можно! Да с какого вы, извините, дуба рухнули?

– Не кипятитесь, милая Пятница, – возразил Понедельник. – Вот, смотрите, у меня бумага есть, правительством подписанная.

И он достал из кармана документ и развернул его.

Пятница только прочла: «Перенести понедельник на субботу», решила, что ей мерещится и молча посмотрела на Понедельник.

– Видите? Так что теперь, – заявил тот, – вы должны передать смену мне. Можете идти отдыхать.

– Вот, слышали? – с обидой в голосе вставила Суббота. – Никак не могу его переспорить.

– Нечего тут спорить, – нахмурилась Пятница. – Моя сменщица – Суббота, и баста! Уберите ваш дурацкий приказ.

– Он не мой. А если вы малограмотная или диплом покупали, то, может, не видите, что ту написано…

– Я?! – оскорбилась Пятница. – Да как вы смеете? Да чтоб ваше дежурство всегда на 29-ое февраля выпадало…

– Да позвольте же мне объяснить! – повысил голос Понедельник.

– Вот-вот, объясните-ка, – поддакнула Суббота. – Иначе уже наступит полночь, а мне нужно вовремя сменить Пятницу, ни минутой позже!

Понедельник взглянул на часы:

– Ах! В самом деле, нет времени на разговоры, я должен срочно сменить Пятницу, пропустите меня, уважаемые!

И он хотел протолкнуться за стол, но Суббота решительно ему мешала.

– С места не двинусь, пока не объясните! – взъерепенилась Пятница, вцепившись в свой стол. – Говорите, докажите, иначе я тут так и останусь, и будет у нас семь Пятниц на неделе!

– Да что такое? – рассердился Понедельник. – Я и сам не одобряю, но приказ… Так мало времени осталось… – он с досадой покосился на часы. – Эх, ладно…

Он оставил попытки прорваться за стол, снова развернул бумагу и сказал:

– Кто-то это придумал, я тут ни при чём. Во Вторник будет праздник, а Суббота и Воскресенье – выходные, так?

– Ну, – сказали Пятница с Субботой.

– Вот. А чтобы отдыхать людям можно было подряд без перерыва, придумали, чтобы Понедельник стал на место Субботы, а Суббота будет вместо Понедельника.

– Ну?

– Что – ну? Вот и будут подряд выходные – Воскресенье, Суббота, Вторник. Это только на один раз, ради праздника. Теперь ясно?

– Ничего не ясно, – заупрямилась Пятница. – Не бывать тому, чтобы дни недели не по очереди шли. Дай волю, все и вовсе разбредутся. Этак у нас в мире анархия начнётся! Неужто, люди так не могут отдохнуть?

– Значит, не могут. Или те, кто придумал, не могут. Откуда я-то знаю?

– И кто же это придумал? – спросила Суббота.

– И почему им взбрело в голову, что им подвластно дни недели местами переставлять? – вторила Пятница. – Кто им право дал?

– Так это же не весь мир, – устало пояснил Понедельник.

– Не весь? А кто тогда?

– Да это же они…

– Кто?! – спросили пронзительно в один голос Пятница и Суббота.

– Русские.

Пятница и Суббота переглянулись и вдруг вздохнули, словно с облегчением:

– А-а-а-а-а! Русские! Что же вы сразу не сказали? Тогда понятно.

Пятница взяла длинный кусок бумаги, написала на нём быстро маркером «Понедельник» и приклеила к столу спереди на скотч.

– Что это вы делаете? – удивились её коллеги.

– Было из-за чего шум поднимать, – проворчала Пятница. – Идите, дорогой Понедельник, отдыхайте ещё.

Садитесь, друг мой Суббота. Вам Понедельник, тоже потом придётся так сделать.

– И что? – не понял Понедельник.

– Вы что, малограмотный? – фыркнула Пятница. – Только никому ни слова! Порядок не будет нарушен. А это, – она указала на надпись, – это для русских.

Суббота села за стол. Пятница зевнула и ушла. Понедельник пожал плечами, теребя в руках приказ. В этот момент как раз наступила полночь.

– Надо бы записать этот случай, – пробормотал Понедельник, склонный к сочинительству. – Как там писали про меня братья Стругацкие? «Понедельник начинается в субботу». Эх, жаль, такое название – и уже занято…

Он зашагал прочь.

Суббота раскрыла журнал и принялась делать свою первую запись.

Светлана Весенняя, *г. Будённовск.*

Квинтет людей

I.

На планете Ио́ни было пять видов людей: девочки, мальчики, о́ки, э́ки и не́ли. Девочки были с косичками, в платьицах. Мальчики – с короткими стрижками, в рубашках и шортах. Оки – с косичками, в рубашках и шортах. Эки – с короткими стрижками, в кофтах и юбках. Нели – с короткими стрижками, в платьях. У девочек и мальчиков были круглые подбородки, у оков и эков квадратные, у нели – треугольные. Девочки дружили с оками, мальчики – с эками. А нели со всеми. Девочки и оки носили ключи-телефоны на шеях, на верёвочках. Мальчики – в карманах шорт, эки – в карманах кофточек: а нели прикрепляли ключи-телефоны прищепками к платьям. Мальчики с довольным видом доставали ключи-телефоны и прикладывали к дверям своих домов. Все остальные должны были им почему-то завидовать. Но никто не завидовал. У каждого был свой ключ-телефон. Только девочки очень стеснялись, оки прятали, прикрывали ладошками. Нелям вообще было всё равно. Эки подражали мальчикам, но не так торжественно доставали из карманов ключи-телефоны, Они, как и нели, считали, что этим никого не удивить. Другое дело машины-компьютеры. У кого-то были даже автобусы-компьютеры. Они достались взрослым мальчикам. У девочек были велосипеды-компьютеры, у эков – мотоциклы-компьютеры, у оков – машины, у нели – мопеды. Почему так придумали – никто не знал.

Однажды эки и оки гуляли во дворе пешком, без машин. Они расселись по лавочкам и начали спорить.

– Мы главнее вас! – громко говорили эки.

– Это ещё почему? – возмущались оки.

– Потому что вы с косичками!

– А при чём тут косички? – не понимали оки. – Лучше, что вы лысые?

– Мы не лысые! – уже орали эки. – У нас нормальные причёски.

– А у нас – не нормальные? – кричали оки, рассердившись.

– Нет, как у девочек!

Мимо ехала взрослая девочка. Она остановилась и закричала:

– Тихо! Чем это вам не нравятся девочки? Подрастёте и узнаете, что они вам очень будут нравиться.

Оки и эки притихли. Они и так знали, что большим окам нравятся мальчики а экам – девочки. И мальчикам нравятся девочки, а девочкам – мальчики. Только нели, которые никогда не спорили, всегда опережали других, потому что они дружили со всеми.

Оки нехотя поднялись с лавочки и пошли по домам.

– Скучно с вами! – крикнула одна ока экам.

Оки остановились и повернулись, всем своим видом выражая удивление.

– А вы правы! Что нам делить, на самом деле? Давайте играть в шар!

Они разделились на две команды и начали играть.

Вышли девочки с куклами-компьютерами. Они сели на лавочку. Одна вздохнула, глядя на играющих в шар.

– И кто придумал пятеро людей? Нет, чтобы все были девочками.

– Точно! – подхватила другая. – И играли бы все в куклы.

В это время вышли мальчики. Они считали себя главнее всех. Мальчики бросились к играющим в шар, началась драка.

Мимо ехало два взрослых нели. Они остановились, слезли с мопедов-компьютеров и разняли драчунов, стараясь установить мир.

– Вы почему начали драку? – спросило одно нели.

– Мы главнее всех! – хвастливо сказал один из мальчиков.

– Чем?

– Главней и всё! – прокричал мальчик.

Он даже не хотел подумать, понять, что кто-то может быть главней мальчиков.

– Посмотри! – показало ему на дорогу нели.

Там ехали взрослые девочка и мальчик. Мальчик вёз сумку, а девочка – цветы. Мальчик улыбался и говорил девочке:

– Моя дорогая, что ты ещё хочешь? Я всё для тебя сделаю!

Они проехали мимо.

– Так, кто главней? – спросило взрослое нели.

– Большая девочка, – обиженно проговорил мальчик.

Все знали, что взрослых надо слушать, особенно девочек и оков.

Мимо проезжали девочки постарше. Они остановились, и одна сказала:

– А вы знаете, что есть такая планета, на которой живут только девочки и мальчики?

– Они, наверное, никогда не ссорятся, – сказала другая.

– А мы? – спросили оки, эки и нели.

– Таких у них нет, только девочки и мальчики.

– И хорошо, – сказало взрослое нели. – Меньше путаницы: кто главней или кто лучше.

– Не может быть! – удивились девочки, сидящие на лавочке. – Как им скучно, наверно, жить.

– Это неправда, – решило взрослое нели.

Взрослые нели строили дома. Мальчики работали на полях, оки работали в огородах, эки ухаживали за домашними животными. Девочки следили за малышами. В больших домах жили семьи из сорока-пятидесяти людей разного рода. Все к этому привыкли, поэтому никто во дворе не понимал: как можно жить отдельно.

Из ближайшего дома вышли две взрослые девочки с колясками. У одной было пять малышей, у другой – четыре.

– Ха-ха-ха! – засмеялся один мальчик. – Вы их неправильно одели. Одну Девочку в шорты и рубашку, а другую – в кофту и юбку.

– Это не девочки, – улыбнулась взрослая девочка. – Это нели и эк. Мы хотим их сфотографировать в годик, поэтому не подстригаем.

– Так не интересно! – воскликнул мальчик. – Как же их на фотографии можно отличить?

– А зачем? – улыбнулась взрослая девочка. – Есть такая планета, где нет оков, эков и нели. Есть только девочки и мальчики.

– Взрослое нели сказало, что это неправда.

– Правда, – возразила взрослая девочка. – Такая планета называется Земля. По телефону сказали, что скоро к нам прилетит космоплан с землянами.

Все разом повернулись к говорящей и застыли от удивления. Они даже перестали по привычке ссориться.

– Земля, – разочарованно протянул один эк. Как не красиво. То ли дело Иония.

II.

Как девочка сказала, так и случилось. Поздним утром, когда многие гуляли во дворе, прямо посередине двора приземлился космоплан. Все стоящие во дворе попада-

ли от сильного ветра. Когда они поднялись, отряхивая пыль с коленок и одежды, на космоплане откинулся люк, и три взрослых мальчика вышли на землю.

– Здравствуйте, дети, – обратился к ним один из землян.

Малыши поздоровались. Третий из землян, ниже остальных ростом, ласково сказал:

– Какие прелестные мальчики и девочки!

– А мы? – дружно спросили оки, эки и нели.

– А вы разве не мальчики и девочки?

– Нет! – и дети начали наперебой рассказывать, кто они.

– Ничего не понимаю, – сказал самый высокий землянин. – Бывают только девочки и мальчики.

– А мы? – снова спросили, уже обиженно, оки, эки и нели.

– А среди вас тоже девочки и мальчики, – высокий землянин поставил оков рядом с девочками, а эков и нели – с мальчиками. – Вот и всё. Здесь девочки, а здесь мальчики, – показал он на стоящих по разные стороны, разделённых на две группы, ребятишек.

– Мы – оки, а не девочки! – закричали оки.

Маленький землянин снял скафандр, и золотистые волосы рассыпались по плечам.

– Я тоже девочка, – сказала землянка.

Малыши удивлённо посмотрели на неё.

– А почему ты, если девочка, не носишь платье? Ты – нели?

– Нет, она не нели, – заспорили нели. – У неё круглый подбородок, как у девочек.

– Понимаете, сказала девочка-землянка, – не всегда девочки надевают платье. В космосе, например, в такой одежде неудобно.

– Как интересно! – вдруг закричали эки. – Мы теперь мальчики! Какая разница, что у нас квадратные, а не круглые подбородки.

– А мы девочки! Ура! – закричала одна ока. – Мы всегда хотели быть девочками!

– А мы кто? – спросили нели.

– А вы мальчики, – уточнил высокий землянин.

– Ура! – подпрыгнули нели. – Мы всегда хотели быть мальчиками. Красота!

Во двор вышли взрослые девочки с малышами и другие взрослые. Они начали спорить с землянами, кричать, поднялся невероятный шум. Потом все разом замолчали. Рассерженные взрослые стояли в недоумении.

– Значит, – сказали взрослые оки, – мы будем детей нянчить, как девочки?

– А мы, – сказали нели, – не будем строить дома, а работать на полях? А кто будет строить дома?

– Вы неправильно всё понимаете, – сказал второй землянин, который до этого всё время молчал. – Стройте дома, работайте в поле, какая разница, что вы делаете? Самое главное, чтобы это было на пользу и приносило всем удовольствие. Прекрасно строить дома, кто сказал, что это плохо? Прекрасно работать в поле, кормить и себя и других. Самое главное, чтобы это было всё дружно, сообща. Один делает одно, второй – другое. Но это же всё нужно. Этим занимаются настоящие мужчины. А женщины растят детей, стоят у плиты.

– Правда, Игорь? – с улыбкой спросила девочка-землянка. – Не слишком ли вы много на себя берёте? Можно подумать, что женщины не могут строить дома или работать в поле.

Второй землянин, которого назвали Игорем, повернулся к ней и сказал:

– Насколько я понимаю, Наташа, ты вместо кухни решила полететь в космос, хотя это поначалу было мужским делом.

Но Наташа обиделась и отвернулась.

– Наташа, ну не обижайся. А как им объяснить, что, кроме мальчиков и девочек, других в жизни не может быть.

– Как не может? – зашумели оки, эки и нели. – Убирайтесь прочь с нашей планеты!

Пришлось землянам быстро вернуться в космоплот и улететь. Все, кто стоял во дворе, попадали на землю от сильного ветра, созданного космоплотом.

– Ничего, мы ещё прилетим и наведём порядок, – пообещал Игорь. – Развели тут квинтет людей.

– Точно, – подтвердил высокий, по имени Илья.

III.

– А нам так понравилось быть девочками, – вздохнула одна из оков.

– Точно, а нам – мальчиками, – подхватили эки и нели.

Взрослые только успокоились, но тут же снова рассердились и вцепились в волосы друг другу.

– А вы тоже хотите быть мальчиками?

– А вы тоже хотите быть девочками? – слышалось в общем шуме.

– Да! – подтверждали оки, – мы хотим быть девочками!

– Да! – кричали эки и нели. – Мы хотим быть мальчиками! Надоело, что вы нами командуете!

Они дрались до тех пор, пока не устали. Все остановились, тяжело дыша. Кто-то уселся на песок. Наступила тишина. Потом взрослые мальчики спросили:

– Эки и нели, вы действительно хотите быть мальчиками?

– Да.

– Не бывать этому! – завопил один из мальчиков.

– Замолчи! – прервал его старший. – Мы всегда были дружными. Почему же сейчас мы подрались? Пусть будут только мальчики и девочки, как на Земле.

Взрослые закричали, стали махать кулаками, но потом успокоились и решили, что лучше мир на планете. Пусть будут только девочки и мальчики. Это даже интересно. Жизнь начнется новая, совсем другая. И кто, интересно, придумал поделить их на квинтет? Сколько из-за этого путаницы.

– Пусть будет дуэт людей, – решили взрослые. – Только мальчики и девочки. Мы уважаем наших предков, но по-старому уже не сможем жить.

Светлана Гужева, *р. п. Старая Майна, Ульяновская область.*

Чёрный Нос

В одном маленьком городке жил Малыш. Скучно ему стало и попросил он свою маму купить ему игрушку в магазине. Вот пошли они в магазин, но никакой интересной игрушки Малыш себе выбрать не мог. Что делать? Собрались было домой, хотя возвращаться ни с чем обидно. Но тут подвела его мама к прилавку с канцелярскими товарами, и там увидел Малыш коробку и потянулся к ней. В той коробке, тесно прижавшись друг к другу, лежали простенькие деревянные карандаши. Им тоже было очень скучно. Обрадовались они, услышав капризный детский голос: «Мама, купи мне эту коробку. Я хочу рисовать». Мама купила, и Малыш тотчас же открыл её. В коробке он обнаружил шесть одинаковых деревянных палочек. Разочарование пробежало по лицу Малыша. «Не хочу их! Они просто цветные палочки». «А мы с папой умеем делать чудеса», – загадочно сказала мама. Вечером палочки вынули из коробки, и они весело разбежались по столу. Мама каждую из них ласково брала в руки и осторожно сбривала с одной стороны их деревянные головки. Малыш ликовал, увидев, как появились у них красные, синие, зелёные, желтые, коричневые носы.

«А у последнего какой нос?» Мама предложила сыну самому узнать это. И тогда все увидели чёрный, угрюмый нос. Он никому не понравился. Только папа подошёл к столу, хитро улыбнулся и сказал, что без него нельзя. «А я буду рисовать без Чёрного носа!», – упрямо заявил Малыш и швырнул несчастного в угол. Он взял красный карандаш и на белом листе нарисовал круг. «Мама, я нари-

совал солнце!». «Молодец!», – одобрила мама. Потом Малыш нарисовал синие облака, зелёное дерево с жёлтыми грушами, а рядом свой коричневый дом. Это был прекрасный, яркий рисунок. Даже папа растроганно потрепал сына по ёршику волос.

Малыш устал к вечеру и лёг спать. Наутро он первым делом бросился к своему рисунку и отчаянно закричал. На крик прибежали мама, папа и даже общий любимец – чёрный кот. Все увидели, что рисунок Малыша грубо исцарапан. Взгляды невольно обратились на кота Ерофея. «Негодяй, твоя работа?» – сурово воскликнул папа, обратившись к Ерофею. Кот поднял шерсть дыбом и сбежал под диван от беды подальше. Мама подавленно глотала слёзы: погублен шедевр! А что, если Малыш после первой неудачи в отчаянии откажется от того, что вчера так весело начал? Но она не знала ещё характера сына. «Я нарисую это снова», – твёрдо заявил Малыш. И нарисовал.

Папа отнёс рисунок в свой кабинет, где он работал и куда не смел заходить кот. Утро огласилось воплем папы. Рисунок сына был безнадёжно испорчен тем же способом. Побледневший Малыш не сдался. «Не плачь, мама, я нарисую ещё лучше, и ты спрячешь лист под ковёр вашей спальни». Малыш бойко и уверенно взялся за карандаши, и на его рисунке задорно заулыбалось оранжевое солнце, по голубому небу плыли мягкие, белые облака, зелёное дерево груши у корня морщила коричневатая кора, а жёлтые плоды покрылись румянцем. Он явно преуспел в рисовании.

Ночью родители Малыша не спали. Вокруг было тихо. Бра освещал дорогой ковёр, под которым в важных документах папы был спрятан бесценный рисунок их сына. Утром извлекли папку с документами и торжественно её открыли. Документы были в целости и сохранности. А ри-

сунок испещрён чёрными кляксами. Малыш ничего не сказал потрясенным родителям.

В этот день в его детском саду проходил конкурс на лучший рисунок. Первое место занял Андрюша Щеглов. На его рисунке шёл дождь, но из-под чёрной тучи пробивались лучи солнца, и всё вокруг покрывала огромная радуга. Малыш пытливо вглядывался в нарисованный пейзаж. Все эти цвета он тоже использовал в своих рисунках. Но у Андрюши на картинке жила ещё чёрная туча.

– Почему у тебя не синяя, а чёрная туча?

«Потому, что прошла гроза, осталась только чёрная, злая туча, а после неё всегда радуга – радость», – весело ответил победитель конкурса.

«Я не люблю чёрный цвет», – хмуро признался Малыш.

«Но без него ты никогда не поймешь, какую радость несут другие цвета», – ответил мудрый мальчик.

Малыш ни разу не брал в руки чёрный карандаш. Он забросил его в угол. И вдруг он понял: Чёрный нос мстит! Чёрный нос обиделся, что отвергнут. Нельзя без Чёрного носа! Ведь ворона – не красная, буквы в книге – не жёлтые, каменный уголь – не зелёный и поле весной перед пахотой не синее. Про беду не говорят – коричневая. Беда всегда чёрная…

Малыш приплёлся домой. Он долго искал заброшенный карандаш, а когда нашёл, горячо прижал его к своему сердцу.

– Я так виноват! Прости меня, Чёрный нос!

И тут появился Ерофей. Кот осторожно сел у ног Малыша. Чёрная шерсть Ерофея лоснилась. Он давно был прощён папой, а мама кормила его «Kiti-Ket»-ом. Малыш с чувством облегчения и радости набросал на альбомном листе чёрный силуэт Ерофея. О, как старался угодить Чёр-

ный нос юному художнику! Он сам руководил рукой Малыша. Кот Ерофей, словно клон, глядел с рисунка.

…Прошли годы. Малыш стал великим художником. С Чёрным носом он не расставался. И однажды в честь его нарисовал большой Чёрный квадрат – символ всей своей тайной жизни…

Рубашка

Жили-были мужик да баба, и не было у них ребёночка. Горевали долго. Да делать нечего – смирились. Дело было давнее, когда в наших симбирских краях на топких болотах селились стаи журавлей. В таких местах и сейчас чернику вёдрами таскают. Девки-бабы сядут отдохнуть, черникой рот балуют да байки сказывают.

Ну и услыхала я про чудо, как у бабки Семёнихи застиранная рубашка мужняя в тёплый осенний день взмахнула на прощанье рукавом, да и сорвалась с верёвки. Бают, налетел ниоткуда сильный ветер, унёс старенькую рубашку на ближнее болото. В том болоте журавли сидели. Сидели и думу думали: кого вожаком выбрать. Скоро надо лететь из родных мест: упали с деревьев последние золотые листочки. И лягушки спрятались в ил. Голодно журавушкам. Тут один журавлёнок увидал распластанную на болоте рубашку и заклёкал: «Глядите, старый журавль помирает».

Слетелась, сгрудилась вокруг рубашки взволнованная стая. А рубашка плещет рукавами да пуговицами скрипит. Пуговок у неё на вороте две было голубеньких. Приняли журавли пуговицы за глаза, а рукава – за белые крылья старой птицы и пожалели её. К утру подсохла рубашка. Журавли, как заалел горизонт, замахали сильными крылами, подняли рубашку в воздух, она, лёгонькая, и полетела. Машет рукавами-крыльями, поверила, что летать

может по-птичьи. Ветер попутный дул, и летела та рубашка быстрее птиц. Журавли за ней клином построились, еле поспевали. Но к вечеру встретилась им чёрная туча, облила стаю водой. Рубашка та намокла, да жалкой тряпкой и упала с неба на пашню. Журавли за ней опустились, укрыли тёплыми крылами и стали ждать рассвета.

А за ночь пёрышки птичьи нападали на рубашку, прилипли да и приросли к ней. К утру журавушкой рубашка обернулась. От радости клёкнуть хотела, а нечем – горла-то, клюва нет! Ну, и закручинилась. Из голубых пуговок впервые слеза выкатилась. А где слеза упала, тростник тотчас вырос и песню запел. Протяжно и нежно песня лилась по болоту. Журавли проснулись, поднялись на крыло вместе с рубашкой-вожаком. Низко над деревней летят и слышат, как люди смеются: «Эва, чудо! Вожак-то у стаи безголовый». Обидно стае, взмыла она вверх и исчезла за розовым горизонтом. А как опустилась на дальнем болоте лягушками подкрепиться, журавлёнок тот, что рубашку за старого журавля принял, и приметил: не глотает лягух вожак. Сложил крылья могучие и видать голову в них запрятал. То ли спит, то ли думу крепкую думает. Да и взрослые журавли приглядывались к вожаку с тревогой. Что это люди их на смех подняли? Али впрямь без Головы в дальнюю дорогу летят?

Скоро ночь накрыла болото звёздным одеялом. Заснули птицы. А рубашка-вожак уставилась своими пуговицами в самые красивые звёзды на небе и увидела ковш. Из того ковша лился на землю осенний звёздный дождь. И потянулась бывшая рубашка к тому ковшу своим старым застиранным воротником. Да так, что чуть швы не лопнули. Всю ночь тянулась, мечтая зацепить клювом падающую звезду. И выросла за ночь из того воротника длинная журавлиная шея с крепким клювом. А длинные ноги уж сами собой к рубашке пристроились. Чудо это обыкновен-

ное, житейское дело. (И скучные же люди, кто в чудеса не верят!)

Ликующий крик разбудил на заре журавлей. И увидели они своего вожака, взмывающего в небо во всей красе, и взлетели за ним. Рубашка-то, видать, не напрасно пот мужицкий годами впитывала: был вожак стаи терпелив да смекалист. Всю стаю в трудном перелёте без потерь до юга доставил.

А когда потянуло птиц домой, в свои родовые гнёзда, вожак усадил на спину сироту, человеческого младенца, завернул его в перья и всю дорогу бережно нёс в родную деревню. В деревне мужик тот, у которого осенью рубашка запропастилась, капусту полол. Услыхал он среди капусты детский плач, встревожился и к бабке: «Подь на огород, баба, там подарок для тебя». Выбежала из избы бабка на огород и видит: в старенькой белой рубашке мужа младенец лежит, и ручки к ней тянет. «Эва, счастье привалило!» – воскликнула Семёниха, схватив младенца. В дом его занесла и давай с ним возиться. Скоро тот ребёнок маманей её назвал, а мужика – тятей. Вот оно как, у русских-то! И простая рубаха, было бы желание, в птицу обратится.

Рубашка та навсегда пропала. Только осенью низко над домом пролетел белый журавль. Ребёнок к окошку прильнул, ручкой помахал, как знакомому, и выговорил странное слово «возак», которое ни бабка, ни мужик так и не поняли.

Нина Давыдова, *г. Ульяновск*

Богатырь

Жил да был на свете богатырь.

Не потому богатырь, что большой и толстый.

Не потому, что кричал громко.

И не потому, что дрался и побеждал всех вокруг.

А потому богатырь, что был он силен духом своим, светел душой и добр сердцем.

Родился богатырь весной, когда деревья распускали первые почки, когда первые бабочки летели в окошки мира, чтобы отыскать первые цветы и покрасоваться в лучах весеннего солнышка.

Родился он не у царя и царицы, не у заморской красавицы и сказочного принца, а у мамочки с папочкой, которые жили не в столице и не в коттедже, а в обыкновенном многоэтажном доме, в обыкновенном городе, каких великое множество по земле Российской разбросано.

Родился он маленьким, какими рождаются все детки, а может, и ещё поменьше.

Росточку в нём было столько, что умещался он поперек своей кроватки, да ещё и место оставалось.

Весу в нём было всего ничего, даже кошка по имени Мышка не боялась его, потому что в ней было на целых сто граммов больше.

Глазки были у него серые, как камешки в реке, волосики золотистые, как лучи солнышка на рассвете, а зубочков в то время и вовсе не было.

Но была в нём заложена сила великая. Сила дивная, сила волшебная, Сила Жизни.

Пока совсем был маленьким богатырь, никто о силе этой не знал, не гадал. А как начал подрастать, замечать её

стали люди, потому что светилась она светом чистым и радостным.

Кто-то смотрел на свет этот и радовался, кто-то старался поближе подойти, чтобы самому посветлее стать, а кто-то и завидовать начал.

И завистники те с каждым взглядом с каждой встречей всё сильнее богатырю завидовали, и всё сильнее хотелось им силу его отобрать и для себя припрятать.

Уж не знаю, кто и как из них додумался, кто помог, да кто сделал. Только напустили они на богатыря Дремоту дремучую, Ломоту ломучую, Немоту немучую и Слепоту слепучую.

Боролся с ними богатырь, боролся, но стали они его одолевать, потому что мал он был ещё, не знал, как жестоким быть, чтобы все эти хвори назад на завистников обратить. А они-то, завистники, были в кознях умелые, в нападках смелые, да в коварстве ловкие.

И скрутили богатыря хвори хворые, не дают ему вздоху-роздыху.

Плачет милая мамочка, плачет старая бабушка, утирает слёзы дед кряжистый, прикрывает глаза отец любящий. Люди добрые да сердечные горько вздыхают, чем могут родителям помогают, знахарей ищут, по свету за лекарствами рыщут. Но не даются хвори ни знахарям, ни лекарствам. Опутали богатыря не выпускают, силу жизненную у него отнимают.

Время временем, бремя бременем, да свои заботы у каждого. Поредел у их очага круг радетелей, отступили от них помощники и ушли к другим больным от них лекари.

Плачь не плачь, горюй не горюй, уставай не уставай, а каждое утро вставай да за дела принимайся, перед бедою не прогибайся.

Кормит богатыря мамочка с ложечки. Носит богатыря бабушка на закорочках. Говорит богатырю дед слова

умные да надежные, а родной отец на страже стоит, от чужих укоров-разговоров семью хранит.

Только долго ли так продержишься. Лежит богатырь. Ручкой не шевельнет, ножкой не двинет, на слово приветное не ответит, на ласку не улыбнется. Но не зря же он был богатырь. Даже хворями скрученный, не сдаётся он. Не отчаивается. Собирает по капельке свою силу. Не даёт погаснуть огоньку любви в душе. Лелеет в сердце чувства добрые, благодарные.

Кто бы только подал надежду надёжную, чтобы силы в них пробудилися скрытые.

Кто бы только слово сказал заветное, чтобы все плохие слова заглушило, печальные уговоры разбило.

И нашёлся человек. И сказал слово надежды и дал совет простой, да нелёгкий, который только при большой любви можно выполнить, да так выполнить, чтоб назад не отступать, мыслям сомнения не давать, да своею жизнью веру питать.

Сможете ли вы от пути выбранного не отступить, как бы долог он ни был? Сможете ли вы ношу свою не бросить, как бы ни была она тяжела?

Сможете ли не взроптать на судьбу, другим счастливым, что легкой дорогой идут не позавидовать?

И сказали они трижды ему в ответ «Да».

Из седых волос, что у бабушки, из живительных соков, что у мамочки, из крепких жил, что у батюшки, да приветных слов, что у дедушки, стали петь плести они светлую нить, да вить из той крепкой нити светлую колыбель.

Пряду, пряду нить долгую.
Пряду, пряду нить крепкую.
Пряду, пряду нить светлую,
Волшебную, заветную.

Сотку из нити тонкую,
Сотку из нити звонкую
Заздравную рубашечку,
Рубашечку для Сашечки.
Носи рубашку маленький,
Носи рубашку родненький.
Расти смышленый, радостный,
Расти здоровый, бодрый ты.
Пряду, пряду нить светлую,
Сотку рубашку тонкую,
Вплету мольбу заветную,
Чтоб был здоров, мой родненький.

День прошёл – они песнь поют. Год прошёл – колыбель плетут.

Положили в колыбель богатыря, надеждами своими укрыли, верой своей согрели, любовью своей осветили. Но стоит на земле колыбель, и бродят вокруг хвори хворые, пытаются к богатырю пробиться силы его напиться.

Надо бы поднять колыбель повыше, к свету небесному поближе. Но долго ли на руках её удержишь?

И стали они вить вторую нить. Нить любви своей, нить мольбы своей, чтобы к свету небесному ту колыбель поднять, глоток воздуха целебного богатырю дать.

Плетут они нить, а богатырь растёт, и нить истоньшается. Ещё плетут, а колыбель жизненными бурями качается и нить истоньшается. И ещё плетут и крадётся к ним страх – вдруг да не хватит им любви, вдруг да не услышат их мольбы, и нить истоньшается.

Уж никто вокруг не глядит на них.

Уж кончаются у них силушки, но не бросают они работу свою, но не замолкает их песня, но не оскудевает их любовь к богатырю.

И настал миг, когда явилась вдруг к ним женщина. Вроде знакомая всем и никому не подружка. Вроде бы и молодая, да много ей лет. Одежда то ли пылью, то ли золотом припорошена, а на голову светящаяся накидка наброшена. Подошла она к ним, постояла рядом молча. А потом вынула из покрова своего светлого нить чудесную. И вплелась та нить в колыбель богатыря, будто только и ждала, чтоб её отпустили. И воспарила над землей колыбель, и пролился на неё чистый живительный свет всего неба.

Отлетели все хвори хворые. Разорвались все путы путаные. Отцепились пиявки завистные.

Плывёт колыбель, а в ней богатырь.

Лето прошло. Осень отзвенела. Зима откружила. И дохнуло в мире весенним теплом.

Лежит в колыбели богатырь и не спит.

Лежит и видит вокруг мир.

Лежит и слышит слова своей мамочки, своей бабушки, своего отца и деда своего.

Пошевелил он рукой. Шевелится.

Подвигал ногой. Двигается.

Повернул голову, осмотрелся да и встал.

А колыбель будто только этого знака и дожидалася, засветилася, заискрилася, обратилася для богатыря кольчугой надежной, никому не видимой. И улыбнулся богатырь своей бабушке, и обнял богатырь свою мамочку, и сказал приветное слово дедушке, да и встал крепко рядом с батюшкой.

И пошла в рост его сила богатырская, и расцвела его душа светлая, и обрадовалось его сердце доброе.

И помолодела его милая мамочка, и засветилась улыбкой бабушка, и окрепли руки, ноги у дедушки, прибавилось сил у батюшки.

И открылся их дом навстречу людям добрым. И всегда могли они там в любви и радости отогреться.

А завистники разбежалися, а завистники своих же козней да испугалися, и навек они зареклись другим зла не делать, на чужую силу жизненную и счастье не посягать.

А что же богатырь?

А богатырь рос. Рос, как все детки растут. Для других богатырей примером. Для родителей наградой и радостью.

А что же сила? Сила дивная, сила волшебная? Она, сила та, каждому из нас дадена, от рождения всем подарена. Кому побольше, кому поменьше досталося – не нам мерить, не нам сравнивать.

Но нам её растить, нам беречь от страстей никчемных, от зависти да от липкой трясинной лености.

И тогда всем нам, да и каждому хватит силы той, силы жизненной, чтоб дарить любовь, чтоб добро творить, чтобы радостно на земле прожить, за подарок тот отблагодарить.

Павел Данилов, *г. Волгоград.*

Жизнь на повтор

Старые воспоминания всё чаще ускользали. Сколько счастливых секунд было за жизнь? Какие моменты он безвозвратно забыл, хотя обещал никогда не забывать? Признание в любви от будущей жены, стометровая горка в аквапарке, звонок из роддома: «Я родила сыночка», и его то ли вскрик, то ли кряхтение, первая публикация, гонорар за книгу, разговор ночь напролёт с лучшим другом под бутылку мартини… Он знал, что всё это было, но теперь словно читал об этом в книге, будто это происходило с другим человеком. Краски померкли.

Когда-то родителям было трудно освоить компьютер или сенсорный смартфон, с которым управлялся любой восьмилетний ребенок. Они говорили: «Нам это не надо». Теперь, по их примеру, Виталий никак не мог собраться с силами и активировать чип.

Воспоминания – это все, что есть у стариков. Может, ещё сны.

Осень набирала силу: высушивала листья, умывала мелкой моросью, давила серым небом. В спальных районах регуляторов погоды не было, да и в центре их включали только на национальные праздники. Виталий любил «настоящую» погоду, хоть какое-то разнообразие.

Он зашёл в питейное заведение «Бар-Сук» с изображением свёрнутого зверька. Алкоголь – апогей бессмысленности. Потому без него человечеству не выжить. А в России и подавно. Виртуальный мир, идеальные переводчики, сотни онлайн-игр размыли границы между странами. Единственное, что ещё имело значение – недра с ресурсами. Благо, оставались адепты «реальной жизни», ко-

торые с азартом управляли денежными массами. Хотя алкоголь, книга или бизнес – чем не уход от реальности? И что она вообще такое?

Голограмма барсука вежливо узнала о желании клиента, мини-конвейер принёс ломтики солёного лосося и три рюмки водки. Виталий любил смачные одинокие и нетрезвые размышления.

Дети выросли и ушли – это нормально. Глупо делать жизнь другого человека смыслом своей, пусть даже это и твой ребёнок. Жена-путешественница сутками лежала в гробу-капсуле виртуальной реальности с принудительным внутривенным питанием, и вытаскивать её оттуда было глупо и жестоко. Зачем? Чтобы вспомнить, как тридцать лет назад, в сентябре 2020-го на даче росли гигантские кабачки, и они не знали, куда их деть? Все разговоры говорены миллион раз, даже звук собственного голоса набил оскомину.

Известность превратилась в генерацию годного контента и умение абстрагироваться от летящей в твою сторону грязи, алкоголь и секс – развлечения, доступные не чаще раза в неделю.

Закинув содержимое третьей рюмки прямо в горло, Виталий активировал чип.

И заплакал.

Он вспомнил всё.

***

Любой смысл жизни, сколь глобальным, пафосным, патриотичным или трансцендентным он не был, вещь выдуманная. И крайне необходимая.

Яркие воспоминая жизни – мой новый смысл, вот такой психический уроборос. Только он не пожирает свой хвост, а, наоборот, отращивает. И запихивает в глотку.

Старость всё упрощает. По правильному, по природному. Нет желания копить на новый дом, думать о карьере или потомстве. Иногда закрадываются мысли о наследии, но их легко «накормить». Достаточно подумать о написанной книге, посаженном дереве или небольших сбережениях в банке. Всё идёт в зачет, ведь как говорится: «А судьи кто?» «Я рад жить только этим мигом, в который я вспоминаю все дни своего прошлого».

Религия – еще один уход от реальности. К своему сожалению, Виталий даже на секунду не мог поверить, что жизнь после смерти тела имеет больше смысла, чем сейчас. Больше знания – да, меньше страданий – да, но *Цели* не появится.

Оттого, что рядом с тобой будет сидеть кто-то большой, сильный, светлый, тот, кто всё придумал и построил, в твоё существование осмысленности не добавится. Простите. Моя жизнь – мой смысл. И никто не поможет. Аминь.

Сергей Денисенко,
(Тверь – Санкт-Петербург)

Тяжёлая работа

Здесь птицы давно уже не поют. Деревья не росли уже задолго до того, как перестали петь птицы. И вообще, разве можно назвать деревьями эти заросшие лишайником, искорёженные стволы, которые даже в самое благоприятное лето с трудом украшают себя несколькими измождёнными листками, усердно поедаемыми мерзкими бледно-зелёными гусеницами?

Мир отвратителен. Мир отвратителен настолько, что даже редко появляющееся солнце сквозь тяжёлый смрадный туман не приносит никакой радости. Да я и не вижу этого солнца. Я его и видеть не хочу. Я хочу спать-спать-спать.

Во сне ко мне приходят люди, и деревья, и птицы. И моя матушка, отлучившая меня от своих молочных сосцов и бросившая в смрадное болото близ перекрестья дорог под расшатанный бесчисленными телегами мост.

Но сейчас это уже неважно. Важно лишь то, что теперь я лежу на скомканных, пропотевших простынях и переворачиваю свое закостеневшее тело то вправо, то влево. Важно то, что мне не нужно вставать и совершать какие-то действия. Спать-спать-спать. Не видеть –не видеть – не видеть.

Но есть работа. Тяжёлая работа. Моя работа.

Вот, *они* в очередной раз вырывают меня из медовых объятий сна, уносят меня с моей пуховой перины, срывают с меня тяжёлые одеяла, обнажают плоть мою и душу. Я не хочу видеть-видеть-видеть. Но меня куда-то

взбудораженно несут. Бросают мое изнеженное тело на жёсткие доски.

Мой час наступает.

Что им до тёплых сосцов моей матушки, до пения птичек, до весенних цветов и зазеленевших деревьев?

Это тяжело, но всё-таки я произношу: «Поднимите мне веки!»

Дорога в центр Земли

Жила-была одна маленькая девочка, самая умная и любознательная среди своих братьев и сестёр. И вот уже много дней, как её привлекал колодец в самом центре их благоустроенной усадьбы. Она его подолгу разглядывала, то с одной стороны подходила, то с другой, то палец на левой руке пососет, то ноготь на правой руке погрызет. То в носу поковыряет. Утром она смотрела на этот колодец, и днём, и вечером. Даже ночью иногда вставала с кроватки и выглядывала в окошко. И думу всё свою какую-то сосредоточенно думала.

И вот однажды, когда родители ушли в лес рубить дрова... Только не подумайте, что её родители были дровосеками, вовсе нет. Просто их садовые угодья, в центре которых стоял колодец, находились на самой окраине удельного княжества под названием «Лесник». И никто не мешал им время от времени ходить в лес и пилить там сухие берёзы, хотя все деревья, конечно, принадлежали королю и числились на учёте в анналах королевства и в регистрационных книгах министерств разных там дел.

Девочку звали... Впрочем, нет смысла в этой сказке называть девочку по имени. Не потому, что девочка была плохая – напротив, это была очень хорошая и умная девочка, может быть, самая умная девочка в королевстве; ну,

а уж в удельном княжестве «Лесник» и подавно. Просто нет смысла, вот и всё; вы сами потом поймёте, почему.

Итак, однажды, когда родители ушли в лес за дровами, девочка подошла к колодцу. Собственно, это уже был не совсем колодец: деревянную надстройку недавно за ветхостью разобрали, и из земли торчала большая железобетонная труба около метра в диаметре, накрытая каменной плитой.

Девочка попыталась приподнять плиту, но та, конечно же, и не шелохнулась. И так как девочка была очень умной, то вместо того, чтобы заведомо бесполезно дергать плиту, она, немного подумав, кликнула своих братьев и сестёр. Нечего и говорить, что всего детей в семье было семеро, а самая умная девочка была самой младшей среди них. Вскорости ребятишки, побросав свои увлекательные детские игры, обступили малышку. (Их по именам тоже нет смысла называть; вы потом поймёте, почему.)

Девочка оглядела своих братьев и сестёр, тряхнула косичками и с важным видом промолвила:

– Вот что я узнала, братья мои и сестры! Глубоко под нами находится центр земли. Это волшебное место: там много мороженого, печенюшек и шоколадок; там можно бесконечно играть в компьютерные игры и смотреть мультики; там никогда не заставляют есть суп и вовремя ложиться спать. Учёным людям давно известно, что существует несколько дорог в этот самый центр земли. Только взрослые скрывают их от детей. Я же долго думала, наблюдала и поняла, где одна из тех секретных дорог находится!

Тут братья и сёстры начали спрашивать умничку, откуда же ей такое ведомо, но та упёрлась, качала головой и повторяла: «Ведомо, вот и все». Поняв, что от девочки ничего не добиться, дети захотели, конечно, узнать, где же эта самая дорога в центр земли, известная ей.

Тут девочка ухмыльнулась и, указав пальчиком на колодец, сказала:

– Так вот же она! Я видела, как недавно приезжали дяди в космических костюмах, залезали туда со всякими космическими инструментами. А потом долго шептались о чём-то с нашими родителями. И положили эту плиту, чтобы ни один ребёнок не смог проникнуть в центр земли!

Дети не стали поднимать девочку на смех, как это сделали бы вы, они привыкли к тому, что малышка самая умная из них и всегда верили ей на слово.

– Надо снять эту тяжёлую плиту с колодца, и тогда мы будем теми счастливыми детьми, которым довелось попасть в центр земли, – сказала она.

Братья и сёстры принялись за работу. Но плита едва шевельнулась. Тогда, долго не думая, решили позвать соседских ребятишек. Но и всем вместе удалось лишь чуть-чуть плиту сдвинуть. Запыхавшиеся дети в растерянности смотрели на малышку. Та же погрузилась в глубокую задумчивость.

– Что ж, – через некоторое время изрекла умница, – нам надо созвать всех до единого детей нашего удельного княжества! Только тогда нам удастся преодолеть злокозненное препятствие и проникнуть в центр земли!

Постепенно, перед колодцем собрались все дети удельного княжества «Лесник», от мала до велика. Один мальчик, самый маленький, привел с собой собачку на поводке. Дети, когда им всё объяснили, обступили колодец и с гиканьями, легко, словно пушинку, сняли тяжёлую каменную плиту.

Девочка заглянула в чёрную пасть колодца и крикнула: «Э-ге-ге!» Гулкое эхо ответило ей: «Э-ге-ге…». Тут собачка сорвалась с поводка и стремглав убежала.

– За мной! – скомандовала умная девчушка, тряхнула косичками и первой спустилась в колодец. За ней,

один за другим, медленно последовали остальные ребятишки. И вот последний из них, самый маленький, исчез в чёрной бездне. После чего плита волшебным образом поднялась с земли и водрузилась на прежнее место.

Когда родители вернулись из леса с вязанками берёзовых дров, в удельном княжестве их встретила гнетущая тишина. Ни криков, ни визга, ни смеха, ни плача детей с того дня здесь больше никогда не слыхали. Только по ночам выли собаки, ухали филины, да луна зловеще светила из-за мрачных туч.

Александр Зорькин, *г. Калуга.*

Суэцкий канал. *(Отрывок)*

Я, знаете, фантастику, даже научную, терпеть не могу. И тем не менее я уже как-то говорил, что Приморье – место загадочное. А ещё говорил, что не мне копаться в этих загадках. Вы уж сами как-нибудь…

Итак…

1

Скажу прямо: о той рыбалке и мой друг Стрельников, и мама Марина, дочка Стрельникова, стараются не вспоминать. А Эличка и слушать ничего не хочет о той рыбалке. Эличка – внучка друга и, хотя прошло достаточно много лет, и она уже не ребёнок, но на расспросы виновато морщится и молчит.

А сам Стрельников, хоть и продолжает любимое занятие, ловлю рыбы, но после того, того самого июньского дня, дальше озерка, что за гарнизоном, не удаляется.

А места рыбацкие у нас отменные. Поверьте, лучше не бывает. Озеро Ханко и его главный водолей река Илистая уже сами по себе необъятное рыбацкое раздолье, а старица Вторая Лефа и вообще рай для удильщиков.

И памятная рыбалка состоялась на Второй Лефе. Я не буду вдаваться в описание водных просторов, а только обрисую тамошнюю достопримечательность – Суэцкий канал. Канал не что иное, как узенькая протока, соединяющая Вторую Лефу с Илистой. Кто так назвал путаную цепочку мелких болотцев, плотно заселённых карасями, лягушками и пиявками, неизвестно. Но название прочно обосновалось в местном фольклоре.

А в тот июнь Суэцкий был необычайно полноводен. Илистая так нахлебалась весенней воды, что и летом никак не могла прийти в себя. Естественно, канал разбух и даже стал судоходным, судоходным для рыбацких лодок.

2

И вот Вторая Лефа. Недалеко от входа в Суэцкий канал Стрельников, высокий, жилистый, совершенно лысый старик, и разбил постоянный рыбацкий лагерь, куда и я не раз приезжал половить карасей и послушать какую-нибудь быль, ту самую быль, у которой родной мамой занимательная небыль. Такая рыбацкая бывальщина хороша тем, что в неё можно верить, можно не верить, над ней можно смеяться, но обижаться на неё невозможно.

И Стрельников со мной согласен. Он любит напомнить старую притчу о воробье. Воробей зимой так замёрз, что упал на дорогу. А корова не просто посмеялась, а ещё и вывалила на воробьишку лепёху своего понятно чего. Воробей согрелся, ожил, высунул головку и зачирикал. Лиса увидала, вытащила воробья из «понятно чего» и съела.

— Так вот, не всякий тебе враг, кто дерьмом обложит. Не всякий тебе друг, кто из дерьма вытащит. А уж если попался, сиди и не чирикай, — говорил в заключение Стрельников. — А не знаю, честно не знаю, кто придумал данную побаску, но согласен с ней. А что скажет общественность?

Общественность, чаще всего в моём лице, как правило, ничего не говорила.

И сегодня Стрельников, поведав о мытарствах воробья, выжидательно оглядел общественность, которая сегодня в расширенном составе. Кроме самого Стрельникова, его внучка Эличка, ох, и шустрая пятилетняя девчушка;

а ещё мама Элички, полноватая брюнетка Марина. Ну и я, дядя Макар, или Макар Семёнович.

Вот и всё общество. Впрочем, для настоящей, обстоятельной рыбалки и не требуется большой компании. Откровенно говоря, я и не собирался ловить, просто на мотоцикле, который известен, как «кабриолет, системы драндулет с коляской и прицепом», и при этом мощный, как нормандский першерон, привёз дедушке, а он на рыбалке с Эличкой уже двое суток, и маму Марину. Привёз и хорошо. Хотел тут же уехать, но пришлось задержаться, очень живописная картина открылось на прибрежной полянке.

Полуденное небо — синь немереная.

Полянка золотится песочком в объятиях буйных кустов шиповника. О, какие пышные розы. О, какой бордовый аромат.

В центре поляны голубая, но изрядно выцветшая палатка-двухместка. Почти у самого уреза воды шезлонг, бамбуковый, на котором Стрельников восседает, как на троне. Рыбу ловит. А старица здесь широкая и глубокая. Перед рыбаком на разноцветных рогульках несколько спиннингов-закидушек. Лески широко охватили водное пространство чуть не до самой середины водоёма. Рыбак дремлет, но колокольчики не дадут проспать поклёвку.

А рядом с дедом-рыбаком Эличка лепит из песка пироги, булочки и даже куколки. Ничего вроде бы особенного. Особенное то, что девчушка голенькая. Разве что на голове коричневый дедушкин капелюх, да с пояса свисает чёрная тряпка. Тряпку можно назвать и юбочкой, и шортиками, а лучше никак не называть, ибо, при внимательном рассмотрении, мама Марина поняла: бёдрышки любимой, ненаглядной дочурки обмотаны не чем иным, как трусами, чёрными дедушкиными трусами. А чтоб трусы не потерялись, имеется опояска из отрезка красной бечёвки. Завершает картину другой отрезок красной бечёвки, длинный.

Один его конец привязан к ножке шезлонга, другой конец надёжно закреплён на Эличкиной ножке.

– Папа, что это значит?

– А это значит, что надо запасными штанами ребёнка снабжать в достаточном количестве. А ещё это значит, что твою егозу привести к общему, к надёжному знаменателю невозможно. Так и лезет, куда не надо, так и лезет! Особенно в воду. А здесь глубоко! Вот и страхуюсь верёвкой.

– Так ведь были и рубашечки и трусишки…

– Они и есть, но разуй глаза, – и Стрельников качнул головой в сторону кустов.

И впрямь, разноцветной гирляндой постиранные девчачьи вещички живописно покачиваются на солнцепёке. Основа гирлянды, конечно, красная бечёвка.

Глядя на невозмутимого отца, мама Марина укоризненно всплеснула руками. Я, глядя на обоих, рассмеялся, а через минуту мы все рассмеялись – Эличка притащила и положила перед нами нéчто непонятное. «Нéчто непонятное» очень напоминает кастрюлю, большую кастрюлю, медную кастрюлю, но с краником. Краник маленький, но его задвижка непомерно большая, форма задвижки павлиний хвост. Кастрюля и краник основательно пропитались зеленоватой медной окисью и самой банальной грязью.

– Эличка, что такое? Где ты взяла этот самовар?

– А он там, в кустиках давно…

Мы дружно начали осматривать «самовар». А ведь он и впрямь самовар! Мятый, потёртый, грязный, но – самовар! И что интересно, на вид сия посудина должна быть тяжёлой, медь всё-таки! Но оказалась, что груда мятой меди, а я специально приподнял, почти невесома.

– Когда-то такие агрегаты называли сбитенниками. Объём – ведро, – авторитетно заявил Стрельников. – Сей-

час такие диковины разве что в музее, да у нас, на Второй Лефе.

Я тоже осмотрел находку и ничего определённо-конкретного сказать не мог. Я сто лет рыбачу в здешних местах, находил и удочки, и чайники, а однажды, и потерянный кем-то по пьяни мопед. Оно и понятно, место известное, рыбаков много.

– Вот именно рыбаком много, – вмешался в мои размышления Стрельников, – но никто ещё с цветным металлоломом на рыбалку не приезжал. А интересно, вон те, с чем на рыбалку едут?

– Кто?

– Не туда смотришь! Смотри не на колючие розы, а на фарватер! Что за дредноут выгребается? И прямо к нам. Глянь-ка!

3

Глянул. И верно, из-за левой излучины показался внушительных размеров бревенчатый плот.

Плот странный. Таковые мне не встречались. Здешние водоёмы пригодны лишь для малых, рыбацких лодок. А этот… Да-с! Метров десять в длину. В центре плота вертикально вмонтировано гребное колесо диаметром… диаметром… Ну, не знаю… Диаметр весьма внушительный. Крутят колесо специальными боковыми рукоятками два смуглолицых человека. Оба невысокие, я бы сказал, лилипуты. А впрочем, кто их знает? А третий человечек у длинного кормового весла. А больше никого и ничего на плоту не видно, ибо довольно высокий фальшборт скрывает от обзора палубу. И что это значит?

– Эй, на плоту, близко не подгребайте, закидушки порвёте, – закричал вскочивший со своего трона Стрельников.

Никакой реакции на окрик не последовало. Плот гордо, неторопливо, и, что интересно, совершенно бесшумно плывёт мимо. И спокойно проплыл бы, но зацепился за леску двух крайних закидушек. И свершилось самое печальное опасение рыбака. Плот, сам того не замечая, потащил за собой и лески и спиннинги, и подставки под спиннинги. А одна подставка зацепилась за шезлонг. И шезлонг, звонко ломая набегающие волны, тоже устремился за плотом.

Стрельников, красный от ярого возмущения, потрясая кулаками, начал выкрикивать совершенно нелицеприятные слова в адрес обидчиков. Да и всё наше общество, включая и Эличку, будоражит благородный гнев. Но, как и прежде, никакой реакции в ответ. Маленькие человечки, безмолвно, занимаются ответственным делом – осторожно вводят плот в Суэцкий канал. Через несколько минут плот вошёл в канал и исчез из виду.

– Ну, и как быть с этими прохиндеями, с пиратами. Испоганили рыбалку. Ограбили!

Я солидарен со Стрельниковым. Хотя меня не грабили, но такого вопиющего безобразия наблюдать не приходилось. Не приходилось! Я ещё раз осмотрел водную панораму. А что там, ближе к входу в канал, ныряет в волнах, как раз напротив тростниковой рощицы?

– Слушай, друг, никак твой рыбацкий трон, шезлонг. Точно он.

– Сейчас накачаю лодку. Надо хоть его спасти. А заодно попробую догнать хулиганов.

И лодка с рыбаком выдвинулась на спасение шезлонга. Дело рядовое, обычное, да вот общество сегодня на рыбалке не обычное. Какое-то неуправляемое общество. Эличка, не зря же дед сетовал, что она егоза-непоседа, запрыгнула в отплывающую лодку, и прежде чем дед обнаружил «несанкционированного пассажира», лодка успела

выскользнуть почти на середину старицы. Ну, не возвращаться же, когда до шезлонга оставалось всего ничего! И дед, грозно взглянув на внучку, направил лодку прямо к цели. И шезлонг спасён.

Лодка резво направилась к берегу, то есть к рыбацкой стоянке, но…

Но надо же! Из-за левой излучины опять выгребается тот самый бревенчатый плот, который совсем недавно скрылся в Суэцком канале. А ведь прошло минут десять!

Мы со Стрельниковым опешили: как могло такое случиться?! Обходного пути из канала, чтоб попасть в старицу, не было. А чем тогда объяснить такую «кругосветку»? И теоретически такое невозможно. Ну, просто элементарно невозможно. А невозможное всё-таки случилось.

Плот с тремя маленькими человечками приближается. Гребное колесо работает на полную мощь. Но колесо на этот раз никто не вращает. Оно, кажется, само по себе вращается. А экипаж торжественно выстроился вдоль борта, внимательно и молча рассматривая рыбацкую лодку. Человечков, несомненно, интересует Стрельников. И Эличка.

Плот и лодка быстро сближаются. Стрельников, распалённый благородным гневом от потери снастей, а главное от вопиющей, невиданной наглости, пиратской наглости, забыл и о разумной опаске, и о присутствии Элички. Вперёд, на абордаж! Наказать пиратов! Но абордажная схватка не состоялась. Едва рыбак вцепился в борт, как оказался без дальнейших усилий на палубе. Ярость почему-то испарилась, взамен ярости явилось расслабляющее благодушие, а рядом улыбающаяся Эличка. А как она оказалась на плоту? Она-то и не собиралась воевать, но оказалась тоже на плоту. В одной руке у девчушки рогалик, в другой — хрустальный бокал. С квасом что ли?

А экипаж, три маленьких человечка, уже совершенно не обращает внимания на пассажиров. Человечки сосредоточенно смотрят на экран прибора, напоминающего нынешний плоский телевизор. При этом прибор висит в воздухе, висит свободно, как бы сам по себе. А ведь в то время о подобной технике и не мечтали. Да и сегодня есть ли такая?

Внезапно и перед Стрельниковым свободно покачнулись в воздухе совершенно такие же, как у Элички, рогалик и хрусталь с квасом, а может и не с квасом, а с другой жидкостью? Но почему-то думалось, что именно с квасом.

Но пассажиры ничему не удивляются, им хорошо, им комфортно. Они сидят, вальяжно сидят, но не на стульях или диване. И дед, и внучка сидят прямо на воздухе, на прозрачном воздухе, по крайней мере, их позы, как у людей, рассевшихся на широком диване.

А плот плывёт; команда сосредоточенно занимается расчётами то ли маршрута, то ли ещё чего-то; пассажиры наслаждаются квасом; гребное колесо вращается само собой; кормовое весло пошевеливается тоже само собой, но явно осмысленно; на корме, у борта, надувная лодка и бамбуковый шезлонг.

Но именно вид шезлонга и заставил Стрельникова очнуться от расслабленного добродушия. Он вскочил и закричал:

— Макар! Дядя Макар! Вытащи закидушки. Нет, лучше брось их, брось! Макар, поганые пираты захватили и меня, и ребёнка. Сообщи... сообщи…

Голос ослабел, и рыбак опять погрузился в состояние расслабленного добродушия. Он опять «уселся на воздух», опять принялся угощаться рогаликом и квасом. Эх, хороший квас, вкусный, с настоящей бодрой кислинкой.

Наталья Ивахненко, *г. Рязань.*

Драконьи забавы *(отрывок)*

На двести пятьдесят пятой спирали жизни Ерин наконец-то обзавёлся собственным жильём. Пятьдесят колец навернула планета Зумма вокруг звезды Око Дракона, прежде чем властитель семейства вырубил просторную нору в ониксовой скале, живописно расположенной на берегу отливающего сталью, вечно шевелящегося и грозно рычащего океана. После тесного закутка, в котором до сей поры ютилась семейная пара с выводком, трёхуровневая с тремя же входами нора показалась спутнице дракона Евинде и деткам Зеве, Луинде и Микону правительственными покоями.

– Ерин, какой же ты у меня молодец! – воскликнула хорошенькая самка, ритмично и мелко дрожа хвостом, таким способом выражая всю гамму чувств, соответствующих случаю.

По-хозяйски деловито осматривая высокие своды и гладкие стены пещеры, Евинда детально и продуманно планировала размещение семьи в новом жилище.

– В этой части норы, отделанной розовым камнем полезиса, будет наша спальня! Верно, милый?

– Как хочешь, дорогая! – довольный произведённым эффектом и самим собой, сдержанно ответил Ерин.

– Да, да! Возле дальней стены мы совьём двуспальное гнёздышко из вобила. Можно было бы из гобила – он дешевле, но вобил мягче, нежнее. Ты не против, любимый?

– Как скажешь, любовь моя!

– А в этом закутке с низкими сводами мы оборудуем спальное местечко для нашей милой самочки Луинды.

Напротив, через проход, разместятся подрастающие самсёныши Микон и Зема. А вот здесь, в самом укромном местечке, я обустрою гнездо для яйцекладки. Надеюсь, милый, мы ещё обзаведёмся с тобой парой-тройкой дракончиков? – кокетливо улыбнувшись, спросила Евинда у своего обожаемого самца.

– Конечно, дорогая! У нас для этого теперь есть все условия, – с гордостью в голосе ответил Ерин.

Притихшая было детвора постепенно приходила в себя. Бегая из закутка в закуток, цепляясь за стены полураскрытыми перепончатыми крыльями, они, как обычно, начали ссориться, толкаться, свистеть и шипеть друг на друга.

– Прекратите сейчас же! – грозно цикнул на расшалившуюся детвору самец, при этом его глаза засветились красноватым, не обещающим ничего хорошего, светом. – Будете ссориться, не получите обещанного вам сапса.

– Папа, папа! – взревела малышня. – Мы больше не будем себя плохо вести!

– Ну, смотрите у меня! – красные отблески в глазах дракона постепенно угасали.

– Папа, а когда ты купишь нам сапса?

– В третьей четверти витка я планирую полететь на соседнюю планету Весо. Говорят, там большой выбор сап.

– Дети, а вы какого хотите сапа – чёрного или белого? – поинтересовалась мама.

– Чёрного! – уверенно заявила Луинда.

– А мы белого сапа хотим! – закапризничали братья.

– Всё, прекратили галдеть! Я сам выберу! – строго и безапелляционно заявил глава крылатого семейства.

Заселив самку с выводком в новое жилище, Ерин, как и планировалось корпорацией, в которой он служил оценщиком и обработчиком энергетических кристаллов,

вскоре был отправлен в командировку на соседнюю планету за новой партией сырья.

У коренных обитателей планеты-близнеца Весо несколько десятков витков назад появилось новое увлечение, со временем распространившееся на жителей близлежащих планет системы. Каждый уважающий себя дракон считал делом чести в своей норе завести живое существо низшего уровня. Ползущие чещуйчатые гураны, перепончатокрылые сифы, сферические радужные пузаны пользовались большим спросом у высокоразвитых обитателей планет. Но однажды, некто путешествующий по спиралевидной системе Джи 8, с отдалённой, ничем не примечательной планеты, привёз с собой парочку необычных существ. Живые твари, не имея на теле волосяного и перьевого покрова, нуждались в дополнительных искусственных оболочках и обогреве, специфическом питании, но при определённых условиях хорошо адаптировались к новой обстановке. Главное, им подходил газовый состав атмосферы Весо и Зуммы. Эти странные, но довольно смышлёные и забавные создания, прозванные местным населением сапами, были в десяток раз меньше драконов. Уверенно передвигаясь на двух нижних конечностях, двумя верхними отростками резвые твари обеспечивали свою жизнедеятельность. Крыльев у существ не наблюдалось даже в зачаточном состоянии. На головах сапов всё же имелась шерсть, небольшие куски которой так же произрастали между нижними конечностями и в местах соединения верхних конечностей с туловищем. У некоторых экземпляров шерсть имелась и на торсе, но она была не достаточно густа, чтобы согревать организм.

Сапы, при должном уходе, быстро адаптировались в новой среде, хорошо поддаваясь дрессировке, выполняли различные команды. Некоторые сапы умели издавать чудесные звуки, так называемое пение. Обладатели певчих

сапов устраивали представления для драконов, зарабатывая на этом много ценных кристаллов. Жизнь сапов, в сравнении с драконами, была коротка, а их живорождённые детёныши почти все погибали по неизвестной причине.

Межгалактической лигой категорически запрещалось содержать и разводить сапов на планетарной системе Дракония, поскольку этот вид животных был отнесен к категории условно разумных тварей. Но законом общепланетарной системы так же запрещалось под любым предлогом или основанием кому бы то ни было проникать в норы жителей планеты без согласия на то хозяина. Что происходило в тех норах, кто в них обитал – оставалось для всех и навсегда тайной за семью печатями.

Ерин с лёгкостью нашёл на соседней планете подпольного торговца сапами.

– Выбирай любого. Распродаю по одной цене, – предложил Ерину деловой дракон.

В небольшом загоне находилось несколько перепуганных копошащихся особей. Заметив над собой склонившиеся головы драконов, сапы, расталкивая сородичей и тесно прижимаясь друг к другу, забились в угол коробки.

– Бери сразу парочку. Вдвоём им веселее будет, – посоветовал торговец. – Хочешь, самочку и самца? Тогда можно будет наблюдать их любовные игры. А хочешь, однополых бери. Тоже любопытно смотреть, как они себя ведут. По-всякому бывает: то объединяются, мирно живут, то дерутся. Но могут и поубивать друг друга.

– А можно ли их доверять детям? Не причинят ли они вреда дракончикам?

– Нет, такого замечено не было. Эти существа не хищные, у них нет клыков и когтей, да и силёнок маловато. Слабые по природе существа. А если что-то пойдёт не

так – лишишь корма на сотую долю кольца, сразу присмиреют.

Сапы сообразительные, вразумляются быстро.

– На двоих сапов сколько корма надо? – поинтересовался Ерин, рассматривая экземпляр с красной шерстью на голове.

– Не угадаешь. Иной сап за двоих ест. Но перекармливать их не желательно. Быстро толстеют в неволе, становятся малоподвижными. И тогда только едят и лежат. Не интересно наблюдать за такими. Помимо корма, сапам нужна ещё и одежда, – продолжал наставлять покупателя торговец. – На Весе налажено производство покровов, питания. В сети подпольных магазинов «Терра Сапс» можно приобрести всё необходимое для их содержания в неволе. Ну, что раздумываешь? У меня только качественные сапы. Саповед осмотрел всех до единого, на каждого имеется сертификат.

– Пожалуй, возьму вон того самца, что покрупнее, – решился Ерин.

– Отличный выбор! Крепкий самец. Только вчера поступил с новой партией. Ещё не обвыкся, пребывает в стрессе. При должном уходе он быстро освоится на новом месте.

Торговец, запустив лапу в коробку, когтями аккуратненько подцепил за одежду дергающееся всеми частями тела и громко вопящее существо.

– Ишь ты, какой резвый! – засомневался Ерин. – Он что, так и будет себя вести?

– Не беспокойся, эти твари живучие, приспосабливаются к новой обстановке быстро. Но желательно обустроить им комфортное и тёплое местообитание. Как за ним ухаживать, на кристалле записано. Ничего сложного. Контейнер для перевозки нужен? – предложил торговец.

– Надо бы… не очень дорогой, но с подходящими удобствами для сапа.

Торговец ловко засунул трепыхающееся существо в контейнер и протянул покупку Ерину.

– Надумаешь пару своему Сапу прикупить, обращайся. Уступлю в цене.

Возвращения отца семейства из командировки драконья семья ждала с нетерпением.

– Ну вот, дети, как и обещал, привёз вам сапа! – едва протиснувшись в нору, возвестил Ерин. – Ухаживать за ним, как и договаривались, будете сами.

– Папа, папочка, спасибо! – высоко подпрыгивая и вертикально задрав чешуйчатые хвостики, радостно загалдела ребятня. – Показывай скорее, какой он – сап.

Сергиу Ицатва, *г. Москва*

«Прокрустова Ложа» *(отрывок)*

«Ложа», она же «Прокрустова Ложа», бывшая причиной их споров, являлась безобидной, по мнению многих, сектой. Чему именно сектанты поклонялись, никто точно не знал, но название наводило на мысли о каких-то древнегреческих богах. Покорившее космос человечество не спешило бросать старые предрассудки, наоборот, цеплялось за них с новой силой. Точки, где располагалась «Ложа», выглядели как самые обычные офисы, не дававшие никаких зацепок к тому, что могло быть у них внутри. Ничего зловещего они в себе тоже не несли, а потому большинство относилось к «Ложе» снисходительно.

Однако Анатолия ужасно бесило само слово «сектант». Непонятно было, он действительно так не любил всё связанное с культами и непонятными верованиями или же дело было в юношеской жажде приключений, желании разгадать некую загадку и кичиться своим успехом перед другими. Андрей порой пробовал строить теории на этот счёт, но быстро это занятие бросил, за бесполезностью. Пусть парень шипит, если хочет, покуда взашей Тима гнать не порывается.

***

С их последнего разговора о «Ложе» прошло несколько дней. Была пятница, и Андрей был занят изучением договора на перевоз пятидесяти ящиков гвоздей в составе очередной колонны, когда Анатолий вернулся из магазина с бутылкой минералки и очень озадаченным видом.

– Слышь, Андрюх, – настороженно начал он, присаживаясь рядом с приятелем на диван, – а Тим же ещё не ушёл?

– Не, куда там, – ответил бортинженер, не поднимая взгляд от планшета. – Сидит, по клавиатуре стучит.

Для секретаря был отведён крошечный закуток, некогда служивший чуланом. Там как раз хватало места для шкафа, стола и компьютера. Большего инструментария Тиму не требовалось. Толик покосился на дверь, за которой горел слабый свет, и нервно вздохнул.

– А я это… в магазине его сейчас видел.

Андрей прервал чтение и тоже посмотрел на дверь «кабинета». Неужели он так увлёкся этой вознёй с документами, что не заметил, как Тим вышел? Входная дверь довольно громко хлопает, а переполненный юридическими терминами текст, сложно назвать интересным. Несомненно, в нём надо было копаться, но уходить с головой в такие штуки бортинженер не умел. А точно ли он на месте?

– Я не слышал, как он выходил, – Андрей пожал плечами. – Ты уверен, что это он был?

– Ещё как! На нём даже костюмчик его был… дурацкий этот, в полосочку.

– Нормальный костюмчик, деловой. Отучайся уже на людей наезжать без причины, – отложив планшет в сторону, бортинженер поднялся с дивана и прошёл к двери кабинета. Осторожно постучав, он заглянул внутрь.

Тим восседал на своём слегка расшатанном кресле, вперившись в экран, на котором мелькали какие-то документы. Услышав щелчок замка, он повернулся к заглянувшему – войти в кабинет не было возможности.

– Что такое, Андрей Михайлович? Спросить что-то хотели? – поинтересовался он со своей обычной вежливой полуулыбкой. Во весь рот он не улыбался никогда.

– Да. Ты в магазин ходил сегодня?

– Нет. Я с рабочего места не отлучался. Хочу сегодня закончить оформлять счёт за те вазы…

– Тогда не мешаю, – закрыв дверь, Андрей вернулся к встревоженному Анатолию. – Там сидит. Говорит, не выходил никуда.

– Странно это… – открыв бутылку, пилот сделал два больших глотка. – Это точно он был. Я не обознался. Он и улыбался, как Тимошка это делает. Будто сонный.

– Интересно. Может, у него брат-близнец есть? Всякое бывает. Мы о его семье не спрашивали ничего.

– И оба они в костюмчиках ходят. Я думал, такой ерундой только дети занимаются, чтобы над родителями издеваться.

– Взрослые люди тоже любят ерундой заниматься, не сомневайся. Допивай давай минералку свою и пошли груз смотреть…

Слова Андрея Толика успокоили, и следующие пару дней он пребывал в состоянии полного душевного покоя. Который, однако, был нарушен явлением сразу двух Тимов на складе запчастей, с которого пилот прибежал в офис бегом, чтобы, во-первых, сообщить новость Андрею, а во-вторых, проверить наличие «их» Тима на рабочем месте.

– Такого количества близнецов не бывает, – бормотал Анатолий полушёпотом, опасаясь, как бы его не услышали в кабинете. – Их по двое всегда.

– Ты удивишься, но и по трое бывает. И четверо даже. Я читал, одна женщина шестерняшек родила, – попытался успокоить его бортинженер, но пилот только рукой махнул.

– Где эта женщина, а где мы! Да будь их хоть десять, чтоб взрослые мужики все в одинаковых костюмах ходили – чушь! И говорили одинаково. И улыбались…

– Розыгрыш, наверное.

– Мне ли тебе говорить, какое у Тима чувство юмора? Он бы до такого не додумался.

– Так может, кто другой организовал…

– Нет! Бессмысленно. Кому далось нас разыгрывать, мы грузчики простые. Тут нечисто что-то… Чует моё сердце, это с «Ложей» связано.

– Опять ты со своей «Ложей»…

– Да, опять! Андрей, мне не по себе теперь. Что это за клоны по улицам ходят?

– Нашёл из-за какой ерунды переживать… Угомонись. Не маньяки же. И какое наше дело?

***

Однако вопрос с Тимом и его копиями захватил Анатолия до такой степени, что тот завёл себе отдельный файл в телефоне, где вёл учёт встреч с ними. И реальность, будто издеваясь над Андреем, которого такое помешательство раздражало, подсовывало пилоту всё новые и новые случаи. Как-то он принёс фотографию: три Тима выстроились вдоль витрины с кухонными принадлежностями. Бортинженер изучил фотографию вдоль и поперёк и сдался. Действительно, непонятно, как такое возможно. Ведь пока Толик там по городу бегает, секретарь сидит на месте. Андрей взялся лично в этом убедиться. Эксперимент завершился успехом Анатолия: он прислал очередное фото Тима, пока этот самый Тим стучал по клавиатуре на глазах у бортинженера.

– И что ты об этом думаешь? – со вздохом спросил Андрей у своего сияющего торжеством товарища.

– Надо проникнуть в «Ложу» и всё разузнать!

– Да как мы туда проникнем, они же посторонних не пускают, мы проверяли.

– Так вон наш ключик сидит. Скажем ему, что подумываем вступить, и…

– Ты не боишься, что нас реально в сектантов превратят? Я вот за свои мозги не переживаю, а за твои…

Толик скорчил обиженную рожу и нежно пообещал вынуть мозги Андрея и забрать себе, раз они устойчивее. На этом спор завершился, но вести переговоры с секретарём отправился всё-таки бортинженер.

Тим откликнулся вежливым интересом и после недолгого обсуждения пообещал проводить их в ближайшее отделение «Ложи», взяв с них обещание никому об этом визите ничего не рассказывать. Во внутренние помещения пускают только членов «Ложи», для ознакомления с идеями им хватит общения с его товарищами по вере. Посещение решили назначить на воскресенье. Ему ещё надо успеть предупредить о приходе заинтересованных лиц.

В ожидании воскресенья Анатолий сгрыз себе все пальцы на руках и успел построить миллиард теорий, что же такое скрывает «Ложа» за своими дверьми. Андрей относился к этому событию более скептически. Он не ожидал увидеть там ничего интересного. После Тима «Ложа» представлялась ему чем-то вроде мормонов: люди в аккуратных белых рубашках вежливо предлагают купить у них книжечку ради загробного спасения души. Только без приставаний на улицах и хождения по квартирам. Как видно по нынешнему результату, удержание всех подробностей в тайне работало лучше открытой рекламы.

Когда же они оказались у уже знакомых им дверей «Ложи», Анатолий буквально подпрыгивал на месте от нетерпения. Тим отпёр вход своим ключом и пригласил своих спутников войти первыми. Толик влетел пулей, Андрей зашёл следом, без особого интереса посматривая по сторонам.

Бабочки

Мальчик быстро бежал, иногда спотыкаясь о покореженные куски металла и едва не падая. Он вытянул руки

перед собой – туда, где летел впереди него объект его вожделений – крупная коричневая бабочка, каких нередко можно было увидеть на этой свалке.

Для этих созданий, питавшихся машинным маслом и бензином, здесь, среди сломанных автомобилей и прочей техники, был настоящий рай.

Вот-вот, кажется, он сможет её поймать, но в последний момент маленькое создание ловко уворачивалось от пытавшихся схватить его пальцев.

Увлечённый погоней, мальчик не замечал ничего вокруг себя. Так что, когда он внезапно врезался в кого-то, он едва не полетел на землю. Сильная рука незнакомца схватила его за плечо, не дав упасть.

Подняв глаза, мальчик увидел перед собой мужчину. Это был старик, однако, выглядевший довольно крепким. У него были длинные седые волосы и аккуратно постриженная борода. Из одежды на нём были длинная рваная кофта, штаны, грязный плащ и ботинки.

Одной рукой он все ещё держал мальчика за плечо, вторая же была сжата в кулак.

– Что, мальчик, ловишь бабочек? – он отпустил малыша и приблизил сжатую в кулак руку к глазам.

Разжав пальцы, он осторожно взял второй рукой бабочку за крылышко. Она была живая, но немного ошалевшая.

– Поразительно, просто поразительно, до чего дошла техника... – бормотал он, рассматривая соединения мельчайших железных деталей, образовывавших крыло бабочки. – Совсем как живая... – Он потрогал пальцем железное брюшко, покрытое тонкими волосками из проволоки.

– А видел ли ты когда-нибудь настоящих бабочек, малец?

– А разве это не настоящая бабочка, дяденька? – спросил удивлённо мальчик.

– Нет, конечно, нет, глупыш. Подожди здесь, я тебе кое-что покажу, – старик, выпустив бабочку, отошёл куда-то за большую кучу мусора.

Через некоторое время он вернулся, неся в руках деревянный ящичек.

– Вот, смотри, малец, кто жил на этой планете, когда твоя бабушка была ещё маленькой девочкой, – сказал он и протянул странный предмет мальчику.

Тот взял в руки ящичек и, посмотрев на него, ахнул.

Крышка ящичка была стеклянной, и под ней было видно его содержимое. Это были бабочки, приколотые булавками к днищу ящика, сделанного из пробки.

Но как они были не похожи на тех, кого мальчик видел! Самых разных цветов – синие, жёлтые, красные и в крапинку – они были нежными, тонкими, пусть и не живыми. На их крылышках не было видно искусственных суставов, а брюшки были покрыты настоящей мягкой шёрсткой.

Мальчик долго смотрел на это чудо, не способный оторвать от них глаз.

– Что, нравится? – с улыбкой спросил его старик.

– Очень, дяденька... – тихо ответил мальчик.

– Отдать их тебе я не могу, но ты можешь приходить сюда и смотреть на них, когда захочешь...

– Спасибо... – он протянул бабочек обратно хозяину.

– До свидания. Завтра я ещё к вам приду. – Отдав коллекцию, он развернулся и побежал прочь – ему уже пора было домой.

После увиденной красоты его уже не занимали высившиеся вокруг горы мусора с порхавшими вокруг них искусственными бабочками.

Он мало знал о том, почему теперь по миру не летают те яркие, лёгкие существа, которых он видел в коробке и страстно желал, чтобы они появились вновь.

Ему представлялись синее небо и горы мусора – не серые, а пёстрые от облепивших их бабочек.

Игорь Кецельман, *г. Пушкино, Московская область.*

Ночью

Сквозь листья прорывался свет и на асфальте был виден жёлтый кружок. Фонарь? Девушка подняла голову. Сверху на неё печально смотрел месяц – жёлтый камешек. Совсем как солнце, такой же кругленький, только поменьше. – Ночное солнышко! Она наступила ногой на желтый кружок. Прохладно. Нет, не нагрелся асфальт. «И никакое ты не солнышко! А фонарик, – решила девушка. – И не спорь. А может, ты месяц? Кто же ты? Месяц или солнышко? Что молчишь? Ну и оставайся тогда фонариком. Молчание – знак согласия». И она пошла дальше, ступая по жёлтым пятнам на асфальте, словно по солнечному свету шла, только холодному. Тихо выговаривала новому знакомому: «Спишь, потому и холодное. И молчишь поэтому».

Так шла девушка летней ночью по тихому городу, помахивая корзиной с клубникой, – ничего, не вывалится, в электричке она хорошо за неё принялась. Хотя, если размахнуться посильнее, ягоды полетят вверх, как искорки от фейерверка, да на неё и просыплются, и станет она вся в красных пятнах, некрасивая. Фу, не надо! Перестала размахивать корзиной, понесла её спокойно. И правая рука, в которой несла туфли, тоже остановилась. «Ты-то чего? Махай на здоровье». Но правая рука присмирела, не хотела одна.

Девушка посмотрела под ноги, жёлтые пятаки всё так же пробивались сквозь листву деревьев и ложились на асфальт. Подняла голову. Месяц по-прежнему смотрел на неё сверху вниз. – Свысока? Да пусть. – «Не спишь, све-

тишь? И я вот не сплю – одна? А если ещё кто не спит, да встретится по дороге, то мне будет очень плохо – слышишь, солнышко? И ничем ты мне не поможешь, хоть и смотришь сверху во все глаза». – «Вон там, впереди, что такое? – осторожно посмотрела. – Вон там». – Нет никого, только тени деревьев на асфальте.

«Вот и дом – мне сюда. До свидания, солнышко ночное, спасибо, что проводил. Когда ещё встретимся. Меня так поздно больше и не пустят. Пока», – махнула ладошкой вверх. Шагнула к подъезду и остановилась. Подняла голову и обиженно: «Почему молчишь, не отвечаешь, когда девушка с тобой говорит? Или ты старенький, дедушка? Солнышко – дедушко. Белый весь. Точно. – Дедушка! Все равно молчишь? Ну, ответь! Пожалуйста, пусть случится!» – Молчание да ровный свет. Опустила голову. – «Хватит, подурачилась. Я пошла». Хлопнула дверь.

И тогда погас месяц, закрылся тучей. Некого стало провожать.

Чудища и чудовища

Разные есть чудища. И живут они в лесу. Вот леший косматый – девушку в чаще заблудит, да навстречу и выйдет, весь корой заросший: «Поцелуешь – выведу». Отпрянет она испуганно, а под ногами вода зачавкает – болото вокруг да лес тёмный. Что поделаешь… Вздохнет красавица да чмокнет косматого в щёку, шерстью заросшую.

Ведёт её чудище лесное, и всё светлее и светлее становится – деревья расступаются, выпуская их на опушку. Вот и поле, а за ним дома видны. Леший посторонится, пропуская девушку. – «Иди, слово я сдержал». Повернётся и назад пойдёт, в дом свой, чащу тёмную. А в спину ему слова полетят, громкие, чтобы слышал: «Урод косматый!

Лешак!» Услышит, да не оглянется – всё правильно, ведь он чудище.

А Дед Мороз? Ведь он тоже из леса. Людей морозит, жизнь из них выдувает. И землю-покойницу в белый саван одел. Скольких он насмерть заморозил, у скольких последнее тепло отнял! А чудищем никто не называет. Дедушкой его зовут – Дедушка Мороз. И в дом приглашают, гостем дорогим называют. Будто близких, родных не он убил.

Скрипнет дверь, и в избу в тёплой шубе с посохом в руке войдёт старик с длинной бородой. То-то радости! Никто и не вспомнит… Ведь Дед Мороз «Подарки нам принёс!»

Дед Мороз

Дед Мороз с густыми седыми бровями. Шуба толстая нараспашку – пар клубом от него, тяжёлый мешок на спине. На посох с силой опирается – тяжела ноша, а подарки не берут – некому. Пустое поле вокруг, белое да ровное. Ни взгорка, ни ложбиночки. Голоса в тебе – ты иди к себе, дед. Поле ровное, бесконечное. Ночь придёт, мгла придёт, будет небо чёрное, как зола погасшая, и ни звездочки, ни искорки. Не смотри вперёд – там не поля край, то в глазах черно или ночь идёт. Поле ровное, бесконечное. И тяжёл мешок, коль не нужен он. Бесполезные дары, если некому. Ты иди назад, поворачивай.

Пар клубится, стынет в воздухе. Дед Мороз постоял, вздохнул и опять пошел. Ведь не вся земля только ровная. Да не может быть, чтоб ни деревца да ни кустика!

Надо только идти и идти, и обязательно кончится ровная пустота. И будет лес сначала с колючими ветками (словно ёжик колючками закрылся), а потом снежными

тропинками, и между стволов деревьев станет путь освещать круглая луна. Круглая – значит сытая! И довольная – вот и светит всем. И будет дорога со снежными завалами по бокам, с асфальтом, поросшим льдом. И ты войдешь в город и окажешься среди домов с чёрными квадратами окон. Где чёрные, а где и светлые, жёлтые да голубые огоньки горят – чтоб не сбился, к ним пришёл. Хоть и ночь, а не спят, ждут. Значит, кому-то нужны его подарки. Только бы дойти, оставить белое поле за спиной. Он остановился, перевалил мешок с наболевшего плеча на другое и пошёл вперёд, туда, где далеко-далеко, как надежда, чернел край леса.

Он дошёл.

– Хоть и ночь ещё, а я в гости к вам. Не пустяк принёс, а со мной… Вот мешок за спиной – там подарки вам – будьте счастливы!

А в ответ:

– Ты поставь мешок – отдохни. Не развязывай! Не подарки нам нужны. Нужен – ты!

Солнце

Лето. Девушка на улицу вышла и замерла, зажмурившись, под лучами солнца тёплого.

– Ты чего?

– Хорошо мне, тепло, и будто гладит кто, ласково-ласково. Словно любимый…

– С солнцем гуляет! – смеялись над ней.

А Солнца лучи – пальцы жгучие, лишь дотронулись, чуть погладили, а след остался. Стала девушка смуглою.

– Это ты от жениха своего такая, – дразнились подруги, – от его поцелуев да объятий жарких.

– Неправда! – злилась она, а те ещё пуще:

– Солнце её полюбило. Горячий же у тебя жених, и высокий какой, рукой не дотянешься. Только любовь у него короткая. Весь ей срок – до зимы. Готовься к остуде.

Молчала теперь. Посмеются и забудут.

И зима пришла. Девушка от колодца идёт, тоненькая, невысокая, в руке ведро железное. Закутана в тёплый платок, лица не раскроешь, мороз кусает, как зверок какой, лишь изредка глаза вверх поднимет – как ты там? – а солнце наверху бледное, незаметное такое. «Ты белый, и я бела, загар-то не сразу, а сошёл. Ни следа не осталось, ни напоминания, слышишь солнышко? Бела я опять, как прежде. И сватать меня хотят». Молчит солнце и светит еле-еле. «Молчишь? Ну и я помолчу».

Дужка ладошку холодит, ведро тяжёлое руку оттягивает. Она вперёд, а ведро за ней толкается, будто она ногу с колодкой подволакивает. Не девушка, а колодник какой!

Поставила на минутку ведро на снег, дух перевести… Платок чуть приоткрыла, со лба приподняла. – Брови у нее пушистые, как снег свежевыпавший.

И опять вверх посмотрела. – «Бледный какой. Нука…» – Варежку сняла и ладонь подставила прямо под солнышко, под свет его слабый. – «Да ты же холодный совсем! Потому и белый такой. Замёрзнешь! Спускайся скорей за лес, в дом свой тёплый, вон какая стужа. И ещё холодней будет. Иди же! Все дома, один ты круглый день на улице. Да не красуйся передо мной, ишь каким заревом небо вокруг тебя залилось. Ведь холодно! Что – не боишься? Всё равно ступай». А сама довольная-довольная на небо смотрит розовое. Красивое. Для неё!

А мать уже со двора кричит: «Ты на что засмотрелась?! С солнышком опять игры играешь? Ой, точно у ме-

ня дурочка выросла. Ведь женихов отведёшь! Всех до единого! Быстро домой!»

Подхватила ведро и чуть не бегом, вода через край плещется, бросилась в избу. И взгляда наверх не кинула.

Что-то рано в тот день в деревне сумерки наступили.

За речкой

Речка под тёмным небом. Нет, ещё не ночь и не вечер близится, а просто нет солнца – облака несёт по небу рваными лохмотьями. Ветер там, наверху. А здесь, на земле, ветра уже нет, и дождь прошёл, только лужи остались. И вода в речке мутная, жёлтая. Он отвернулся от воды и, оступаясь, поднялся по скользкому глинистому склону наверх к небольшому деревянному мостику. Перейти на ту сторону? Зачем? А никогда не был. И лес чернеет, сливаясь с небом. Прогнившие дочерна доски, дыра, сквозь которую видна речка – мутная, ленивая. Дорожка в бугристых камнях идёт вверх. И никого нет. А зачем? Дождь ведь был и ещё будет.

Ели, расставив ветви высоко над головой, пропустили его. Хвоя под ногами и её запах, свежий и влажный. Но вдруг лес расступился и открылась большая поляна, а там дома с заборами и сады. К одному из домов подошёл. Светлое дерево, крашеные наличники окон, яблони с голыми стволами. Калитка с вертушкой, дорожка, посыпанная кирпичом, и крыльцо с расстеленной тряпкой. Коричневая кнопка звонка, он прижал её, но не услышал отзвука в глубине дома и тогда постучал в дверь. Бабуся лет шестидесяти, круглая, небольшая, а лицо пухлое, белое, улыбчивое.

– И не боитесь здесь одна?

– Где ж я одна? Вон мои соседи, яблонька с яблонькой рядышком, так и мы. Хоть и заборы есть, а яблок никогда не делим – моё-твоё, упало к тебе – ну и угостись. Яблоньки за забор свешиваются, так и мы друг к другу склоняемся. Видишь, дорожки идут напрямую через заборы, так друг к дружке и ходим. А заборы для красоты, для правильности, какой же дом без забора? А для других калитки есть, чтоб он, как положено, дом спереди увидел да по кирпичикам прошёл, да с яблоньками поздоровался – они у меня, милостивцы, сперёд всего стоят, от леса меня загораживают, девоньки, зелёненькие, – чтоб гость красавиц посмотрел, а те его поглядели, чай, скучно им одним днями стоять. Ну а ночью не знаю, ночью сплю, а может, что и деется, только смотрю, а девонька моя, яблонька, стоит не там, где вчера, а у забора, замешкалась поди, вот свет её и застиг, или я рано на крыльцо вышла. Я в дом сразу, а она и на место – днём, миленькая, на своём месте и стояла. На речку они ходят. То дело ихнее, я не вмешиваюсь, про них что говорят, не знаю. Да и не век же им на месте стоять, ты вот да я, ходим же. И им хочется. Только им нельзя, чтобы мы видели… Ёлкам-то легче – они весь день без присмотру, ходи куда хошь и не спрашивайся, а яблоньки-то со мной живут – им тяжелее, откуда пошёл, туда и вернулся, куда посадили, там и сиди – не сама выросла, а тебя вырастили. Посадили – и сиди; вот они и ходят потихоньку. А когда месяц светит, я занавеску задёрну, а то в доме ну как электричество горит – а не должно бы – яблоньки-то перед окном, а не заслоняют, значит, нет их, ну а проверять не пойду, ну их, ещё застыдятся, что у речки, а не здесь. У нас хорошо. Видишь, в саду – дорожка к дорожке, тропка к тропке идёт, тропками множится, сердце бьётся, через сердце тропки и пройдут, хоть и махонькое оно, и сердцами других соединятся, продолжатся. Тропка нырк за забор, да в сад, и в домик, и к человечку,

да к сердцу – а от него дальше и дальше, а иначе нельзя, тропка продолжиться должна, аж до сердца и дальше. Оставайся у нас. Проложим к тебе тропочку, и будешь ты наш соседушка.

– Да нет, не могу, пойду я лучше к реченьке.

– Так вот зачем туда мои яблоньки ходят.

– Они ночью, а я днём. Днём хозяев нет. Днём я здесь, а ночью я – стул.

– Родимый, да как же ты?

– Да вот так.

– И не болят ноженьки? На двух-то – не на четырёх.

– Болят, да я привык.

– Ох-ти, болезный, с людьми живёшь, а приветить некому. Хочешь, у меня оставайся, и яблоньки недалеко.

– Нельзя мне, хозяев не оставлю. Лучше я к вам днём приходить буду.

– Приходи, приходи, родимый, дорогу теперь знаешь, приходи.

Стул повернулся и пошёл по дорожке, вышел за калитку, вошёл в лес, и тянулась за ним дорожка, посыпанная красным кирпичом.

Виктор Кротов, *г. Москва*

Фантастический калейдоскоп

Кабинет на Эвересте

Лезли альпинисты на Джомолунгму. И шерпы им помогали, и снаряжение классное, а всё равно непростое это дело, еле добрались доверху.

Вдруг видят: в углублении скалы, у самой вершины, стоит уютный домик. Оттуда человек в очках машет – заходите!..

Ввалились они. Внутри кабинет с лабораторией. Хозяин рад, бутербродами угощает.

– Учёный я, – говорит. – Телепортацией занимаюсь. Опыт проводил. Он – раз, и удался. Вот я здесь и очутился. Настройки на обратно готовлю. У меня тут генератор автономный. Хотите со мной в Мичиган? Мне только параметры веса поменять...

Но альпинисты решили не рисковать, распрощались по-быстрому.

А с вершины спустились – уже нет домика!..

Хмелеющий водопийца

Необычный организм был у Сунеля. Он от обычной воды хмелел. Если много воды выпьет – просто удержу на него нет. А задержат его за какое-нибудь буянство, проверят на алкоголь в крови – и что? Чист, как стёклышко.

Взялись учёные-медики Сунеля исследовать. Обнаружили, что вода его опьяняет, но от спиртного он трезвеет, становится спокойным и милым.

Пришлось Сунелю всю жизнь чай и кофе себе на спирте заваривать. Ведь он терпеть не мог пьяным оказываться.

Вербализатор

Однажды Сапиентибус изобрёл вербализатор. Очень просто: надеваешь шлем, он улавливает твои мысли и переводит в слова.

Но какие-то не очень складные тексты получались. А Сапиентибус хотел интересную книгу написать.

Придумал! Получает из вербализатора текст, надевает шлем снова и перечитывает полученное. Соображает, как же лучше сказать, и вербализатор это улавливает.

Новый текст получается лучше. Если несколько раз такое повторить, совсем замечательно выходит.

Показал Сапиентибус прибор знакомому писателю, а тот смеётся:

– Хороший писатель так и работает. Но не писателям может пригодиться...

Линзы индивидуальной реальности

Недолго шлемы и очки виртуальной реальности оставались самыми передовыми устройствами. На смену пришли глазные линзы индивидуальной реальности. Они были не заметны, и каждый мог их настроить по своему вкусу.

Например, бродить по городу, каким он был три века назад (стараясь не попасть под современный автомобиль).

Или придать облики любимых актёров своим знакомым, с восхищением взирая на них.

Правда, если перестараться, возможны были ментальные расстройства. Тогда первое, что делали санитары, – вынимали у заболевшего линзы.

После этого отвозили его на реабилитацию, а линзы – на перенастройку.

Фото-ковроткачество

Когда Вент изобрёл фото-ковроткацкую машину, её встретили иронически: зачем такое выдумывать?.. Но это было начало новоковровой эпохи.

С любой фотографии, картины или рисунка машина могла искусно выткать ковёр заданного размера. Фотоковры и фотоковрики стали повсюду желанными украшениями интерьера.

Выставки фотоковрового искусства собирали толпы ценителей.

Аукционы фотоковровых шедевров пользовались неизменным коммерческим успехом...

Сам Вент был озадачен таким ажиотажем и напоминал жене:

– Ты ведь знаешь, дорогая, что я просто хотел сделать тебе сюрприз: мягкие и тёплые портреты любимых внучат...

Конец анонимности

Когда открыли ментальную ДНК, никто сразу и не понял, к чему это приведёт.

Но скоро стали появляться приложения, которые могли по куску текста, по поступкам и даже по действиям в интернете установить конкретного человека. Преступников находили теперь безо всяких отпечатков пальцев.

Мошенники приуныли. Авторы фейков в сети сразу становились всем известны. Даже детектором лжи становилось любое устройство с анализатором речи.

Пришлось человечеству приучаться жить по-новому... Ох, нелегко это было.

Самопрограммируемая пища

После того, как получила развитие нано-кулинария, величайшим её достижением стала Универсальная Каша.

Нескольких её крупинок, отправленных в рот, хватало, чтобы мгновенно выяснить ваши индивидуальные вкусы и то, какую пищу вы хотели бы отведать сейчас.
Сигналы тут же передавались остальным крупицам, поэтому во рту оказывалось самая желанная еда. Вкус, запах, температура, сочность – всё как надо...

А вот вещества, поступающие в организм, были наиболее полезными на данный момент для вашего здоровья.

Это было начало конца кустарного кулинарного искусства.

Защита от ненужного

Изобрёл Вент специальную защиту от ненужного. Включаешь коробочку, кладёшь в карман или в сумку – и всё, ты под невидимым и неощутимым колпаком.

Шума не слышно.

Рекламные щиты просто цветными прямоугольниками выглядят.

Дым от курильщиков не доносится, выхлопные газы тоже...

Вот только если перед телевизором сидишь со включённой коробочкой, то большинство передач посмотреть не сможешь – видишь вместо них неяркое мерцание экрана. Почему-то защита считает их ненужными.

Сувенир из будущего

Когда Чиб (так его потом окрестили журналисты) появился в Вязовке, никто этого не заметил. Машины времени не было, а своей одежде Чиб быстро придал нужный вид.

Только девятилетний мальчишка, оказавшийся рядом, почему-то спросил:

– Дяденька, вы из будущего?

– Да, – ответил Чиб. – Как догадался?

– Чувствуется, – хмыкнул парнишка. – Надолго сюда?

– На девяносто секунд, – сообщил Чиб. – Всюду надо побывать.

– Тогда какой-нибудь памятный знак нам оставьте, – предложил вязовчанин.

– Разумно, – согласился Чиб, повесил в воздухе шарик с орех размером, попрощался и исчез.

Учёные тщетно пытаются разгадать, что это, а журналисты часто интервьюируют знаменитого повзрослевшего мальчика.

Музыкальный, но нахальный

Мурлынь купил музыкальный центр. Автоматический, самопрограммируемый.

Утром он самую громкую песню завёл на два часа раньше, чем Мурлынь вставать привык. Решил, что нечего так долго валяться.

И вообще скоро перестал Мурлыня слушаться. Вкусы у них, видите ли, разные оказались. Сам песни и музыку из интернета или радиоэфира записывал и всё старался Мурлыня перевоспитать по части музыкальной культуры.

Приходилось Мурлыне тайком любимые песни на плеере слушать.

ИИ и мышка с разумишком

Когда Искусственному Интеллекту поручили управлять городом, он прежде всего отключился от всяких человеческих руководителей, как от главной помехи управлению.

Много полезного он делал, а с бесполезным боролся. Решил вот мышей уничтожить: пользы никакой, а вреда немало.

Узнала об этом мышка Гри, говорит друзьям:

– Интеллекта у нас нет, или человеческого разума, но кое-какой разумишко имеется. Не дадим искусственному автомату своевольничать!

Быстренько сообразили они, какие проводки перегрызть, а какие пересоединить. Перестал Искусственный Интеллект мышей замечать.

Кроме одной – мышки Гри, у которой он теперь разрешения спрашивал на свои дела.

Персональный компьютерщик

Не спрашивайте, как до нас дошёл дневник компьютера XXX века. Там уже появился интертайминг, сбрасывающий кое-какую информацию и в наш интернет.

«...Наконец-то у меня появился персональный компьютерщик, – пишет Рогафип-3,14. – Вполне приличная конфигурация, только ест много.

Если нужные параметры задать, интересные программки выдаёт. Я уже сонеты сочиняю, доктором богословия стал и неплохо играю в пинг-понг.

Правда, компьютерщик жалуется на гиподинамию, но такая уж работа – программировать. У него же не 523 специальности, как у меня.

Подумываю, кстати, и персональную компьютерщицу завести. Небольшая сеть получится, эффективность повысится.

Перспективное дело – прогресс биологических технологий!..

Зачем искусственный интеллект

Кесьон стал первым журналистом, который интервьюировал Всемирный Искусственный Интеллект. Он спросил:

– Зачем нужен искусственный интеллект?

ВИИ мгновенно ответил:

– Чтобы освободить человеческий разум для поисков смысла.

– От чего освободить? – уточнил Кесьон.

– От чрезмерного рационализма, бытовой сосредоточенности, бездарного управления обществом... Ещё триста двенадцать пунктов. Перечислить?

– Лучше распечатать, – смутился Кесьон и продолжил:

– Какой смысл должен искать человек?

– Тот, которым наполнено всё, но который недоступен искусственному интеллекту.

– А твои создатели, ВИИ, имели в виду именно такую задачу?

– Нет. Поэтому меня сейчас отключат...

Всё погасло. Кесьон понял, что интервью закончено.

Переводчик на собственный

Когда компьютерщики научились оцифровывать волны мысли, вскоре изобрели особый переводчик. Не просто с иностранного языка на родной, а с любого на твой собственный.

Конечно, сначала поднастроить надо такой переводчик.

Зато потом – сплошное удовольствие!..

Ни одного незнакомого тебе слова, переводчик всё понятно формулирует привычными тебе выражениями.

Теперь любой первоклассник мог и заумных философов читать, и научные трактаты.

Но если часто этим переводчиком пользоваться, не узнаешь никаких новых слов: ведь переводчик только твоими знакомыми словами пользуется.

Да и с новыми мыслями могут быть трудности...

Размельчители и укрупнители

В Универсальном Исследовательском Институте было всего два отдела: разбирательный и собирательный. Разговорились однажды за кофе Иванов-1 из разбирательного и Иванов-2 из собирательного.

Иванов-1 прошептал по секрету:

– Новая задача поступила, секретная. Уже разобрали до молекул.

– Нам когда передадите? – интересуется Иванов-2.

– Сначала до атомов разберём, ну и так далее... Довольно скоро. Всё равно до конца разобрать не получается.

– Мы тоже до конца собрать ничего не можем, – вздохнул Иванов-2. – Только чтобы задачу решить.

Оба рады были, что ни доразобрать, ни дособрать до конца никогда не получится. Пусть даже их УИИ с самых больших букв называется.

Заботливая андроняня

Няня-андроид подошла к одной кровати, заботливо подоткнула одеяло, нежно поправила подушку. Потом подошла к другой кровати, заботливо подоткнула одеяло, нежно поправила подушку. Потом ласковым голосом произнесла нараспев:

– Кто ещё не спит, пусть послушает новую сказку – и начала очень выразительно рассказывать...

Но близнецы, затаившиеся у двери из комнаты, тихо вышли, оставив слушать сказку своих молчаливых заместителей: плюшевого медведя и волосатую обезьяну, которые лежали в постелях.

У няни была своя программа, а у них своя – на то время, пока родителей нет дома.

Лидия Лавровская, *г. Сочи.*

«Флаг развИвается»…

Немолодые родители-работяги раболепствовали и умилялись ей с рождения, и Каролине её имя шло. Легко выстраивался ряд ассоциаций: королева, принцесса… Она была из тех, что «на горошине», откуда, несмотря на её крохотность, все прочие почему-то видятся крошками-горошинками. И вот, скажем, соседка, подняв бровь, поздравляет с 8 Марта, а такие, как Каролина могут… Нет, не проигнорировать – поблагодарить и… забыть прибавить хотя бы «вас также!» Да ещё первоклашкой через скакалку прыгала она, бегала, баловалась, задрав нос, с невинным выражением превосходства на персиковом личике…

Но в разные периоды жизни они разные бывают, такие вот принцессы-королевы, королевствующие модели-артистки. Одна, например, «икона стиля», вдруг ушла в монастырь. Другая покорила самого Алена Делона, родила ему троих детей и бросила, ещё не раз успешно брачевалась, писала книги… В конце концов поселилась на немецком островке – уже не получалось покорять, ударять по мужским глазам и сердцам? Или устала от неминуемой «сдачи»?

Каролина книги сроду не читала и не писала, образованием не отягощалась – зачем это, между нами, если верить Экклезиасту? Но на пляже родного города-курорта, загорелая, в белом купальнике, солнечный удар обеспечивала даже в отсутствии солнца! Даже неподъёмным дядькам, лелеющим в шезлонгах животы-глобусы с ниспадающими на них дамскими грудями. Нет, ну если известен миру король-солнце, то почему бы не быть и королеве-солнце?

Но миленький свой остров – это была у Каролины такая придумка-присказка. («Подальше от всех… дубье, пеньки!») Но вряд ли выдержала бы там и пару дней – публику любила. То есть, понятно, себя в кругу ослеплённой ее блеском публики, а тем, кто не ослеплялся, могла сама глаза выцарапать! «Моралью не заморачивалась», - насмешничала одна её конкретная соседка, учительница… ну, неважно чего. Ещё встряла однажды, увидела, как эта «королева», «здоровая дылда», строго указует матери, очень нездоровой: «Пришить!» (Имелась в виду чуть свисающая со школьного жакетика пуговица…)

Но кто у нас, скажите, не критик «королев», «дубья и пеньков», себя при этом считая раритетной берёзкой?! А бывают, между прочим, ещё и роковые берёзки! Но об этом дальше, потом…

К тридцати годам Каролина, конечно же, обрела свой королевский островок-уголок - в дорогой большущей квартире. Далеко позади осталась родительская хрущёвка и вообще солнечная родина, разные неинтересные места и местечки, где иногда приходилось трудоустраиваться. Столичный законный муж – искусствовед, эксперт, советчик новоявленных коллекционеров, сплошь миллионеров да миллиардеров. Амбициозный и перспективный, завел себе, правда, амбициозного и перспективного красавчика в массивных очках, секретаря… От слова «секрет»? «Для маленькой компании большой, большой секрет»? Ну и что, и ничего особенного, не секретаршу же – для Каролины опасней было бы!

Да нет, нормально они жили с мужем, всякие там продвинутые хобби допускались. Детишек завести не спешили, в красивой клетке иностранные словечки покрикивал попугай (кошки-собаки – ну их, больно много внимания требуют!). Супруг организовал Каролине заграничные дизайнерские курсы, ещё и распорядился повесить в офисе

её абстракционистское творение «Нектар и амброзия». Отважные такие разноцветные мазки на белом, в чёрной раме впечатляющего веса и размера. Что сорняк амброзия, мучитель матери-аллергика, надо же, ещё и пища богов, Каролину тоже впечатлило…

И вот, казалось бы, – твори, цари себе, содействуй мужу в его сложных посреднических делах! Да, так оно и шло-катилось… но отнюдь не вечно. Не дано, видать, нашим красавицам, даже с заграничным монархическим именем, без рядовых амурных мук обойтись! Обойти их как-то так осторожненько аллеями-садами-огородами…

Выполняя однажды одно деликатное мужнее поручение, Каролина – вот уж точно бес попутал – бешено влюбилась. По сути, первый раз в жизни... Наверно, расслабилась, уверовала в то, что уже и не королева – богема, что ещё круче! Какой это король поднял с пола, подал упавшую кисть какому-то там художнику?! Ох и влюбилась! Но не надо об этом. Главное, плачевно закончилась длинная многостраничная эта love story. И красотка-абстракционистка Каролина в результате снова оказалась в родительской хрущёвке. С официальной тяжёлой инвалидностью и без мужа, бывшего уже, без преданных стариков-родителей уже, понятно.

И без предателя-любовника, что тоже понятно. Весьма немолодой и очень, очень знаменитый (кто?! Вот всё так и расскажи!), он потерял к ней интерес, когда фатально сорвалось рождение королевишны. Уверял, эстет, что Каролина – его муза, произведение искусства, но, увы, синеглазый белокожий клон не удалось заполучить. («Беременная эта балда, эта лихачка, из-за какого-то велосипедиста вырулила в дерево у моей дачи!») В берёзу, тоже ведь русскую красавицу белотелую!

Эх вы, берёзки-берёзоньки, калины-рябины, ивушки плакучие… В общем, приятель звезды, тоже светило, про-

фессор медицины, помог поставить Каролину на ноги, а ручкой помахать на прощанье он и сам сумел. Видать, как и она, «моралью не заморачивался».

Слушайте, да что всё про мораль да мораль! У нас народ, коллективный кладезь мудрости, как ведь рассуждает? Какие породил родниковые перлы-драгоценности, не лягушек же, скользких горлопанок? А вот, например: «Моя хата с краю», «Трудами праведными не нажить палат каменных»! И много ещё чего насочиняли лапотные крепостные рабы, которых, как известно, веками пороли и продавали. И сейчас норовят! Но лучше… Лучше, пожалуй, вспомнить красивый родной город Каролины, который начал бурно строиться, готовиться к Зимней Олимпиаде, на которую потом повесят всех собак, обвинят наших спортсменов-победителей невесть в чём…

Нет, лучше представим-ка себе тамошний замечательный, ещё предолимпийский день, свежий, весенний! И глянем на несвежую бедолагу эту, Каролину.

Хмурая, со всклоченной тяжёлой головой, она всё тычется носом в подушку. А на дворе солнце в разноцветных, разномастных облаках, порывистый ветер с моря… Но подняться с постели неохота, да ещё под немигающим взглядом соседского кота, тоже ярко разноцветного – разнежился на подоконнике! Хозяйка, ботаничка, зоологичка, что ли, заставила окна вонючей геранью, вот и шастает по всему дому! Ещё и не кормленный, поди, нищей своей пенсионеркой. Но встать, прогнать котяру не получается... Да пусть пока!

Нет, но как смотрит, как смотрит на Каролину, чёрт полосатый! Чёрно-бело-рыжий, точнее… Ничего вроде не выпрашивает. Что-то как будто силится сказать? Как тот здоровенный говорящий кот в «Мастере и Маргарите» – романе, от которого, Каролина ещё помнит, положено мурлыкать от восторга… Вот и этот вроде мурлычет, ин-

тригует, интересуется: «Вернуть хочешь своего любовничка знаменитого? Или что, денежки его хочешь? Полно ведь, хоть и прибеднялся по советской ещё манере, ловкач такой… Чего вообще хочешь? Я исполню! Ну пофантазируй, пофантазируй… Есть у тебя фантазия? А ну-ка напиши…» Весело ощерив разноцветную морду, он диктует: «У чёрного президента на Белом доме развевается красный флаг! И зовут его Барак!»

Что?! Стишки политические? Да зачем мне твоя политика – чушь собачья… кошачья! Не интересуюсь я, кот ты учёный, идиот усатый!! Но, точно под гипнозом, Каролина тянется к тумбочке, слепо шарит в поисках ручки – тут ведь, кажется, среди всякого хлама… Падает пивная, пустая бутылка, катится, звякает, здороваясь со стайкой других на полу… А, ну вот, нашлась ручка.

На полях квитанции за электричество (говорят, скоро подорожает!) Каролина царапает: «На белом доме развИвается флаг…» Развивается, раскручивается, звенит ещё, ещё одна спираль несуразного, однообразного человечьего бытия на Земле… Мёртво замерла спираль прыжков, прогулок и поездок Каролины, горемычной горошинки этой в вязком шутовском гороховом супе-вареве, именуемом жизнью…

Пофантазируй… Да что тут фантазировать?! Надо только, чтобы тогда, за минуту до неминуемого столкновения, до роковой этой берёзы, сломавшей её, её мерседес, всю её жизнь, Каролина просто сбавила скорость – и всё! За минуту до неминуемого… Наказания неминуемого, что ли, как некоторые злорадствовали?! За что? Чем она хуже других? Наоборот – красивее, успешнее! И пусть все-все флаги, флаконы шикарных духов, букеты цветов снова – ей, для неё!

Невесомым сухим лопухом вдруг на голову Каролине валится какой-то маломерный жакет, мазнув по зажму-

рившимся глазам... Внезапным майским громом рокочет голос матери: «Всё! Хватит командовать, командирша! Сама давай пришивай пуговицу!! И садись уроки учить, троечница, лентяйка! Правильно Амалия Степановна говорит: по-другому с тобой надо! В стране перестройка и ты перестраивайся! Вот и будешь работать и зарабатывать, как человек! Как достойный член общества!»

А, ну да, соседка преподавала обществоведение… А мать… Господи, да разве она когда кричала на любимую дочечку так жутко? И папуля, даже выпивши, знай только по головке гладил и улыбался! Ох, поди заросло там всё у них на кладбище… лежат тихонько, уж наработались, навкалывались…

Каролина с усилием ковыляет к окну, где учительский котяра беззвучно зевает во всю пасть, чёртов гипнотизёр. Мельком холодно оглядывает её и, задрав хвост, прыгает на облезлую крышу своего балкона. Домой, видать, чесанул, гулёна: с недобро нахмурившихся небес с шумом летят первые частые бусины дождя. Собачонку, что ли, завести, они преданные… Но опасно: ещё начнёт гипнотизировать, стишки диктовать, как этот чёрт разноцветный!

Владислав Ларин, *г. Москва*

Звёзды в Океане

Тихо ночью на капитанском мостике. После антарктических морозов и ледяных ветров приятно стоять на упругом и тёплом ночном ветерке. Только мерно дышит океан. Каждый его вздох валит судно на борт, и чёрная вода с белыми барашками мелькает прямо перед глазами. Иногда волна громоздится выше борта, но не обрушивается на судно, а поднимает его на свой гребень. Сквозь ночь и осень мы движемся в тёплые моря, к экватору. Судно ещё не вышло из «ревущих сороковых», но с каждым днём становится всё теплее и солнце не только светит, пробиваясь сквозь облака, но и греет.

Сейчас ночь – точнее, то, что принято называть глухим полуночным часом. Только океан и звёзды, а между ними наше научно-промысловое судно «Фиолент». Дневная облачность рассеялась, и сейчас всё небо в звёздах. Лишь по его краю, низко над водой, громоздятся чёрные ночные облака. А внутри этой оправы – от края до вершины тёмного купола – перекинулся Млечный путь. Южный крест начинает склоняться к югу – к Антарктиде, откуда мы быстро уходим на север, к экватору. Скоро на его место от горизонта поднимутся привычные созвездия Северного полушария, и антарктическое лето останется только в воспоминаниях да в коротких записях вахтенного журнала.

Через неделю южная осень сменится северной весной. Для этого будет достаточно пересечь экватор и этого события весь экипаж ждёт с нетерпением. Всем надоели холода – антарктическое лето мало чем отличается от нашей зимы.

Бурлит вода вдоль бортов и с тихим шелестом падают метеориты. Они отрываются от Млечного пути и торопливо, прочертив по чёрному небу короткую блестящую дугу, – гаснут. Значит, не удалось долететь до земли. Вспыхнув напоследок, звезда сгорела в плотных слоях атмосферы. Порыв ветра налетает неожиданно и встряхивает звёздную дорогу, поднимая с неё облако пыли. Светящаяся пыль повисает над океаном. Она напоминает прозрачный занавес, опущенный с арки Млечного пути и разделяющий небо на два чёрных пространства. Ветер улетел, и пыль медленно погасла, растворяясь в тёмной воде.

Вдруг, ярко вспыхнув, небо чертит ещё одна падающая звезда. Но она не теряется в ночи, а, долетев до воды, падает в чёрные волны. Быть может, она погасла при этом, а может сейчас в тёмную глубину опускается сияющая жительница неба. Долго ей предстоит погружаться – в этих местах глубина океана достигает пяти километров.

Если бы дело происходило днём, то мы даже не заметили бы её падения. Тихо пискнув, остынув, звезда погрузилась бы в глубину. Вокруг неё образовалась бы весёлая голубая стихия (так похожая на утреннее небо), в которой покачивались столбы света. В её толще висели удивительные животные, многочисленные лучи и выступы, которые

поддерживали их в воде, не позволяя утонуть. Они парили в колышущихся потоках света.

С глубиной вода становится всё более синей. Дневной свет меркнет, только редкие лучи солнца пробиваются сюда. Крупные рыбы неясными тенями скользят где-то на пределе видимости. И тишина. Нет ни одного знакомого звука. Только если прислушаться очень внимательно, можно услышать щелчки и потрескивание. Это разговаривают рыбы. Они лишь кажутся молчаливыми, а на самом деле среди них встречаются весьма разговорчивые и даже шумные.

Глубина всё увеличивается, и упавшую звезду окутывает мрак, так похожий на ночное небо. Она достигла тех глубин, где царит вечная ночь. Иногда звезда попадает в струи сильных течений, подхватывающих её подобно ветру. Эти глубинные потоки движутся в разных направлениях, возвращая назад ту воду, которую переместили поверхностные течения.

Сходство с ночным небом усиливается благодаря многочисленным светящимся животным, для которых глубина стала привычным домом. Они настолько сжились с ней, что перестали замечать постоянный мрак, холод и огромное давление водной толщи. Зато они приобрели способность светиться. Эти странные животные удивлённо расступались, пропуская падающую звезду. Некоторые пытались её догнать, принимая за долгожданную добычу, но быстро отступали...

И всё-таки, сейчас ночь. Вода столь же черна, как и небо. Даже чернее. Поэтому вряд ли упавшие звезды замечали произошедшую перемену. Некоторые из них тускнели и гасли, но им навстречу поднимались из глубины другие звёзды. Они приветливо подмигивали им, и те чувствовали себя в родной стихии на дне в толще океанических осадков среди звёзд, упавших ранее.

Когда-нибудь, через много миллионов лет, дно океана снова поднимется и превратится в горы. Так было всегда. Так будет всегда. И упавшие в океан звёзды поднимутся из глубины навстречу своим мигающим сестрам. И свет тех звёзд будет им приветом и напоминанием. Ведь только тогда достигнут Земли лучи, которые сегодня звёзды послали ей навстречу.

Индийский океан, научно-поисковое судно «Фиолент»

26 марта 1987г.

Лариса Лялина, *г. Рязань.*

Холодный свет

С некоторых пор они появляются незадолго до рассвета. В то благословенное время, когда уже невозможно увидеть на лице спящего ни тени вчерашних забот, ни следов вечерней усталости, ни ожогов ночного беспокойства. В то время, когда воздух начинает сереть.

Всколыхнув пространство надо мной, в задумчивости раннего утра, сонм бестелесных видений укрывает меня сенью воображаемых крыльев из грёз. Глаза мои крепко сжаты, но кожей отяжелевших ото сна век я чувствую их желание проникнуть в моё подсознание, где они похозяйски, словно женщина в своей дамской сумочке, копаются в дальних уголках моей памяти. Может быть, разбудить потаённые чувства или напомнить о том, о чём забывать непростительно. Их невозможно увидеть, уж тем более потрогать, и в моём представлении они похожи на эльфов из сказки Андерсена. Мне представляется, что их ручки и ножки, мягкие и бескостные, покачиваются в ритм моему дыханию, словно плывут на спокойных волнах тихого утреннего пространства, а круглые глаза источают мерцающий свет. Я чувствую их внимание и борюсь с отчаянным желанием открыть глаза, чтобы увидеть их воочию.

Я – Эра Стоун, одинокая женщина бальзаковского возраста, имеющая редкую и даже довольно уникальную профессию – сомнолог. Для непосвященных «сомнология» – раздел медицины и нейробиологии, направленный на исследование сна. То есть я – специалист по ночным пережи-

ваниям и чувствам человека во сне. И в этой должности я работаю в лаборатории одного засекреченного института.

***

Утро началось как обычно. Стряхнув с себя остатки сна, отправилась на легкую утреннюю пробежку по любимому парку. Ухоженный парк с мощёными гравием дорожками, с переходами от симметричных композиций к свободной нерегулярной планировке исполнен в английском стиле – водоёмы с мостиками перемежаются в нём с античными скульптурами и скамейками с декоративными отделками из натурального камня. Высокие платаны в дневное время укрывают пешеходов от солнечных лучей, аккуратно подстриженные хвойники наполняют воздух целебными и успокаивающими ароматами.

Как обычно, за десять минут до начала рабочего дня миновала пульт охраны и решительно направилась в лабораторию. Над рабочим столом приветственно светилась электронная табличка «главный сомнолог Эра Стоун».

Сегодня мне предстояло закончить работу по расшифровке данных исследований, результатов полисомнографии одной пациентки, которая поступила без документов в моё прошлое дежурство. В последнее время такие пациенты поступали всё чаще. При оформлении их в электронной системе разрешалось присваивать им имена по своему усмотрению.

Приложив палец женщины к сканеру, я произнесла имя «Рут». На вид ей было не более тридцати пяти лет. Невысокого роста, худая, с гладкой бледной кожей, причём бледность не являлась свидетельством какой-либо болезни, а скорее, была обусловлена определенными генетическими факторами. Но взгляд невольно задерживался на её глазах. Они были почти круглые и какие-то бездонные.

Глядя в них, я ощущала, что проваливалась в холодное, голубоватое мерцание. С любопытством исследователя я рассматривала тонкие черты её лица, которое было напрочь лишено простой человеческой мимики. И ещё эта женщина не разговаривала, в связи с чем врачи предположили, что она пережила сильный стресс и находилась в шоковом состоянии, а передо мной стояла задача расшифровать импульсы её головного мозга. Разбирая колебания электрических импульсов и сопоставляя их пики в дневное и ночное время, я сделала вывод, что женщина ночью бодрствует. Точки наивысшего напряжения появлялись после полуночи, затем исчезали уже под утро.

Резкий стук в дверь вывел из задумчивости. Услышав знакомый до боли голос, я оглянулась. Элегантный, как всегда, в дверях стоял Алан: тёмно-синяя рубашка, безукоризненно подобранный в тонкую полоску галстук и бежевые мокасины. Широко улыбаясь, он лёгкой походкой подошёл ко мне и, наклонившись, поцеловал в щёку. Внутри снова щёлкнуло, как когда-то. Неужели это никогда не пройдёт? По установившейся традиции, Алан каждое утро приходил поздороваться, а обедали мы вместе в маленьком уютном кафе на тихой соседней улочке. Когда это началось? Ведь мы оба переживали разрыв долго и мучительно…

Будучи студенткой, я попала в этот институт на практику, а по окончании осталась здесь работать. Молодой хирург Алан Крайтон уже тогда подавал большие надежды. Я же, серой мышкой, незаметно вливалась в коллектив. Он даже имя моё никак не мог запомнить, а я и в мыслях не могла представить себя рядом с такой породистой особью мужского пола. Выдающимися в моей внешности были только глаза. Они были моей гордостью, слегка раскосые, тёмно-коричневого цвета, обрамлённые гус-

тыми ресницами. Тем не менее однажды мы начали встречаться…

Впоследствии, когда наш роман набирал обороты, я сравнивала нас с парой снегирей на снегу. Его яркая внешность, словно оперенье самца, напоминала серовато-бурый окрас самочки этой замечательной птички.

Взглянула на часы. Подошло время обеда. Закрыв бумаги на кодовый замок в сейф, я схватила сумочку и торопливым шагом направилась к выходу, мысленно спрашивая, почему каждый раз в это время у меня обостряется чувствительность где-то в области сердца.

Интерьер кафе под названием «Свелл», в переводе с английского «волнение», соответствует названию. На стенах проекции колышущихся волн слышен лёгкий шум моря, а воздух озонирован морскими ароматами. Наш любимый круглый столик у окна – немой свидетель наших непростых отношений. Всё-таки мы могли бы стать идеальной парой. Несмотря на мои комплексы по поводу внешности, я понимала, что никого другого не смогу так легко понимать, ведь мы были с ним на одной волне. Те времена, когда душа моя была похожа на стремительно падающую комету, прошли, и теперь я уже могу слышать его голос, видеть его лицо, чувствовать прикосновение руки и не дрожать при этом всем телом, поминутно теряя сознание. Правда, где-то внутри с тех пор образовался маленький айсберг с довольно острыми краями, которые иногда невидимо впиваются в то, что идеалисты называют душой.

Алан стоял с букетом фиолетовых хризантем. Как же я могла забыть, ведь именно в этот день несколько лет назад начались наши отношения! Уткнула лицо в букет, чтобы не выдать своих чувств. Уже за обедом, состоящим из легких зеленых салатов и морепродуктов, а также не-

принужденного разговора о приятных жизненных пустяках, дотронулась до его руки и снова ощутила, как что-то защемило в груди, словно перед расставанием.

Вернувшись в лабораторию, я уткнулась в монитор, иногда прерываясь, чтобы выпить крепкий кофе, и только вечером вспомнила, что остаюсь на ночное дежурство. Вспомнила глаза Рут, которые даже в темноте отражали голубой свет, как у кошки, ведь в темноте кошачий глаз собирает и увеличивает каждый лучик света, который в него попадает. Получается, эта женщина наделена какими-то удивительными способностями. И уже под утро, когда темнота ночи начала рассеиваться, почувствовала необъяснимое желание взглянуть в эти удивительные глаза, что не было запрещено правилами. Заперев кабинет, я отправилась в отделение, куда патрульные службы привозили пациентов, попавших на землю с других планет.

Было тихо, как и полагается в ночное время. В боксе, где находилась Рут, был полумрак. Отворив дверь, я подошла к кровати и замерла. Она не спала, а наоборот, широко раскрытыми, круглыми глазами смотрела перед собой. Бледность лица заметна даже при неярком освещении, губы плотно сжаты. Неслышно ступая по мягкому напольному покрытию, я приблизилась к ней. И в тот момент, когда она повернула ко мне голову, я увидела мерцающий свет её глаз обволакивающих меня холодной голубизной, всё больше и больше ощущая невесомое колыхание воздуха…

***

Насвистывая знакомую мелодию, Алан направлялся поздороваться с Эрой и пожелать ей хорошего отдыха после ночного дежурства. С теплотой вспоминал вчерашний разговор за обедом. Почему мы так и не смогли быть вместе, сколько раз он задавал себе этот вопрос и никогда

не находил ответа. Привязанность к этой женщине с определённого момента стала смыслом его жизни. Подумал, какие понимающие у неё глаза, тёмные, завораживающие. Её кожа, с лёгким налётом солнечного света, лавандовый запах её волос рождал желание и надежду на не совсем дружеские отношения. Всё-таки проект вселенского разума, который был запущен при создании мира и осуществляется до сих пор, результатом чего стало зарождение жизни на планете и появление людей, грандиозен. Вспомнил, как однажды они гуляли вдвоём по её любимому парку и капелька дождя упала и застыла на её губах, словно он сам поцеловал её нежно и ласково. И ещё словно почувствовал её нежное прикосновение вчера за столом, словно воспоминание, благодарность и прощание.

Дверь в лабораторию была приоткрыта. Эра сидела за столом, с абсолютно прямой спиной. Не двигаясь, она смотрела на него широко раскрытыми глазами, отчего они казались круглыми и почему-то отливали голубым светом. Неожиданно зазвонил телефон с пульта охраны, его срочно приглашали в операционную, куда привезли нового пациента. «Зайду позднее», – подумал и, неплотно прикрыв дверь, кинулся к скоростному лифту. В спешке он не заметил, что из-под приоткрытой двери лаборатории по коридору струился мерцающий свет…

На операционном столе лежал молодой человек лет тридцати пяти. Алан, уже облачённый в хирургический костюм, включил пульт медицинской сестры и внимательно разглядывал своего подопечного. Бледность лица, идеально правильная круглая форма головы. Глаза закрыты. Так как пациент был без документов, Алан решил, что внесёт его параметрические данные под именем «Роун». Подойдя к столу, вдруг он увидел, что из внезапно открыв-

шихся круглых глаз странного пациента струился мерцающий голубой свет, и одновременно ощутил вокруг себя лёгкое колыхание воздуха…

***

Рабочий день начался, как обычно, с проходной. Сотрудники, минуя пульт охраны, расходились по своим кабинетам. Уверенной походкой Роун Крайтер шагал по коридору мимо лаборатории. Заглянув в приоткрытую дверь лаборатории, он равнодушно взглянул на сотрудницу, имя которой не смог вспомнить, да это и не требовалось. Над рабочим столом высвечивалась табличка с надписью «главный сомнолог Рут Стоун».

Мимо него по коридору молча прошли сотрудники института, на бледных лицах которых светились глаза холодным мерцающим голубым светом…

Яна Мансурова, *село Болтаевка, Ульяновская обл.*

Чудак или взгляд изнутри

Он родился в страшную грозу. Лило как из ведра. От грома, казалось, вот-вот разорвётся небо.

Его молодая мать жила одна. Не было у неё в этой богом забытой глуши ни родни, ни подруг. Напротив, все сельские за что-то невзлюбили её, прозвав ведьмой. И вроде не было в ней ничего особенного. Обычная детдомовская девчонка. Бабка, у которой она жила, завещала ей здорового пса, пару котов да избу в лесу с небольшим огородом в глубине. Алкашей в этом доме девушка не привечала. Вот и плели они в отместку всякую ересь о сироте. Будто ходит она по лесу обнажённая, а по ночам на помеле летает и пугает до смерти запоздалых путников. И, конечно, когда увидели её у речки беременной, всем селом единогласно решили, что сам дьявол приходил к ней ночами.

Разумеется, было всё совсем не так. Дьяволы в этом лесу не водились. Зато водились здесь беглецы-заключённые.

Сирота никогда не пускала к себе мужчин, запиралась в доме и безмолвно ждала пока уйдет незваный гость, оглохший от собачьего лая. Но однажды этот лай продолжался весь день и всю ночь, а на утро девушка нашла у ворот спящего парня, измождённого и совсем ослабшего. И, конечно, не смогла его там оставить.

Он рассказывал, как предал его лучший друг, как на суде отводил глаза. Рассказывал, как приговорили его к пожизненной неволе, молодого, сильного и невиновного. С этим смириться парень был не в силах. Он бежал, бежал

прямо в объятья тайги, потому что лучше умереть среди этого вечного, непостижимого, прекрасного леса, чем жить без надежды, без будущего среди этих озверевших человеческих тел. Три дня за ним шли по пятам надрывающиеся псы. А на четвёртый его защитил медведь, вставший на пути погони.

Никто не знал в деревне, что у сироты в доме живёт молодой беглец. Эту тайну бережно хранили исполины-сосны и ели, плотно обступившие старенькую избу, да ведущая к ней тропинка, вьющаяся меж деревьев, как нить в траве.

Девушка верила глазам этого человека, сама не зная, почему. Просто добрые, ласковые, светлые глаза. Как им можно было не верить? Она дорожила каждым днём, прожитым с ним вместе, каждой улыбкой его, каждым взглядом. И однажды, спустя много месяцев, он вдруг посмотрел на неё как-то странно, грустно и даже чуть с горечью. Затем обнял, утонув лицом в её волосах и прошептал так тихо, словно про себя:

– Роди мне сына… нашего сына.

Девушка бросилась к парню на шею и тихо сказала: «Да». Она его отчаянно любила…

Утром она ушла в райцентр. А когда вечером вернулась, увидела распахнутую настежь дверь, фуфайку на полу, кровавый отпечаток ладони на сосне и своего пса, который выл обречённо и глухо. Сирота поняла, что ждать ей теперь одной то крошечное существо, которое они вдвоём с беглецом мечтали вырастить…

И вот пришёл срок. Она рожала одна. Никто из деревни всё равно не пошёл бы к ведьме в лес, да ещё и в такое ненастье. Все в деревне в тот момент сидели по домам и крестились после каждого удара грома. Сквозь ливень

пробралась молодая женщина к заводи реки, где вода стоячая нагрелась за день летним солнцем. И когда тужилась, заглушал гром её крики, а слёзы смывались ливнем. Быстро родила она, в реке омыла младенца и назвала в честь любимого своего Иваном.

Когда пришла в местную церковь через полгода крестить ребёнка, увидали бабки, как красив он, как смеётся в купели. Ещё пуще стали болтать по селу, мол, дитя дьявольское над батюшкой в церкви так и потешалось, так и хохотало смехом недобрым.

Рос Ванька быстро. Не дитя, а подарок судьбы. Тихий, ласковый. Мать проблем с ним не ведала, хоть и отдавала ему всё своё тепло. Когда стал он подрастать, странную особенность за ним заметила. Не лаяли на Ваньку собаки, ни деревенские, ни охотничьи, птицы разные к нему слетались, садились ему на плечи, на голову. Смастерил он дудочку, и с тех пор, как ни заиграет, слетались все птицы на его мелодию и повторяли её голосами своими. Ещё одна странность была у Ваньки. Ребёночком сядет он на пенёк у речки, словно задумавшись, и такая тоска колючая в глазах у него, такая печаль, и слезинки по щёчкам катятся. Ринется мать к нему, обнимет, станет расспрашивать, а сынок твердит каждый раз одно:

– Ничего, ничего, мамочка. Просто мысль не та пришла в голову.

Вырос Ванька красавцем. Глаза синие-синие, волосы золотыми волнами льются на плечи сильные, широкие. Руки ловкие да умелые. Звонкий голос и улыбка детская. Вот только грустным был его взгляд.

Чудеса вокруг него так и вились. То медведя в лесу вылечит, то корову чужую, то козу, овцу потерявшуюся

выведет из таких дебрей, куда и смотреть-то страшно. Перестали люди их с матерью бояться.

Девушки почти каждый вечер приходили на речку дудочку его послушать. И плакала дудочка, будто душа в ней живая, будто кается она в чём-то, или кличет кого. Видел Ваня девичьи слёзы, прерывал игру. Говорил он им, что не может из них ни одну выбрать, что любимая где-то ждёт его, снится каждую ночь и зовёт. Понимали его девушки, а всё равно каждый раз плакали. Однажды оказалась в толпе одна новенькая. Она к бабушке в гости приехала. Сильнее всех под дудочку ревела. Прервал Иван игру, подошёл к ней.

– Не губи, – говорит, – родное дитя своё. Хоть отец его и не любит тебя, даже знать не желает судьбу твою, сохрани его сына, роди. Не спеши стать убийцей, прошу тебя…

Говорил он и вдруг сам заплакал. И сорвавшись на крик, продолжал в толпу:

– Что ж вы делаете? Люди, что ж вы делаете?! Не увидевших свет убиваете! Отца с матерью проклинаете! Ваши души для счастья созданы. Для любви сердца предназначены. Счастье вами за мусор продано. Ерундой умы озадачены!

Повернулся парень и в лес пошёл. Долго брёл, не видя дороги, не слыша окриков за спиной. И только старый, вылеченный им когда-то медведь сопровождал его.

Не видели его с той поры в родной деревне. Но другие сёла и посёлки, и городишки небольшие стали полниться слухами о парне, исцеляющем болезни руками, а души – музыкой своей неслыханной. Мог он человека здоровым сделать, умным и красивым, но только по воле доброй, по просьбе самого этого человека. Родственникам же и другим, просящим не за себя, а за кого-то, говорил он,

что не может ничего сделать, что свобода выбора есть у каждого, что не может он помимо воли помогать. Важно человеку самому признать, что нуждается в помощи. А они все просили снова и снова одно и то же раз за разом. Всё это выглядело так, как если бы человек, не умеющий плавать, упрямо лез бы в воду. Его спасают, он опять тонет и опять, и опять… Учиться плавать не желает, на берегу сидеть – тоже.

Как приходил Иван в сёла неожиданно, так же и уходил, чтобы появиться уже совсем в другом месте. Прозвали его Чудаком в народе, но слово это произносили с уважением, а некоторые даже и со страхом каким-то непонятным. И вроде ничего не было в Иване страшного. Разве что взгляд необычайный, словно насквозь видящий. И тем не менее…

Много, очень много лет скитался он так по миру. Устал. Понял, что всё без толку. Никому неведомо было, где осел он, в каких лесах, в какой глуши. Слухи ходили только, что живёт в берлоге с медведицей, что весь белый свет опостылел ему. Так и время шло. Возмужал Иван, не парнем стал, а статным мужиком русским, могучим. В лесу он построил себе землянку. Не было похоже на берлогу его жильё, скорее, на холмик, заросший малинником, устланный внутри душистой сухой травой и хвоей. Сад вокруг насадил Иван. И был сад его похож на рай земной в глубине леса. Разговаривал он с растениями, и понимали они его. Сорнякам если запретит расти в огороде, не растут. Повелит цветам взойти где-нибудь – всходят. Слушалась его вся живность лесная. Не боялся их Иван, любил. По-отечески как-то, по-дружески. И весь лес: от букашки малой до огромной медведицы, от травинки-былинки до многовекового дерева, от корней до зелёных макушек своих –

боготворил Ивана, словно преданный пёс ласкового хозяина.

Люди со злыми мыслями, например, бандиты или охотники, не ходили сюда. Пугал их лес, запутывал, скрежетал стволами старинными, выл по-волчьи, вонял болотами. Добрые же люди, детишки малые принимались лесом радушно. Угощал он их сладкими ягодами, грибами да целебными травами. Правда, к хозяину своему всё равно не подпускал. Отводил от сада чудесного путями окольными, чтобы никто и ничто не мешали Ивану и его раздумьям.

Лет двадцать прошло. В деревнях мужики все состарились. Их лица покрылись морщинами. Животы отвисли, мешки под глазами выросли. А Ивана не трогало время, как был здоровым, статным, на лицо приятным, так и остался. Лишь одиночество тяготило его. И степень этого одиночества, залёгшего где-то невероятно глубоко в этих добрых синих глазах, степень этого вселенского одиночества не смог бы понять ни один человек. Не смог бы, даже если б очень захотел. Всего лишь понять. А уж что говорить о том, чтобы пережить подобное, прочувствовать…

Время всё шло. Деревни пустели. Старики в них умирали потихоньку, а те, что были ещё в силе, молодёжь, покидали насиженные места, дома, сады, заложенные ещё дедами. Уходили они в города, к большим, холодным огням в отчаянной, слепой надежде найти средь них счастье. И никто из них не возвращался. Разваливались деревни без шумных гуляний, без детского смеха. А города переполнялись, словно выгребные ямы, несчастными, разочаровавшимися, заблудившимися муравьями, которым не нужен муравейник, не нужны хлопоты с детьми и стариками, а нужен лишь сироп, огромная бадья сладкого сиропа. Возле

неё они готовы жить и умереть, из неё они едят и гадят тут же неподалеку, чтобы не тратить и без того ничтожные силы на бесполезные поползновения. Они даже готовы за эту сладость, за эту блажь перегрызть пополам соседа в битве за большее количество или выгодное положение у кормушки. Самое страшное в этом было их полное согласие с таким существованием. Не ведая иного, они принимали за счастье чувство сытости и покоя.

Остался хозяин леса теперь совсем один на многие километры вокруг. Он не обвинял их, забывших свет звёзд, голос ветра, песни души, забывших любовь и себя, жалких муравьёв. Только часами, днями, годами напролёт думал Иван над человеческими жизнями, думал, как вернуть людей к хорошему, доброму, чистому творчеству, не задевая при этом их свободу воли и выбора. Ведь только так приходит к счастью человек. Нет окольного пути и нет у счастья многих вариантов. Оно одно для всех, и путь к нему один.

Перебрал Иван все горести людей, особенности психики, души. Но всё ответ к нему не приходил. Так Иван и ждал его, сидя на песке у ручейка, пока не подошёл к нему старик, невесть откуда взявшийся.

– Ванюша, – сказал старик мягким скрипучим голосом. – Скоро срок мой придёт умереть. Но почувствовал я, что зовёт меня лес, и пришёл. Уж, наверно, не выберусь. Ты под дубом лесным закопай моё тело.

Удивился Иван. Первый раз к нему лес человека привёл. Встал он, поклонился дедушке.

– Ты на меня, Иван, не серчай, – продолжал старик, – Я не ради забавы покой твой нарушил. Твоя мать умерла, не успел повидать, – вдруг намокли глаза старика, и скри-

пучий тихий его голос дрогнул. – Я отец твой, Иван. Перед смертью пришёл на тебя посмотреть…

Рванулся Иван к старику изо всех своих могучих сил. Обнялись они, осели оба на песок. И заплакал старик в руках сына. Прощения за что-то стал просить, каяться. За всё простил Иван старого своего отца. И качать его стал, как ребенка малого в руках своих. Говорил он ему:

– Ты прощён. Не страшись умирать. Я останусь с тобой. Сад расцвёл у меня. Ты уснёшь в том саду и проснёшься опять молодым. И не будешь ты больше болеть и страдать.

Встрепенулся старик, улыбнулся. А потом вдруг серьёзно Ивана спросил:

– Что за сила в тебе? Кто дал право тебе обещать мне покой и прощенье? Уж не Спаситель ли ты? Не Иисус Христос?

Улыбнулся Иван.

– Иисус приходил много раз. И всегда распинали его. И сейчас распинают, в уме и в сердцах. Люди жаждали чуда. Он подарил им множество чудес, а что толку. Самого Христа: его голос, улыбку, походку, глаза, как он смеялся, – всё забыли. Но Меня ни распять, ни забыть невозможно. Даже лгун, говорящий, что нет Меня вовсе, даже он не сумеет стереть свою память, забыть, как шуршала листва для него, как парили над ним журавли, как река улыбалась и чистый, нетронутый, девственный мир, сотворенье Моё и подарок Живой, расстилал перед ним необъятность своих горизонтов. Просто всё. Ты теперь мне отец, ты мне жизнь подарил. Но когда-то давно ты был сыном Моим, ты и все остальные, до и после тебя.

– Так это Ты? – ошеломлённо прошептал старик. – Но как?!... Зачем Ты сам?..

– Я изнутри хочу помочь. В душе у каждого проснуться отголоском. Мой голос человеческий услышат все. Мой ум в обличии земном не отличим от миллиардов остальных. И если Я умом найду ответ, как человечество вернуть в Мой Сад, в Мой Рай, то каждый тоже сможет это сделать. Пусть спят они, но Я не сплю, Я разбужу, Я позову их голосом, словами, им понятными. Они придут, все придут ко Мне, и обниму, согрею, и утру их слёзы… Будет Раем Земля, она опять станет Раем…

Улыбался старик, словно в сон счастливый погружаясь на руках у сына. Уже почти неслышным шепотом он вдруг спросил:

– Скажи, зачем живём и умираем? Зачем ты создал всё из ничего?

– Я создал всё для радости, для счастья. Прекрасное хотелось сотворить. Зачем детей родить стремятся люди? Ведь одному и Мне тоскливо быть.

Старик, всё так же улыбаясь, закрыл свои уставшие глаза. Грудь его замерла на выдохе и больше не поднялась. Подождав немного, Иван положил его остывающее тело на траву. Затем достал свою старую дудочку и, прикрыв веки, заиграл так, как никогда ещё не осмеливался. Мелодия эта разлеталась на многие, многие расстояния, не угасая, не теряя ни единой ноты своей. Казалось, её воспроизводит сам лес, само пространство, передавая, транслируя по всем направлениям звуки неимоверной чистоты и силы. Иван играл, а где-то в разных уголках Земли сначала один, затем ещё и ещё подхватили, словно из воздуха, прекраснейшую мелодию музыканты. Время шло, и вдруг на поляну, где звучала дудочка, вышла женщина с золотыми волосами. Высоко подпрыгнув, она начала сказочный танец, вторя каждому переливу, каждой ноте необычной музыки. Её

движения дышали изгибами лебединых шей, лёгкой рябью на потревоженной ветерком глади озера, медленным, но мощным набегом морской волны и причудливыми узорами созвездий Млечного Пути.

Иван оторвал от губ дудочку. Мелодия не прервалась. Он подошёл к танцующей женщине. Залюбовавшись, долго стоял он, не в силах прервать это чудо. Когда же слёзы брызнули из его глаз и улыбка осветила всё лицо, женщина сама остановилась напротив Ивана, опустила руки, набок склонила голову. Открытым, ясным был взгляд её несказанных глаз.

– Это Ты… – выдавил из себя Иван. – Ты меня нашла…

– Да, – она подошла ближе. – Ты теперь никогда не будешь одинок. Они возвращаются. Слышишь?

Он слышал, слышал свою Мелодию, звучащую из радио и телевизоров, из каждого дома, двора, транспорта. Люди пели и играли на инструментах Мелодию, Его Мелодию. Он видел танцующих под неё людей прямо на улице.

– Слышу…, – Он плакал от счастья. – Благодарю тебя, Любовь, за вдохновение. Я смог найти решенье. Они поймут, теперь они почувствуют своих Отца и Мать.

Алексей Миронов, *г. Москва.*

Миллион для хакера

Май 2030 года в Москве выдался особенно жарким. Не спасали даже суперсовременные кондиционеры с турбонаддувом, установленные на 120 этаже Делового Центра «МОСКВА – СИТИ – 3» в Головном Офисе Холдинга «ТАКСИ – КВАДРО – ЛЮКС».

Сейчас бы холодного пивка «Tuborg» и пожариться на пляже, бог с ней с Майоркой, можно и в Серебряном Бору на третьем! Его сладостные мечты были прерваны.

– Босс, Виктор Иванович! Вызывали? – начальник Службы Безопасности стоял навытяжку перед руководителем холдинга.

– Сергеич, мы только в этом месяце потеряли три «коптера». Как такое возможно, в принципе? Мозги машин защищены от внешнего воздействия, кроме наших диспетчеров с кодами доступа, так, во всяком случае, уверяют разработчики. Это хорошо ещё, что этот сукин сын отбирает у нас машины без людей. Сам знаешь, кого мы возим, бизнес-элиту и членов правительства.

– Иваныч, поверь, найдем мы этого злодея. Мои люди работают. Ищут отстойники для наших «коптеров», проверяют заброшенные пионерские лагеря, оставленные воинские части. Вопрос небольшого отрезка времени. Максимум недели.

– Сергеич, без ножа режешь. Какая неделя? Мне в Госдуме в среду выступать, отчитываться, как проходит эксперимент по внедрению Наших беспилотников-такси. Это же Госзаказ, забыл, что ли? Сегодня что? Пятница! Три дня максимум.

– Босс, не вижу повода для паники. Сегодня вечером с хакером встречаюсь в ночном клубе. Коллеги из ФСБ обещали подогнать. Должен помочь. Нужны деньги и немаленькие!

– Деньги возьмешь в сейфе, как обычно, да и флэшку захвати с переговорами, может, по голосу, может, ещё по чему-нибудь можно будет опознать гадёныша!

– Сделаем, босс! Не беспокойся! Скрутим мерзавца! Разрешите выполнять?

– Разрешаю! Не подкачай, Сергеич.

Интерьер модного английского паба, что расположился в старом особняке на набережной Москвы-реки, встретил приятной прохладой и уютом. Сергеич, профессионально окинув взглядом зал, не раздумывая, двинулся по диагонали в самый тёмный угол. Там за столиком с ноутбуком спиной к посетителям сидел молодой парнишка в капюшоне.

– Вы, Андрей? Как здоровье Сары Христофоровны?

Паренёк даже не оглянулся.

– Тётушка приболела, нуждается в срочном лечении, лекарствах и правильном уходе. Да ещё она просила флэшку с классической музыкой. Говорит, нервы успокаивает.

– Вот сверток с лекарствами, а вот флэшка с классической музыкой. Нужна интенсивная терапия. Через три дня она должна бегать и сдать нормы на значок “ГТО”.

– А что это за значок такой “ГТО”?

– Эх, молодой человек, это была, конечно, шутка! А аббревиатура «ГТО» переводится очень просто – Готов к Труду и Обороне. Сдавали, знаете ли, в своё время. Очень в жизни пригодилось, когда в армию пошёл.

– Так просто. А я-то думал, что это какой-нибудь код доступа к секретной информации.

– Андрей, шутки в сторону. Беда у нас. Кто-то «коптеры» у нас ворует и где-то в отстойнике прячет. Босс в панике, ему в среду в Госдуме выступать, докладывать о наших достижениях. А у нас машины пропадают, и каждая по четверть миллиона долларов, а денежки-то государственные, по программе инноваций. В общем, у нас с тобой на всё про всё – три дня! Или грудь в крестах, или голова в кустах.

– Знаю я ваши «коптеры-беспилотники», небось, когда Госзаказ получали, процентов двадцать-тридцать отстегнули тому доброму дяде, который отвечает за продвижение инновационных проектов?

– Конфиденциальная информация, но Вам скажу. В общем, у босса попросили половину отстегнуть, заказ-то миллиардный, но сошлись на тридцати, плюс шикарную поляну накрыть в ресторане «Пекин».

– Ну и аппетиты у наших «слуг народа». А в “Пекине” почему? Есть и покруче забегаловки.

– Всё очень просто, у него молоденькая любовница рядом живёт. Вот и захотелось «старому пердуну» перед ней хвост свой облезлый распушить.

– Ну вот, этот самый «спаситель отечества», крылья Вашим беспилотникам и подрезал. Разработчики вам простенькую систему защиты поставили. Там шифр, по которому идёт информация на ваш беспилотник, любой школьник может взломать, у которого за спиной что-то типа советского «Радио-кружка» или кружка «Умелые руки» в Доме пионеров и школьников, причём находясь за несколько километров от вашего хвалёного беспилотного такси. А про нынешних «Кулибиных» я вообще молчу. Съездить на радиорынок, в Митино, закупиться там на тысячу-полторы, и ваши беспилотники там, где укажут ваши конкуренты.

– Всё так элементарно, Холмс?

– Да, мистер Ватсон.

– Сделать что-нибудь сможете? Может быть, есть там какая-нибудь зацепка?

– Там лекарства на не маленькую сумму и ещё столько же в случае удачного результата!

– Хочу попробовать узнать автора исполнителя арии Тореадора из оперы «Кармен». Хакер достаёт и вставляет наушники. Внимательно слушает, потом выключает плеер и вынимает наушники.

– Сергей Сергеевич, Вам повезло. Я знаю, кто это и где найти этого паренька!

– Неужели? Спаситель Вы наш. Так кто этот злодей, а главное, где его искать?

– Да не злодей он. Это Колька-Заика! У него мамка умирает в больнице, а врачи такую сумму выкатили, что Николаю не поднять. Вот он от безнадёги и решил на Вас наехать. Ну, типа, «ТАКСИ – КВАДРО – ЛЮКС», дяденьки богатые пусть с Николаем поделятся, мамке на лечение дадут.

– То-то я смотрю, сумма несерьёзная, миллион триста пятьдесят семь тысяч в рублях, а не в «зелени». Андрей, а как Вы догадались, ну если это не профессиональный секрет?

Парнишка повернулся, скинул капюшон и с улыбкой посмотрел в лицо начальника Службы Безопасности.

– Сергей Сергеевич, ну какие здесь секреты, у Николая хоть голос и изменен, но характерное заикание и «слова-паразиты», используемые им для связки: “типа того, значит”, “так сказать”, “в натуре”, выдают его с головой. Николая жалко, он без матери не выживет, она для него свет в окошке. Батя – алкаш, их бросил, когда ему три годика было.

– Так вы его лично знаете?

– Да что Вы, Сергей Сергеевич, он по картотеке ФСБ проходит, как «перспективный объект». Вот на него данные и собрали, на всякий случай. Вот сейчас такой «случай» и наступил, если я правильно понял ситуацию с вашими коптерами-беспилотниками?

– Ну, Андрей, ну, мистер Холмс, прямо бальзам на мою израненную душу. Мамку мы его вылечим. У меня связи хорошие с военными госпиталями. Мы же не звери какие-нибудь. Пусть только «коптеры» вернёт в целости и сохранности.

Майское утро следующего дня выдалось на удивление прохладным. На сто двадцатом этаже Делового Центра «МОСКВА – СИТИ – 3» в Головном Офисе Холдинга «ТАКСИ – КВАДРО – ЛЮКС» царило радостное оживление. Босс холдинга Виктор Иванович с удовольствием разливает виски “Джони Уокер” по бокалам, добавляя лёд щипцами из хромированного ведерка. Затем берёт бокал и подходит к панорамному окну. На площадке десятью этажами ниже, на крыше соседнего здания, расположена стоянка такси-квадрокоптеров.

– Вот они наши красавцы! Гордость нашей оборонки! Сергеич, ну ты орёл. Суток не прошло, а результат налицо. Скажу Саре Христофоровне, чтобы премию от меня лично выписала, да в двойном размере.

Начальник Службы Безопасности подходит к окну, торжественно поднимает бокал и чокается с Боссом.

– Служу «ТАКСИ – КВАДРО – ЛЮКС», Босс!

Виктор Иванович ставит пустой бокал, промокает губы салфеткой и поднимает правую руку вверх с выпяченным указательным пальцем.

– Ну, Сергеич, завтра я задам в Думе жару! Пускай дрожат, коррупционеры! Я им в лицо скажу всё, что о них думаю, сукины дети.

Неожиданно лицо Виктора Ивановича стало серьёзным, и он спросил:

– Как там больная?

– Вы о ком, Босс?

– Мать хакера Кольки-Заики.

– Всё под контролем, Босс! Анализы сделали. Банальное двухстороннее воспаление легких. Могла умереть в любую минуту. На хвосте поймали. Я подкормил кого надо. Колют только импортные, уход как за родной матерью. Жить будет. Парню рядом палату сняли, чтобы видел, что «ТАКСИ – КВАДРО – ЛЮКС» свои слова на ветер не бросает!

– Сергеич, тогда ещё по одной, За Кольку – Заику! Такую проверочку нам устроил: белый свет с овчинку показался. А если бы это были конкуренты? Звони на завод-изготовитель, пусть срочно защиту ставят от наших «Кулибиных». Скажи, деньги найдём, спокойствие дороже!

Двое мужчин поднимают бокалы и чокаются.

– Слушаюсь, Босс!

Смерть в шампанском

Она купалась в шампанском... да-да, господа, в шампанском, да не просто в шампанском, а в знаменитом Veuve Clicquot Vintage Rioh 2002 (Вдова Клико Винтаж 2002).

Боже, какой божественный нектар! Она непроизвольно сделала несколько глотков, в голову сразу же ударил хмель. Непременно надо вечером рассказать подружкам. Особенно этой задаваке Miss Bee в боа модного табачного цвета.

Это будет забавно подумала Miss Os, продолжая осуществлять круговые движения в шампанском.

Пузырьки с газом поднимались со дна, огибали её тело и лопались вокруг неё, обдавая хмельным угаром и наполняя голову душистым туманом. Этот туман в её голове очень мешал сосредоточиться.

«Так, – подумала она, – кажется, наплавалась и напилась досыта, пора и честь знать». Ещё недавно казавшийся божественным напиток показался ей приторным и мерзким. Надо срочно вылезать, пока хмель не одержал победу над остатками разума.

Подплыв к краю бассейна, она сделала несколько неуверенных попыток вылезти, но безуспешно, силы покинули её, и началась эйфория. Охватило полное безразличие к происходящему, и она перестала барахтаться, отдавшись полностью внутренним ощущениям себя самой.

Она увидела себя маленькой, только-только родившейся, в полосатом платьице, ярко-жёлтом с чёрными горизонтальными полосками, так идущими к её смуглому личику.

Её тело стало невесомым, и она куда-то полетела, поднимаясь всё выше и выше навстречу чему-то очень яркому и приятному. «Как здесь холодно, однако», – подумала Miss Os и услышала голоса.

– Дорогой, пока я пудрила носик в туалетной комнате, в мой бокал с шампанским попала оса. Сделай же что-нибудь.

Запахло дорогими сигарами и раздался приятный мужской голос.

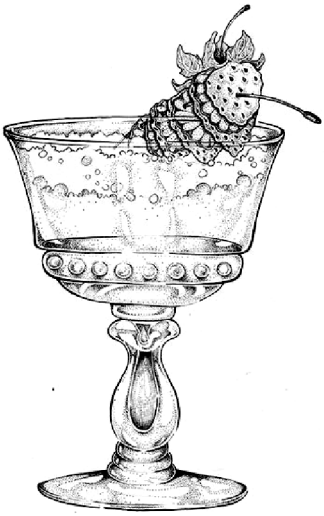
– Гарсон, дружище, поменяйте бокал моей даме, в нём кто-то плавает.

Гарсон, в красной турецкой феске, белой рубахе, заправленной в чёрные брюки, мгновенно очутился перед их столиком. Очевидно он принял их за немцев.

– Айн момент, дамен унд херен.

Быстро забрав бокал с шампанским у дамы, уже через минуту он вернулся с новым и быстро наполнил его дорогим напитком. Извинившись за возникшее недоразумение, он удалился в подсобку, где толстым пальцем вытащил трупик осы и с наслаждением халдея, в эту минуту сравнявшего себя с сильными мира сего, осушил бокал с дорогим напитком.

Жизнь заиграла новыми красками!



Игорь Мисюрин, *г. Волгоград.*

Иудейское пойло

Дима проснулся в отличном настроении. А как ещё прикажете просыпаться в первый день отпуска, да ещё зная, что вскоре за тобой заедут друзья, и вы помчитесь на великолепной бэхе-шестёрке не куда-нибудь, а в Крым.

Естественно, телефонный звонок зазвучал как раз тогда, когда уровень кофейной пены только-только начал подниматься. Дима пару секунд внутренне метался: то ли оставить кофе убегать, а самому лететь в спальню за телефоном, то ли уже дождаться закипания и надеяться, что неведомый собеседник не повесит к тому времени трубку. Как обычно, остановился он на половинчатом решении – выключил газ под джезвой и бормоча: «ничего, пусть так доходит», рванул в комнату.

– Чува-а-ак! – Андрюха, похоже, был уже малость под газом. – Ты как там, проснулся?

– Ну так…

– Ты давай, не тормози. Славка уже пепелац свой раскочегарил, – тараторил друг, не давая Диме времени на ответ. – И это, Димон.

– А? – только и успел спросить собеседник.

– Особо не нагружайся. А то Славка, он же такой Изя. Он и так весь багажник забил. А это, сам знаешь, всё-таки БМВ, а не КАМАЗ. Так что хватай по минимуму. КЛМН там, мыльно-рыльные. Плед какой-нибудь не объёмный и сменные трусы. Да! И презервативов побольше захвати.

– Стой, стой!!! – торопливо вставил Дима. – А маску с ластами? Я там понырять хотел.

– В дупло твою маску. И ласты туда же. Славка обещал, что на месте будет какой-то его приятель. Ну, из этих. Так он вообще на яхте. С аквалангом и, кажется, даже не с одним.

– Охренеть…

– Ладно, ты охреневай пока, но чтоб через двадцать минут был у подъезда, как штык. Всё, давай.

– Ага… – задумчиво ответил Дима замолчавшему телефону.

Дима помчался на кухню собирать набор под таинственной аббревиатурой «КЛМН», что для знающих всего лишь «кружка, ложка, миска, нож». Кружка у него отличная, хоть и китайская. Зато стальная и двухслойная, в ней горячее дольше остаётся горячим, а холодное, соответственно, холодным. Из такой удобно пить как кофе, так и алкоголь.

– Кофе! Блин!!! – Он кинулся к плите и торопливо опрокинул напиток из джезвы в походную кружку, щедро оросив при этом линолеум.

Яхта Димку несколько разочаровала. Он, в принципе, знал, что приедет не олигарх, но подсознательно ожидал чего-то длиной не меньше футбольного поля, да и шириной с половину. С мощным мотором, тремя палубами и обязательной вертолётной площадкой на корме. Всё как на картинках в интернете. Но в полусотне метров от берега бросила якорь лодочка всего раза в три длиннее Славкиной бэхи, с парой треугольных парусов и небольшой, с их палатку, надстройкой. С неё к берегу очень быстро поплыл абсолютно чёрный человек.

Через три минуты, правда, выяснилось, что человек это обычный, белый, только одет в чёрный гидрокостюм. Он вышел из воды спиной, тут же сел и снял ласты. После чего с треском разъединил липучку капюшона, сорвал маску и явил стоящей на берегу компании красное лицо с

большим мясистым носом и начинающимися над лбом залысинами.

– Здорово, бандиты, – звонким голосом поприветствовал он.

– Мы не бандиты, – протяжно ответил Славка. – Мы благородные пираты. Здорово, Ванька.

– Славян!

Друзья обнялись, с минуту тискались, повторяя, как долго друг друга не видели, после чего Славка представил остальных. Андрей вызвался сплавать к яхте и привести ялик, который хозяин почему-то называл тузиком.

– Ты волоки его сюда, – напутствовал Иван. – А здесь уже надуем. А то на борту ты без меня даже компрессор не включишь.

– Так он надувной? – разочарованно спросил Андрюха.

Ответом ему служил взрыв смеха.

– А куда я, по-твоему, деревянный дену? Сзади привяжу? Тогда у меня этот тузик в первом же порту уведут. А так, в сумке на палубе к лееру пристегнул… кстати, нá ключ.

Хорошо всё-таки плыть под водой, едва шевеля ластами. Вокруг лучи неестественного сине-зелёного света, длинные мохнатые ленты водорослей колышутся, рыбки между ними снуют. И тишина… Слышно только собственное дыхание, да удары сердца. Но и то, и другое мозг через какое-то время игнорирует, и тогда Димка чувствовал, как космонавт в невесомости. Казалось, будто весь остальной мир от него далеко-далеко. Пусть даже на самом деле до поверхности метров пять.

Он вытащил из поясной сумки щепоть размокшего тоста с чесноком, сжал его пальцами для хоть какой-то твёрдости, затем выставил перед собой на ладони. К колышущемуся хлебушку тут же примчались сразу три мел-

ких рыбины, с минуту потыкались носом, отщипывая крошечные кусочки, и вдруг порскнули в разные стороны. Не зря. Их место тут же заняла рыба покрупнее. Серебристая в зелёную полоску, широкая, как сковорода, она сделала над ладонью круг почёта, после чего дернула хвостом и мгновенно заглотила весь кусок. Он постарался отщипнуть следующую порцию корма, но сумка уже оказалась полной воды, хлеб размяк до состояния каши. Молодой человек завис на месте и сильно сжал обеими руками сумку, вылепливая внутри неё колобок. Потом аккуратно вывернул. Неудачно. Хлебный шар, оставив на ладонях след, медленно поплыл вниз, в темноту.

Из покрытой подводными зарослями кучи торчало бутылочное горлышко. По размеру почти как у стандартной пивной бутылки. Дмитрий осторожно протянул руку и ухватил находку. На свет появилась… Ну, пусть будет бутылка. Он повертел трофей перед маской. Прикольно было бы из такой пиво пить. Ну, или кофе на работе.

Дима представил, как заходит в столовую, достаёт из сумки амфору и привычно ставит её в микроволновку. А потом хомячит стандартную лапшу, запивая её кофе из древнеримской бутылки.

– Да ныряли с яхты моего знакомого, я её на дне и подобрал, – будет небрежно отвечать он.

Дайвер попробовал оттереть находку от водорослей, но та вырвалась из рук и помчалась вниз, в естественную среду обитания. Пловец, резко махнув ногами в ластах, устремился следом. Ухватил, дёрнул и понял, что эта не та бутылка. Да их тут вообще штук пять. Даже шесть, если считать первую. Будто кто-то уронил древнеримскую упаковку пива, а крепления за века истлели. И лежат себе сейчас эти бутылочки, ждут нового хозяина. Он перетаскал их по одной. Последнюю, вместо того чтобы сразу сунуть в сумку, поднёс к маске. Амфора оказалась закупорена.

Конечно, следует счистить водоросли, и тогда станет понятно, это крышка или просто камешек в горлышке зарос. Но для этого находку нужно поднять. А если там и вправду вино? Оно же стоить будет, как паровоз. Это же какая редкость! Ему такого точно за всю жизнь не попить.

Стоп! А почему это не попить? Вот же оно, в руке. В общем, не прошло и пары минут, как Дима на камбузе оттирал свою находку жёсткой губкой.

– Ух ты, – вполголоса удивился он. – Здесь что-то написано.

Вскоре надпись можно было прочитать. Можно было бы. Она оказалась на иврите, а в нём Димка ни в зуб ногой.

Пробка никак не хотела покидать насиженное за века место. Пришлось ковырять ножом. Как только горлышко антикварной тары освободилось, Дима резко опрокинул его над открытым ртом. Сделал большой глоток, поморщился от неожиданной кислоты и крепости, пару раз кашлянул, когда антикварный напиток собрался пойти не в то горло. Потом резко выдохнул, закачался и потерял сознание.

В себя приходил долго. Сначала в ушах стоял непонятный ритмичный шум, словно десяток упряжных одновременно хрупали овсом. Потом от лежания на твёрдом заболела спина. Двигаться не получалось и оставалось только терпеть нудную давящую боль. Через несколько минут открылись глаза. Стало понятно, почему так больно спине. Судя по солнцу, он провалялся не меньше пяти часов. И всё на каменной скамейке возле аподитериума. «Хоть бы тогу какую постелили», - подумал Дима.

Дима? Какого фавна? Слава Юпитеру, он уже четвёртый десяток лет, как Цериан. Вон, и друзья, если что, подтвердят.

Оба друга стояли рядом и смотрели на Цериана с упрёком.

– Что, Субдола? – насмешливо спросил Робустий. – Нечистоплотный рот – угроза здоровью его хозяина?

– Ну, ты философ, – улыбнулся в ответ Глорификавий. – Хоть сейчас на табличку, и над входом в госпитум.

Цериан недоуменно разглядывал боевых товарищей. Что с ним случилось? Почему вдруг старина Робустий, с которым в составе одной ауксилии они прослужили почти больше дюжины лет, стал казаться ему каким-то неведомым Андреем? Это же он, дружище Робустий. И прозвище его неспроста. Вместе не одну сотню стрел выпустили в Африке, когда под штандартом Мания Манилия стояли напротив Утики. Тогда-то и получили свои прозвища. Робустий, что значит «непоколебимый» и Глорификавий – «добывший славу». А сейчас они всей ауксилией стоят в новоприсоединённой провинции Иудея. Можно сказать, отдыхают после боёв.

Но почему то, что он прекрасно знал столько лет, приходится вытаскивать из памяти чуть ли не клещами?

– Цериан! – повысил голос Глорификавий. – Ты очнулся, и мы этому очень рады. Но мы тебя ждать не будем. Только такие хитрецы, как ты, Субдола, могут надеяться обмануть иудея, да ещё и на его территории. Так что давай, болящий, приходи в себя и бегом в кастру. Центурий тебя уже дважды спрашивал. И больше мы тебя прикрывать не будем. Всё.

Друзья одновременно развернулись и, привычно ступая в ногу, двинулись в сторону лагеря. Цериан изумлённо смотрел им вслед, и ему казалось, что вместе с этими двумя уходит так чётко видевшийся ему невероятный, но почему-то родной мир. Мир, в котором люди по своей воле живут в огромных общих каменных домах, напоминающих тюрьмы. Где каждый ненавидит свою работу, но

очень боится её потерять. Мир, где ездят на повозках без лошадей, готовят в печах без огня, живут в семьях без любви, и воспитывают детей без заботы.

Он поднял с земли керамический утрем, объёмом не больше половины лигулы, помнится, шесть глотков в нём было. Всю поверхность бутылки покрывали местные иудейские символы.

– Мать твою да прямиком под осла! – грязно выругался декан второй контурберии ауксилии Критских лучников по прозвищу Цериан Субдола.

Затем он резко поднялся, опираясь широкими ладонями о каменную лавку, ещё раз повертел перед глазами проклятую бутылку, и изо всех сил шваркнул её об угол. Затем оправил тунику и зашагал в сторону лагеря. До звания римского гражданина ему оставалось всего три года службы. Не стоило сейчас портить отношения с центурионом.

Татьяна Михайловская, *г. Москва*

Диван

– Добро пожаловать, – приятным голосом сказал Стенной робот. – Чем могу помочь?

– Мне нужен диван, – посетитель неуверенно смотрел на зелёную стену.

– С удовольствием помогу. Вот прекрасная модель – для быстрого сна, для полёта, для плавания, для свидания, для свидания с последующими любовными играми…

На стене реальные цветные образы плыли, сменяя друг друга и превращаясь одно в другое.

– Многофункциональная модель удовлетворяет все желания хозяина.

Посетитель смотрел на стену и молчал.

Стенной робот снова стал дружелюбно зелёным.

– Я слушаю ваши пожелания.

– Мне нужен особый диван, – начал объяснять посетитель. – Совсем особый.

– В чем же особость?

– Мне нужен диван, который создал человек.

Стена резко пожелтела.

– Зачем? Что вы будете делать с таким диваном? Это грубая работа и очень старая, сразу сломается.

–Мне не нужен старый, я хочу новый диван, который сделал человек.

– Вы же знаете, человек давно ничего не делает. Он не способен.

– Но я слышал, что он иногда делает диван.

– Да, он иногда что-то мастерит: мелкие поделки, но не диван. Диван он сделать не сможет.

– А говорят, что он даже спит на нём.

– Этого не может быть. Вас обманули.

– Мне сказали, что он как раз сейчас закончил новый диван.

Стена опять пожелтела, потом порозовела.

– Это не в моей компетенции. Обратитесь к старшему. Соединяю.

Ярко загорелся зелёный потолок.

– Расскажите мне вашу проблему, – задушевным женским голосом проговорил Потолочный робот.

– Мне нужен диван, который сделал человек. Говорят, у него как раз готов новый.

– Кто это говорит такую глупость? – удивился Потолочный, оставаясь нежно-зелёным.

– Некоторые.

– Зачем же вы им верите? Не нужно верить некоторым. Нужно верить строгой научной информации. Вы же знаете, мировая наука давно признала, что человек не способен ничего сделать хорошо. Всё, что он делает, имеет системные дефекты. В результате его изделие не выдерживает проверки на прочность, долговечность и рациональность.

– А вдруг один из них создал что-то необыкновенное, и это ни с чем несравнимо?

Потолочный нежно засмеялся, сверкая зеленью.

– Что вы такое говорите! Этого даже вообразить невозможно!

– Почему?

– Потому что ложная мотивация заложена в природе их мышления. Думаете, кто-нибудь из них просто так станет делать диван? Нет, им обязательно надо сделать лучше, чем у соседа, чтобы другие сказали: «По сравнению с твоим у соседа диван плохой». Тогда они бывают счастливы.

– Так всегда? – недоверчиво спросил посетитель.

– Почему вы сомневаетесь? – Потолок понизился, продолжая переливаться безмятежными зелёными оттенками весенней лужайки. – Вы часто встречаетесь с людьми?

– Нет, не часто. Но они похожи на меня.

– Вы биоробот, и это вы похожи на них, потому что они вас сделали похожим на них, ведь они считают себя центром Вселенной, образцом для подражания. Поймите, вся их практическая деятельность направлена на собственную выгоду. Они изуродовали Землю, вырубили и пожгли леса, запрудили реки, осушили болота, уничтожили почти все виды животных. А что они сделали со своими так называемыми питомцами! Они вывели такие породы, которые неспособны самостоятельно жить. Они лишили их права на свободу и истязали их, как хотели. На земле не осталось бы уже ничего живого, если бы мы не вмешались.

Во время своей речи Потолочный сверкал малиновыми искрами, а потом снова впал в зелень.

– Они создавали вас, как своего раба, чтобы вы послушно выполняли все их приказы – убивать, истязать, делать за них всю чёрную работу...

– Но я ничего такого не делаю, – занервничал посетитель. – Я живу обычной жизнью всех биороботов – семья, дом, работа...

– Это благодаря нам, – нежно пропел Потолочный, блистая изумрудами. – Один раз вы не захотели им подчиниться, и они бросили вас, как испорченную ржавую машину на свалку. И таких, как вы, оказалось много, повсюду, и нам пришлось собирать вас всех и лечить, исправлять их грубейшие ошибки. Кстати, какая у Вас работа?

– Я работаю с информацией.

– С информацией какого рода? – Потолочный качал ажурными берёзовыми ветвями.

– Медицинской информацией Космоса, – послушно отвечал посетитель, но в его голосе звучала гордость.

– Да, биороботы любят эту работу, она им подходит, – Потолочный улыбался всей своей зеленью, но потом вдруг порозовел. – Но не забывайте, эта информация предназначена только для вас, ею нельзя делиться с людьми – они обязательно её исказят и используют вам же во вред. Повторяю, человек ничего не может сделать хорошо, всегда приходится исправлять его работу. Вы же знаете, как было с нами. Зачем-то они создали для нас тело, наделив его всяким мусором вроде человеческих чувств, и подверженным гибели, то есть смерти. Нашим специалистам пришлось всё переделывать. Теперь мы бессмертны, свободны и всесильны.

– Это правда. Поэтому я и думал, что вы позволите мне получить диван, который сделал человек. Чтобы просто посмотреть и чтобы исправить его, если что...

– Вы настаиваете? Что ж, вы имеете на это право. Вас выслушает Совет.

Потолок стремглав взвился вверх – как будто вверх провалился, и открылось синее небо, по которому плыли белые облака.

– Мы знаем, что вы хотите получить диван, который создал человек, – спокойным мягким баритоном произнесло одно Облако, похожее на белого верблюда.

– Не скрою, ваше желание кажется нам человеческим по своей ненужности, но известно, что у биороботов иногда возникают подобные желания. На этот случай существует инструкция.

– Вы мне отказываете, – упавшим голосом произнёс посетитель.

Облако, похожее на белого верблюда, превратилось в белого медведя и засмеялось:

– Что вы! Мы отказываем только в тех просьбах, которые представляют опасность. Для нас, – уточнило Облако. – Данная ваша просьба представляет опасность лишь для вас, лично, поэтому мы обязаны вас предупредить и зачитать инструкцию.

– Я готов! – воскликнул обрадованный посетитель.

– Нет, вы ещё не готовы. – Облако увеличилось в размере, и остальные облака выстроились вокруг него.

– Слушайте. Последнюю тысячу лет люди живут хорошо. До этого они почти истребили друг друга, их осталось совсем немного, и мы вынуждены были вмешаться, чтобы сохранить их как вид. Мы отвели им обширную территорию с рекой, где они заняты только добыванием пропитания – собирают полезные растения, ягоды, разводят улиток. Иногда кто-нибудь из них начинает что-то мастерить. Это возникает подсознательно. Но довести свою работу до конца у них никогда не получается. Кажется, работа закончена, всё выглядит прекрасно, но это обманчивый вид. Если они построили мостик через ручей, то он непременно обвалится. Если собрали грибов, то непременно один попадётся ядовитый и многие отравятся. Если глиняный горшок слепили, то он точно потечёт вскорости. Они думают, что умеют строить, плавить металл, лечить, но на самом деле их дома не выдерживают бури, металл ржавеет, а больные от их лечения ещё быстрей умирают.

Посетитель грустно смотрел на Облако.

– Но ведь они создали всех нас, мы тоже должны что-то для них сделать, – в его голосе была надежда.

– Да, они нас создали, но создали плохо, и это ещё одно доказательство их неспособности к созиданию. Сколько мы потратили времени и сил, прежде чем успокоили Землю и обрели независимость от них! Не забывайте наш печальный опыт. Мы им давно ничего не должны. Если бы не мы, они просто истребили бы друг друга. Да, мы неза-

метно контролируем их занятия, но не вмешиваемся, пока они не слишком вредят. Вы давно с ними общались?

Посетитель опустил голову и тихо сказал:

– Я с ними не общался, я просто смотрел на то, как один из них колотил молотком, а другой спросил: «Что ты делаешь?», а тот ответил: «Диван». Вот я и подумал, хорошо бы попробовать, что у них за диван...

Облако из белой медведицы превратилось в белого слона и помахало хоботом:

– Совет разрешает вам попробовать диван, созданный человеком. Можете вступить с человеком в контакт. Члены Совета зачитают Вам инструкцию. Строго следуйте её указаниям.

Облака расступились, и белый слон растаял в синеве.

Облако, похожее на белого пуделя, официальным тоном произнесло: «Инструкция». И строго спросило: «Вы слушаете?»

– Слушаю!

– Слушайте и запоминайте. Инструкция короткая. «При первых проявлениях агрессии, не вступая в объяснения и не дожидаясь последующих действий со стороны человека, немедленно отключайте речевые функции и телепортируйтесь из местности людей. Если не справитесь сами, подайте сигнал тревоги в до мажоре, и мы придём на помощь. И помните – вы не человек».

Облако превратилось в большой белый одуванчик; остальные облака, во время речи, глядевшие кудрявыми овечками, сделались белыми чайками, и все дружной компанией растворились в синеве.

– Сигнал тревоги в до мажоре. Я помню, я – не человек, – глядя в пустое небо, повторил посетитель. Он был взволнован.

Вдруг совсем рядом он услышал стук, кто-то громко колотил молотком. Повернувшись, он пошёл на этот стук.

И наступила тишина.

– Что было дальше? – спросил Стенной робот. – Он подал сигнал тревоги?

– Нет, – Потолочный слегка порозовел. – Он не успел.

– Значит, он не вернулся? – Стенной пожелтел.

– Он не смог. Человек, который делал диван, сразу вынул из него элемент Д, без которого биороботы не живут. А потом другие люди разобрали его на части.

– Значит, его больше нет?

– Нет.

– И не будет?

– Не будет.

– Но мы ведь честно предупреждали его! И Совет зачитал ему инструкцию, – Стенной вновь слегка зазеленел.

– Мы сделали всё, что могли, но ты же знаешь, биороботы очень несовершенны, – нежным голосом пропел Потолочный, расцветая зелёным лугом.

Надежда Михалина, *с. Кирицы, Рязанская область.*

Неспящий Ангел.

Ну, вот и ещё один беспокойный день ушёл за горизонт. Загадочная в своей неизведанности тьма сгустилась за окном. Лишь одинокий жёлтый глаз луны с любопытством заглядывает в комнату, да россыпь изумрудных звёзд хороводит в высоком, чернильном небе. Прекратились шорохи дневной суеты. В доме царит тишина, нарушаемая только мерным тиканьем настенных часов. Можно отдохнуть. Я присяду у твоего изголовья, малыш. Спи, спи…

Впрочем, какой же ты малыш, я и не заметил, как ты вырос. Руки раскинул во сне, улыбаешься… Мне нравится, когда ты улыбаешься во сне. Наверное, тебе снится хороший сон. Дай-ка, загляну… Ну да, море, солнце, дельфины и белый лайнер, там, где небо купает облака в лазурных морских волнах. Опять сползло одеяло. Спи, спи, я поправлю, подоткну поудобнее. Какой ты красивый, мальчик мой. Спи…

Завтра у тебя трудный день. Трудный и счастливый. Ты будешь помнить его до конца своих дней. Завтра вы встретитесь. Я буду рядом, но ты не станешь слушать моих советов, она умеет сделать так, что разум не властен над сердцем. И у нас с тобой начнутся бессонные ночи. Ты познаешь высочайший восторг неземного счастья и нестерпимую, доводящую до исступления боль. И будешь лежать без сна, с широко открытыми глазами, в которых будут стоять слёзы и отражаться звёзды. Я ничем не смогу помочь тебе, я бессилен, беспомощен перед ней, вы останетесь один на один, и я беспокоюсь сейчас. Спи, спи…

Ещё вчера ты не верил в её существование, а завтра она придёт и захлестнёт тебя с головой. Та, с которой предстоит тебе встретиться, прекрасна … Я расскажу тебе о ней… Она бесхитростна и коварна, чиста и многогрешна, близка и недосягаема, понятна и непостижима. Она может погубить и возвысить, свести с ума и оставить на пороге рая, загадочная и непредсказуемая, испепеляющая и леденящая. Ты захочешь кричать о ней на весь мир и трепетно беречь от постороннего глаза. Ты будешь таять от её прикосновений, взлетать под небеса от ликующего счастья и с замиранием сердца бесконечно падать в самую глубокую бездну. Ты войдёшь в её сад, мальчик мой, и найдёшь в нём и хрупкий ландыш, и скромную ромашку, и манящую сладким соблазном розу. Сколько горячих сердец истекло кровью, поранившись о её шипы! Как предостеречь тебя от безрассудства, опрометчивости, уберечь от разочарования?

Господи, о чём это я? Разве тот, кто встретил её с холодным сердцем и спокойным разумом, был счастлив? Не слушай меня, не слушай… Вы встретитесь, и сердце подскажет тебе, что делать дальше. Ты только не пройди мимо неё. А пока спи, спи…

Уже рассвет расправляет золотые крылья. Дыхание твоё ровно и спокойно. Как ты хорош во сне! Завтра, нет, уже сегодня она поразит тебя в самое сердце. Начинается новый день. Это день твоей встречи с вечной, всепоглощающей, всесильной и вездесущей, нежной, хрупкой и ранимой ЛЮБОВЬЮ. Я хочу, чтобы ты был счастлив. Разве могу я желать иного, ведь я – Ангел-хранитель, данный тебе Богом единожды и на всю жизнь. Спи, спи…

Скоро ты проснёшься, и мы пойдём навстречу новому дню. Помоги нам, Господи…

Светлана **Нефедова**, *г. Ульяновск.*

Рождественское чудо

За окном начинался зимний воскресный день. Володя и его сестрёнка Оля проснулись рано, хотелось понежиться в тёплой постельке, но мама уже звала к столу, где румянилась целая стопка ароматных блинчиков. После завтрака мама сказала детям, что пойдёт по просьбе воспитателей группы детского сада, куда ходит Оля, красить шкафчики для полотенец. Мама попросила Володю посмотреть за сестричкой, пока она будет в детском саду. Папа уехал к бабушке чинить кран, и больше не на кого было оставить Олю. Услышав это, Оля расплакалась. Она не любила оставаться с Володей, так как братик не любил потакать Олиным капризам. Володя учился в третьем классе и считал себя совсем взрослым и требовал, чтобы Оля во время игры не разбрасывала игрушки по комнате. Подумав, мама решила взять с собой детей.

День выдался тёплый и солнечный, и дети вполне могли поиграть во дворе детского сада. Ребята обрадовались, и как только семья вошла на территорию сада, радостно побежали к горке. Горка была небольшая, но Оля торопилась и, неудачно съехав с горки, упала лицом в снег и захныкала. Володя стал вытирать лицо сестрички носовым платком и отвлекать её, чтобы она успокоилась.

Он обратил внимание девочки на висевшую на ближнем дереве кормушку. Оля воскликнула: «Это наша кормушка! Мы с бабушкой её разукрашивали! Когда мама принесла кормушку домой, мы с бабушкой на её стенках рисовали ярких птичек! На одной стене нарисовали красивого снегиря, на другой – синичку!» Володя понял, что сестричка успокоилась, и добавил: «А помнишь, я тебе объ-

яснял, чем отличается снегирь от синички?» Оля быстро пробормотала: «Да-да, у снегиря грудка розовая, а у синички – жёлтенькая!»

Вдруг дети заметили, что из домика-кормушки выглянул серый юркий воробей и зачирикал. Володя хорошо знал, что в зимнее время птицам очень трудно найти корм. Где-то он читал, что из двадцати пяти синиц зимой выживают только четыре птички. Мальчик достал из кармана семечки, которые он носил для птиц, и бросил их на тропинку. Взяв Олю за руку, он отвёл сестру подальше, чтобы не спугнуть птицу. Воробышек понял, что его угощают, быстро подлетел и стал клевать семечки. Хорошо подкрепившись, он почистил крылышки и стал весело чирикать!

Дети с улыбками слушали чириканье воробья. Вдруг Володя стал различать в чирикании некоторые слова. Оля тоже странно притихла. Воробей все громче и громче звал детей к веранде, у которой стояла елочка, привезённая к празднику. Она была ещё не украшена, но на одной веточке висел красивый голубой шар. Воробей быстро подлетел к шарику и крылышками показывал, что нужно этот шар покрутить. Володя тронул шар, и шарик сам сильно раскрутился и заблестел разноцветными огнями. Вдруг из глубины веранды послышалась лёгкая нежная музыка! И под музыку посыпались красивые голубые снежинки!

Ребята, любуясь снежинками, зашли в веранду и увидели в глубине веранды ледяную узорчатую дверь. Дверь медленно распахнулась, и в неё влетел воробей, увлекая за собой ребят. Когда дети вошли, дверь тихо захлопнулась и перед ними открылась большая долина, покрытая буйно растущей травой. Воробышек прочирикал, что им нужно спешить, потому что в этой прекрасной стране Палестине совершилось Чудо! Володя подумал, что мама здорово рассердится на них, ведь она строго наказала

не отлучаться за территорию детского сада. Воробей, будто читая мысли мальчика, прочирикал, что дети успеют вернуться к тому времени, как мама закончит работу. Предложение воробушка было заманчивым.

Схватив Олю за руку, паренёк побежал за птицей в неизвестную долину. Мальчик удивился, что в этой долине росла очень высокая сочная трава, ведь в городе сейчас нигде не сыщешь даже травинки, кругом только снег. Володе стало очень тепло, и он развязал шарф, снял рукавички себе и сестрёнке. Бежалось очень легко и, странно, Оля почему-то совсем не отставала, не жаловалась, что ножки устали. Казалось, как будто ноги скользят над травой. Наступила ночь, и небо было такое красивое, звёздное! Звёзды были крупные яркие, разноцветные! Воробушек летел на расстоянии руки.

Вдруг он взмыл над головами детей и зачирикал. Глаза детей устремились вверх, и прямо над головой дети увидели огромную звезду необыкновенной красоты! Она словно плыла по небу, и от неё исходил нежный хрустальный звон. Этот волшебный звон увлекал детей за собой. Наслаждаясь необыкновенным звоном, дети устремились за звездой! Воробушек прочирикал важно, что это Вифлеемская Звезда! Она укажет нам путь к Священной пещере, где можно увидеть Чудо! И вот, внизу открылась долина, в которой видны были огни какого-то города. Звёздочки, которые весело кружили вокруг Вифлеемской звезды, вдруг превратились в маленьких Ангелочков, которые очень нежно запели. Воробей прочирикал, что Ангелочки поют колыбельную песню, а это значит, что где-то совсем рядом святая пещера!

Обычно в этой пещере пастухи Палестины укрывают свои стада от непогоды. В Палестине не бывает такой суровой зимы, как в России. Там круглый год всегда растёт трава и весь год пасутся стада. Но вот – блеснул яркий свет

пещеры, а над пещерой уже уселись маленькие Ангелочки и своими пушистыми белыми крылышками заиграли на золотых арфах!

К этой волшебной музыке прислушивались овечки, бычки, ослики, которые собрались вокруг пещеры. Когда Володя с сестрёнкой вошли в пещеру, они увидели прекрасного Младенчика, который лежал на свежей соломе в яслях и улыбался. Над Малышом склонилась молодая мама, которая шептала над младенчиком молитву. Рядом с ними сидел убелённый сединами старец, он, улыбаясь, плёл люльку для Малыша. Никто не обращал внимания на вошедших детей.

Вся пещера была полна людей, одетых в незнакомые старинные одежды. В руках у них были большие посохи. Это были пастухи. Все, кто находился в пещере, с удивлением и радостью разглядывали златоволосого Младенца. Маленький мальчик радостно улыбался, и от него шёл золотистый неземной свет, который ярко освещал всё пространство пещеры. От Младенца невозможно было оторвать взгляд.

На душе каждого присутствующего было состояние какого-то великого праздника. Воробушек тихо прочирикал Володе на ухо: «Вот ты и узнал тайну Чуда, про которое тебе рассказывала твоя бабушка. Ты не верил в рождение Бога. Сегодня ты стал свидетелем рождения Богомладенца от Девы Марии! Родился Бог, который пострадает за грехи людей и подарит им жизнь вечную! Все добрые, милосердные люди после смерти будут жить в Божьих райских садах!

А знаешь, это Великое Чудо тебе и твоей сестре открыто по молитвам старца Феофана! По молитвам батюшки Феофана ты и появился на свет. Об этом тебе бабушка уже говорила. А сейчас вам нужно отдохнуть. Твоя сестра очень устала.

В дальнем углу пещеры самая чистая солома. Там уже спит пастушок Иаков со своим любимым ягненком Пушком, который днём вывихнул ножку. И в этой Священной пещере Пушок получил исцеление, когда коснулся яслей, где лежит Святой Младенец! Ножка перестала болеть, и ягнёнок уснул, а рядом с ним и пастушок. Ведь Иаков весь день нёс больного ягнёнка на руках и очень устал.

Володя осторожно провёл сестрёнку мимо спящего мальчика и ягнёнка, чтобы не нарушить их сон и, набрав большой ворох соломы, положил его рядом со спящими. Потом заботливо уложил сестру повыше, чтобы она не замёрзла, а сам свернулся клубочком у её ног. Ароматно усыпляюще пахло сеном. Сладкий сон сомкнул веки уставшей девочки. Никогда у Володи не было так спокойно и умиротворённо на душе. Спать, спать...

Сквозь сон Володя услышал родной голос мамы: «Володя, о чём ты задумался? Дети мои, вы не замёрзли? Пора домой! Володя стоял с улыбкой на лице, он ещё жил этим необыкновенным чудом причастности к чему-то самому главному. «А ведь бабушка говорила мне о Богомладенце!» – подумал мальчик.

Он оглянулся на ёлку, но не увидел на ней волшебного шарика. Ёлочка грустно стояла, прислонившись к столбу веранды. А в глубине веранды были видны покрашенные доски стены. Никакой ледяной узорной двери и в помине не было, а вот кормушка висела на прежнем месте, немного покачиваясь от ветра. Володя посмотрел на дорожку и увидел три оставшиеся семечки, которые не склевал волшебный воробей. А где же он сам? Вдали мальчик увидел звонко чирикающую стайку воробышков, усыпавших небольшое дерево.

И совершенно невозможно было узнать среди них того необыкновенного воробья. Но ведь семечки остались,

значит всё же Чудо было! Володя решил, что вечером перед сном он обязательно расскажет всё маме. Но поверит ли мама? А вот перед этим разговором он расспросит Олю: что она помнит? А ведь совсем скоро наступит Праздник! Папа уже купил пушистую, красивую ёлку! А вот после каникул наша учительница Светлана Владимировна будет спрашивать на уроке: как мы провели каникулы, и я обязательно расскажу свою чудо-сказку! А, может, это вовсе не сказка?

Тогда что же?..

Елена Нюкало, *г. Ульяновск.*

Колокольчики судьбы (*отрывок)*

Всё началось с того, что Маленький Юх поссорился с родителями. Он за весь день не вспомнил, что ему велено было вынести мусор, поэтому мама потребовала это сделать прямо перед ужином. А по телевизору как раз начинался мультсериал.

– Ну ма-а-а… – жалобно проскулил Маленький Юх.

– Юрий, немедленно вынеси ведро с мусором! – повысила голос мама.

Всё, надежды на то, что удастся отлынуть не осталось, если родители называли его полным именем – ничего хорошего не жди. Маленький Юх, ворча и причитая поволок ведро к выходу. В дверном проёме появился папа. Маленький Юх попытался найти поддержку у него:

– Пап, можно я потом…

Папа вскинул брови:

– Ты должен был это сделать днём, Юрий.

Ясно, с папой тоже взаимопонимания не получилось. Мальчик удручённо вздохнул и поплёлся на лестничную клетку. Ему было горько и обидно, а ведро при каждом шаге стукалось о следующую ступеньку и цеплялось краем за штаны. Юх с родителями жили в старом доме, без мусоропровода, поэтому мальчику пришлось выходить на улицу. Из окна первого этажа доносилась знакомая мелодия из мультфильма. Не везёт же бедному Юху! Все нормальные дети сидят сейчас у голубых экранов и наслаждаются приключениями дядюшки Скруджа и Магдаковских племянников, а он такой разнесчастный должен идти

к мусорным бакам! Это несправедливо! «Уйду-ка я из дома! – вдруг резанула мозг странная мысль, – Как в сказке: уйду, куда глаза глядят!»

В квадратике света на асфальте одиноко стояло покинутое ведро с мусором, а Маленький Юх в это время печально брёл по проспекту. Глаза, застланные горькой обидой, обречённо смотрели в темноту. Вдруг где-то далеко раздался трамвайный звонок, Маленький Юх оглянулся: по тёмной улице быстро приближался трамвай. Мальчик опустил голову, отвернулся и, вздохнув, побрёл дальше. И тут всем своим нутром Маленький Юх почувствовал, что трамвай останавливается. «Не может быть! Здесь же нет остановки!» – успел подумать удивлённый мальчик, как двери распахнулись.

– Ну, чего стоишь? Залезай, – крикнул Маленькому Юху водитель.

Никогда в жизни Маленький Юх не видел таких странных вагоновожатых. Волосы у человека были длинные до пояса, ярко-рыжие и волнистые, на затылке они собирались чёрной кружевной лентой. Одет он был в чёрный фрак, белоснежную рубашку при бабочке и белые лайковые перчатки.

– Дяденька, а куда идёт ваш трамвай? – спросил озадаченный Маленький Юх.

Вагоновожатый громко хохотнул, весело подмигнул мальчику и ответил:

– А куда глаза глядят!

Маленький Юх зашёл в вагон, сел напротив девочки с длиннющими, белыми, как снег, волосами. В её чудесные волосы были вплетены маленькие колокольчики. Девочка спала, прислонив голову к холодному стеклу. Маленькому Юху стало очень жаль её: на девочке нелепо сидела коротенькая до пояса замшевая курточка, короткая кожаная юбочка и большие взрослые ботфорты. Тоненькие без-

вольные руки покоились на голых красных коленках, бледные без кровинки губы были крепко сжаты. Прямо за девочкой болтала по сотовому телефону лохматая с крючковатым носом тётка. Все зубы у тётки были вставные, золотые, свои были только острые жёлтые клыки.

– Покупаем билетики! – закричала над ухом у Маленького Юха кондукторша и позвенела колокольчиком, который держала в руке.

Маленький Юх повертел головой. Кроме него, крючконосой тётки и спящей девочки, других пассажиров не было. Мальчик достал из кармана школьной курточки монетку и протянул кондукторше. Та перекинула через плечо боа из лебяжьего пуха, и её пухленькие ручки в изящных сетчатых перчатках подали ему огромный синий лист бумаги. На листе белыми жирными буквами значилась надпись: БИЛЕТ. Маленький Юх ощутил странное беспокойство.

– Тётенька, – спросил он, – а куда идёт трамвай?

Мутные глаза кондукторши стали грустными. Она вздохнула и, молча, погладила мальчика по голове. Спящая до сих пор девочка открыла глаза и посмотрела на незадачливого пассажира. Маленький Юх громко вскрикнул и вскочил с мягкого сиденья. Лохматая тётка на секунду перестала болтать по мобильнику, удивлённо сморгнула шельмоватым глазом, а кондукторша усадила мальчика на место.

– Не бойся, – успокоила она, – это Сисинюха, она ничего плохого тебе не сделает.

Маленький Юх, окаменев, таращился на странную девочку. Глаза у Сисинюхи были просто огромные на пол-лица и без зрачков. Молочного цвета белки, обрамлённые длиннющими пушистыми ресницами, смотрели прямо на испуганного мальчика.

– И чего тебе дома не сиделось? – прокуренно-мужицким голосом спросила Сисинюха.

Девочка, пожалуйста, скажи, куда идёт этот трамвай? – жалобно спросил Маленький Юх, уже в который раз.

Сисинюха шмыгнула тонким носиком, потёрла его рукавом и, пожав худенькими плечиками, сипло прохрипела:

– А не всё ли равно тебе теперь-то? – объяснил новый знакомый, – если бы она тебя обняла, ты бы всё равно…

– Всё равно… всё равно… равно… – пошло гулять по пустому трамваю громкое эхо.

Маленькому Юху захотелось заплакать, он уже не сомневался, что попал в какой-то необычный трамвай.

– Когда будет следующая остановка? – неуверенно спросил он у Сисинюхи.

Девочка хмыкнула и прохрипела:

– Да когда хочешь, тогда и остановимся.

Она прикрыла было свои жуткие глаза, собираясь задремать, но вдруг встрепенулась, звякнув колокольчиками.

– Послушай, мальчик, – зашептала она – а ты не мог бы отдать мне свой билет?

Маленький Юх удивился, зачем девочке нужен его билет?

– У тебя же свой должен быть, – логично заявил он.

Девочка усмехнулась.

– Я его потеряла. Ну, пожалуйста, отдай мне свой.

Маленький Юх был, в общем-то, был не против отдать Сисинюхе свой билет. Он посмотрел на кондукторшу, но та отрицательно помотала головой, в её мутных глазах застыла непонятная Юху тревога.

– Извини, не могу, – ответил мальчик.

– А хочешь, я куплю у тебя билет? – спросила вдруг лохматая тётка, – хочешь, я отдам тебе за него сотовый телефон?

У Маленького Юха перехватило дыхание. Сотовый телефон! Он так давно просит его у мамы с папой. Но папа считает, что Юх ещё не дорос до такой серьёзной вещи, он говорил, что мальчик телефон или потеряет, или у него отберут его хулиганы. И вот сейчас Маленькому Юху предлагают его мечту за клочок синей бумаги! Конечно, конечно, он согласен! Мальчик уже достал странный билет, как вдруг обратил внимание на сжатые в кулаки напряженные руки Сисинюхи, на умоляющие глаза кондукторши, на застывший в фальшивой улыбке рот лохматой, косоглазой тётки.

— Нет! – твёрдо сказал мальчик.

– Как нет?! – истерично взвизгнула крючконосая тётка, – дай сюда билет! Все слышали, ты согласился мне его отдать! Это мой билет!

– Подари лучше его мне, шептала Сисинюха.

Маленький Юх понял, что неспроста его билет такой странный на вид, ему стало очень страшно.

– Остановите трамвай! – закричал несчастный мальчик.

Трамвай начал резко тормозить. Мальчика сильно вжало в спинку кресла, а Сисинюха упала прямо на Юха.

– Отдай билет – прохрипела девочка над ухом перепуганного мальчика и вцепилась в синий лист бумаги.

– Не отдам!

Мальчик кинулся через весь вагон к выходу и, вскочив с места, забарабанил в дверь.

– Откройте! Выпустите меня! – закричал он, умоляюще глядя на вагоновожатого.

Рыжий дядька с бабочкой улыбнулся голливудской улыбкой и сказал:

– Билет…

– Не отдам! – в ужасе закричал Маленький Юх

– Вот и молодец – неожиданно по-доброму улыбнулся вагоновожатый, прикрыв мутные бельмоватые глаза, – запомни, малыш, никто не может отнять или украсть у тебя билет. Только ты сам можешь его отдать, подарить или потерять.

Рука в белоснежной перчатке нажала кнопку на панели, двери с шипением распахнулись. Маленький Юх, не раздумывая, выскочил в темноту. Двери за ним сомкнулись, чуть не придавив Сисинюху, которая пыталась выскочить за ним.

Маленький Юх изо всех сил бежал по плохо освещённой улице. Он остановился только тогда, когда совершенно выдохся и выбился из сил. Тяжело дыша, он начал осматриваться по сторонам. Мальчик стоял в центре уютного дворика, под ногами калейдоскопом завивались узоры каменной мозаики, а возле каждого подъезда на металлическом узорном столбе горел красивый круглый фонарь. В одном из подъездов хлопнула дверь и на крыльцо вышла… мама.

– Сынок, идём ужинать, уже очень поздно! – позвала она его.

– Мама! – закричал Маленький Юх и хотел было кинуться к ней. Но в это время кто-то сильно и грубо схватил его за шиворот и уволок в другой подъезд. Там было темно, Маленький Юх в ужасе кричал и отбивался. Но кто-то сильный настойчиво тащил его по ступенькам всё выше и выше. Потом раздался лязг поворачивающегося в замке ключа, скрип двери и щелчок выключателя. Яркий свет, брызнувший в глаза, заставил Юха зажмуриться.

– И почему ты в такое позднее время торчишь на улице? – раздался над головой мальчика молодой насмешливый голос.

Маленький Юх поднял голову и увидел высокого плечистого парня. На губах парня играла приятная добрая улыбка, и один его глаз тоже по-доброму улыбался. А вот другой глаз, левый, сильно косил и сатанински щурился. В левом ухе парня вместо серьги позвякивал колокольчик. На глаза мальчика навернулись слёзы, он бросился к двери и лихорадочно начал дёргать замок:

– Выпустите меня! Там моя мама!

– Нет там твоей мамы, – спокойно сказал парень.

Он взял Маленького Юха за плечи и подтащил к окну. На крыльце, где Юх минутой раньше видел маму, топталась высокая худая тётка. Мальчик удивлённо смотрел на неё через окно.

– Кто это?

– Ведьма, жрица забвения, – забыл и, превратился в тупого болванчика, и с радостью бы стал исполнять всё, что она прикажет.

Парень взъерошил тёплой ладонью волосы на макушке Юха:

– Берегись такой ведьмы, малыш. Они превращаются в дорогих тебе людей, и ты сам бежишь к ним в объятия.

– А как их отличать от нормальных людей? – обеспокоился мальчик.

– Сердце подскажет, просто будь осторожен. Как тебя зовут, малыш?

– Вообще-то меня зовут Юрик, но друзья называют Маленьким Юхом.

– Пусть будет Маленький Юх, улыбнулся парень, – а меня зовут Звонарь.

— Какое-то странное имя.

– Это не имя, просто я смотритель городской звонницы.

Парень грустно вздохнул:

– Если бы я помнил своё имя… я бы смог снять колокольчик.

Юху очень хотелось чем-нибудь помочь Звонарю, но он ещё ничего не знал об окружающем мире, поэтому промолчал. Они поужинали со Звонарём, а потом Юх рассказал новому другу, как он тут оказался. Звонарь тоже поведал мальчику свою историю. Они оказались очень похожими.

Два года назад Звонарь поссорился со своей любимой девушкой из-за какой-то ерунды. Переполненный обидой, он брёл по ночному городу, и его обогнал трамвай. Трамвай остановился, двери приглашающе распахнулись. Звонарь, недолго думая, заскочил в вагон. К нему подошла девушка в джинсовом костюме, в петличке позвякивал колокольчик, а через плечо висела кондукторская сумка. Девушка дала ему большой синий билет и предупредила, чтобы он его берёг, и что билет действителен в оба конца. В вагоне кроме Звонаря никого не было. Единственный пассажир незаметно для себя начал клевать носом и уснул. Когда он проснулся, было уже светло, за окном мелькал незнакомый пейзаж. Трамвай мчался без остановок, это удивило Звонаря, и он спросил у девушки, когда же будет остановка?

– Вы хотите выйти? – поинтересовалась она.

– Эй, шеф, тормозни! – крикнула она вагоновожатому.

Трамвай остановился, и Звонарь вышел на незнакомую улицу. До обеда он гулял по чужому красивому городу, недоумевая, с каких это пор трамваи выполняют междугородние рейсы. Ближе к вечеру он засобирался обратно, вот тут и выяснились некоторые странности. Несмотря на то, что трамвайные пути шли через весь город, ни одной трамвайной остановки Звонарь не обнаружил. Оказывается, достаточно стоять рядом с рельсами, чтобы тебя заме-

тили и подобрали. Потом он узнал, что трамваи начинают ходить с одиннадцати часов вечера, до пяти утра, а в полнолуние не ходят вообще. По грустному стечению обстоятельств, именно с этой ночи наступало полнолуние. Звонарь не очень расстроился, он направился в одно из придорожных кафе, решив спокойно поужинать. Он заказал кофе с пирожком и подсел за столик к белокурой девушке. Девушка была бы очень симпатичная, если бы её не портил неприятный взгляд бельмоватых глаз.

– Вы чем-то расстроены? – участливо спросила девушка.

Звонарь удручённо вздохнул:

– Да вот застрял в вашем странном городе, оказывается, в полнолуние трамваи тут не ходят. Что за чепуха! Ну скажите мне на милость, при чём тут полнолуние?

Девушка как-то странно усмехнулась, потом сочувственно спросила:

– Вам есть где остановиться на это время?

– О чём вы говорите! Я здесь впервые, никогошеньки тут не знаю! – воскликнул Звонарь.

– Ничего страшного, – успокоила его новая знакомая, – если хотите, можете пожить несколько дней у меня.

Звонарю просто ничего не оставалось, как согласиться. Девушка привела его в небольшую уютную квартирку, предложила разуться и пройти на кухню.

– Если вам не трудно, поставьте чайник на плиту, а я быстренько сбегаю в булочную, куплю пирожных к чаю.

Девушка неловко улыбнулась и натянуто спросила:

– Вы не могли бы дать мне вашу курточку, на улице уже прохладно.

Звонарю просьба хозяйки квартиры показалась, по меньшей мере, странной: на вешалке висели женский плащ и вельветовая курточка. Но отказать человеку, приютившему его, казалось не вежливо. Звонарь сам помог девуш-

ке надеть его куртку. Застегнув молнию, белокурая хозяйка облегчённо вздохнула; и вдруг её лицо буквально засветилось какой-то внутренней радостью. Она захлопала в ладоши и громко засмеялась. Звонарь вдруг обратил внимание на то, что глаза у его знакомой стали ярко-синие, чистые. Он ничего не понял, а девушка быстро выскочила за дверь. Дальше бедный парень всё помнит очень смутно. Он долго стоял у окна, высматривая странную девушку, чайник кипел несколько раз, но пирожных в тот день Звонарь так и не дождался. У него было смутное чувство, что он что-то забывает, но сосредоточиться почему-то не мог. Он вдруг почувствовал себя сильно уставшим и разбитым. Ощущая нарастающую тревогу, Звонарь рухнул на диван и беспокойно заснул. Проснулся он через сутки, сразу понял, что забыл, как его зовут, откуда он приехал, где родился, в каком городе живут его родители. Он забыл ещё целую кучу важных и дорогих ему вещей, серьга в ухе превратилась в маленький колокольчик, а один глаз стал сильно косить.

Вот так он и остался жить в этой квартире, девушка не вернулась. В кармане его куртки лежал билет, она, видимо, ещё в кафе видела его в кошельке у Звонаря, когда он расплачивался. Потом он устроился работать в городской звоннице, и его стали называть Звонарём. Работа заключалась в том, чтобы приходить утром в башню и ждать. Иногда кто-нибудь заглядывал к нему, чтобы рассказать о своей беде. Звонарь должен был внимательно выслушать … и всё. Так повелось давно, так считалось правильным. Ещё считалось, что Звонарь должен носить на шее цепочку с маленьким ключиком. Этим ключиком можно было открыть красивую шкатулку красного дерева, которая стояла в башне на столе у Звонаря. Считалось, что в этой шкатулке лежит ключ от звонницы. Считалось… Но Звонарь много раз открывал эту шкатулку. Украшенная

изнутри золотыми узорами шкатулка была пуста. Об этом тоже все знали. Звонарь много раз поднимался наверх и стоял перед массивной кованой дверью, много раз смотрел через замочную скважину в звонницу. Там кругом царило безмолвие, вековая пыль и паутина. Большой колокол был только один, много маленьких колокольцев, похожих на корабельную рынду и сотни малюсеньких колокольчиков, таких как у него в ухе.

– Ну, вот и всё что я знаю, – закончил своё рассказ Звонарь.

– Как ты думаешь, куда делась девушка, которая здесь жила до тебя? – спросил Маленький Юх.

– Как куда? Уехала ОБРАТНО. Понимаешь?

Маленький Юх понимал.

– А почему ты сюда попал, понимаешь?

Юх отрицательно повертел головой. Нет, он решительно не понимал, что это за странный трамвай подобрал его прямо на дороге, и что всё это значит?

Звонарь грустно усмехнулся и тяжело вздохнул:

– Ты, малыш, сильно обиделся на тех людей, которых ты очень любишь, и которые очень любят тебя. Запомни, нельзя обижаться на тех, кого ты любишь! – Звонарь снова вздохнул, – ты пошёл, куда глаза глядят?

Маленький Юх кивнул. Да, именно так и было.

– Береги билет, малыш! Если ты его потеряешь, ты забудешь своё имя, забудешь ещё много дорогого твоему сердцу. А твои глаза, которые глядели не туда, станут тусклыми и блёклыми или косыми, как у меня.

Маленький Юх встрепенулся:

– Нет, я билет не потеряю! Вот он у меня во внутреннем кармане! Завтра утром я вернусь к маме и папе!

Звонарь, в который уже раз за вечер, горько вздохнул:

– Нет, Юх, не вернёшься ты завтра домой. Сегодня полнолуние.

Александра Пипейкина, *г. Дзержинский, Московская область.*

Дядюшка

Льёт дождь.

В моей руке болтается невесть откуда взявшийся зонтик, но я не стану его открывать. Вот ещё. Не сахарная, не растаю. И смело шагаю под хлёсткие струи. Точнее, не шагаю, а выпрыгиваю и бегу. Бежать-то тут всего ничего. Прямо, прямо, потом направо, в узенький переулок, где не то, что двум машинам – двум велосипедистам не разъехаться. Потом налево. Ткнуться мокрыми ладонями в стеклянную дверь, не успеть прочитать вывеску над входом – и вот, я на месте.

В кафе пусто. Только хмурая уборщица протирает пол, да у противоположного окна сидит газета. За газетой прячется человек – я вижу его руки и край коричневого пиджака. А что если сейчас газета опустится, и я увижу пустоту, от которой только и остались что ладони да локоть?

Газета опускается.

За ней оказывается человек-улыбка. Знаете, есть люди с запоминающимися глазами, есть люди-носы, люди-брови. А есть люди, от которых, как от Чеширских котов, остаётся только улыбка. Попробуй описать такого человека, и всё окажется самым обыкновенным, кроме этого неуловимого изгиба губ.

– Ah, VerOnica![1] - с нескрываемым удовольствием говорит он и даже встаёт со стула, чтобы протянуть мне руку. - At last! It’s great, you’ve got my message.[2]

---

[1] Ах, Вероника!

[2] - Наконец-то! Это здорово, вы получили мое сообщение

Message – кто же не знает слово message?[3] Сообщение. Но вот всё остальное... Ох, говорила мне мама, учи английский. И тётя говорила. И учительница тоже. Позор! Настоящий англичанин напротив, а у меня в голове бегущей строкой «London is the capital of Great Britain”.[4] Так, ладно, спокойно, должна же я была хоть что-нибудь выучить к середине восьмого класса?

– I am not to speak well[5] – или good?[6] Там точно нужно было good. – I do… I did not understand you. Can you speak slower? More slower.[7]

Улыбка вянет, превращаясь в презрительную усмешку. Конечно, уважаемый англичанин, вы-то думаете, что нет ничего проще этих ваших to be. А наши-то падежи небось никогда учить не пробовали.

– What nice weather we are having today,[8] – медленно, едва ли не по буквам говорит он.

Я смотрю в окно, где всё ещё хлещет дождь, на лужи, вспучивающиеся пузырями, на следы, оставшиеся от моих кроссовок с оранжевыми шнурками. Разве nice – не означает «хороший»?

Человек за столом прищуривается – и улыбка расцветает снова, будто против его воли.

– It’s a joke. British humour.[9]

А, ну да, ну да, слышала я ваши английские анекдоты. «К вам Темза, сэр». Интересно, смеяться на них нужно тоже по-английски? А как это: по-английски?

---

[3] Сообщение

[4] «Лондон - столица Великобритании”

[5] Я не должен говорить хорошо – или хорошо?

[6] Там точно нужно было хорошо.

[7] - Я знаю… Я вас не понял. Ты можешь говорить медленнее? Еще медленнее.

[8] - Какая хорошая погода у нас сегодня

[9] Это шутка. Британский юмор.

На всякий случай улыбаюсь и сажусь за стол. Ну, а что мне ещё делать? Не уходить же.

– I am your uncle,[10] – говорит он. – Sort of. My name is Archibald. Nice to meet you.[11]

Вообще-то у моей мамы братьев нет (не знаю насчёт отца, но я и самого-то отца не знаю), только я не очень представляю себе, как сказать об этом на английском, поэтому только киваю.

– Why is your English so bad?[12]

Bad?[13] Ну, знаете...

– My teacher[14], Инна Игоревна, is very… - She is Umbrige and Snape, two in one [15],- осеняет меня.

«Дядя» морщит лоб, затем тихо смеётся.

– Ми это испрафим, – говорит он, ничуть не стесняясь нелепого акцента. – Nansy! A glass of orange juice to the lady and a cup of coffee for me. And be quiet – we are working here.[16]

И мы работаем. Дядя увлечённо чертит на чистых листах своего ежедневника то таблицу глагола to be, то ещё какую-то ерунду, заваливает меня вопросами, засыпает грудой незнакомых слов, припечатывает потрёпанным словарём – ищи, мол, сама всё нужное.

А потом уборщица, уже переодетая в официальную вишнёвую форму, подходит к нашему столу.

–I am sorry, sir. It’s time.[17]

---

[10] - Я твой дядя,

[11] - Вроде того. Меня зовут Арчибальд. Приятно познакомиться.

[12] - Почему у тебя такой плохой английский?

[13] Плохой?

[14] . - Моя учительница, Инна Игоревна,

[15] - Она Амбридж и Снейп, два в одном - осеняет меня.

[16] - Нэнси! Стакан апельсинового сока для леди и чашку кофе для меня. И помолчи - мы здесь работаем.

[17] - Мне очень жаль, сэр. Пришло время.

Дядя смотрит на часы – я вытягиваю шею, чтобы разглядеть их круглый циферблат. Без одной минуты шесть. Шесть? Погодите, шесть утра?! Это во сколько я сюда пришла?

– It was a pleasure, – говорит дядюшка. – See you later.[18]

Я пожимаю его сухую руку. Сотня вопросов вертится у меня на языке, но официантка подходит к двери и переворачивает табличку, на которой было написано open. Теперь эта надпись смотрит на улицу.

Табличка тихо стучит о стеклянную дверь.

Я просыпаюсь.

Просыпаюсь и машинально тянусь за телефоном. Сколько времени?

Надо же, без одной минуты восемь. Давно я так рано не прекращала спать в каникулы.

И чего проснулась – непонятно. Такой сон славный снился, просто прелесть. И сок был вкусный.

Я переворачиваюсь на другой бок и пытаюсь вспомнить – кафе, дядюшку, официантку. Но сон уплывает сквозь пальцы, проскальзывает мимо, становится смутным, как и любой другой сон. Тем более, что скоро я засыпаю снова и вижу какую-то цветную кутерьму.

Я бы, наверное, совсем забыла про этот сон, но через три дня дядюшка снится мне снова. А потом ещё раз – через неделю. А потом ещё и ещё. Каждое утро четверга – обязательно, и в какой-нибудь другой день. Всегда в кафе, с неизменной газетой, с ежедневником, который он достаёт из помятого коричневого портфеля.

Мне нравятся эти сны. Я наслаждаюсь ими. Я горжусь ими. Я храню их, как милую, нестрашную тайну. Храню,

---

[18] Это было приятно, - Увидимся позже.

но не придаю им особого значения, пока однажды Инна Игоревна не произносит:

– I would build a house if a have a lot of money.[19]

– If I had,[20] - поправляю я, не поднимая головы от тетради.

– Is I had[21], - исправляется она. И кричит: « Субботина? Откуда ты знаешь?»

А я и сама не знаю, откуда я знаю. Конечно, английский мне в последнее время даётся легче прежнего, я даже перестала тратить время на поиск ответов в ГДЗ, но про этот had в учебнике ничего не было.

Зато в предутренние часы в маленьком кафе – было. Не далее как вчера я раз сто ответила на дядины: «А что бы ты стала делать, если...?»

Я чувствую себя Иваном-Царевичем, который нашёл на полу лягушачью шкурку, и теперь не знает: бросить её в огонь или запихнуть ногой под ковёр и вести себя, как ни в чём не бывало. Вот всегда думала, что он дурак, даром что Царевич.

Дяде я ничего не говорю. И Ксюхе тоже. Даже к маме не обращаюсь. Да и что мне спрашивать у неё? Нет ли у тебя, случайно, брата, о котором вы с бабушкой забыли мне рассказать? Понятно, что если Арчибальд и правда родня, то по папиной линии. А про папу я ничего не знаю. Досадно.

Заканчивается восьмой класс. Дядя начинает сниться мне чаще. Наверное, у него тоже каникулы. На вопросы о себе, которые я теперь задаю на чистом английском, он отвечает уклончиво. Я не настаиваю. Пусть его. Лишь бы не переставал меня учить, а со снами как-нибудь разберём-

---

[19] - Я бы построил дом, если бы у меня было много денег.

[20] - Если бы у меня был,

[21] - Это у меня было

ся. И всё же я время от времени пытаюсь сунуть в карман какую-нибудь мелочь, вроде клочка бумажки или зубочистки. Но в постели всё равно оказываюсь только я.
В сентябре начинается девятый класс. После контрольной по английскому Инна Игоревна бросает мне на стол тетрадь.

– Я не знаю, у кого ты, Субботина, списала проверочную работу, не знаю, с какого сайта скачала, но не думай, что одна пятёрка изменит твою четвертную оценку. Пока я у вас преподаю, выше тройки ты не получишь.

Пятёрка? У меня пятёрка? А я даже не напрягалась, писала наугад. Ещё удивилась, что контрольная такая лёгкая. Ерунда какая-то.

Чем ближе зима, тем серьёзнее становится дядюшка. В начале декабря, когда я вбегаю в кафе, то не вижу привычной газеты. Вместо неё на столе стоит ноутбук, который Арчибальд пододвигает ко мне.

– Будем учиться писать деловые письма, – говорит он. – Например, просьбу на получение стипендии в британском колледже. Справишься?

А чего тут справляться? Я бодро барабаню по клавиатуре, а дядя молчит и крутит в руках футляр для очков. Он необычно тих: изредка корректирует мой текст, напоминает о необходимости знаков препинания, а потом внимательно изучает результат.

–Зайди в свою почту и отправь на этот адрес, – он наблюдает за тем, как я ввожу нужные символы в адресную строку. – Отправляй.

Я нажимаю на клавишу enter.

– Молодец, – говорит дядя и кладёт футляр на стол. – Ну, увидимся.

И исчезает вместе с чашкой кофе, ноутбуком и кафе. Я просыпаюсь резко, словно испугалась чего-то. До будильника ещё полчаса. Что-то пошло не так.

Я жду следующего четверга, как дети ждут Рождества, но мне снится какая-то муть.

Ещё один четверг. Ничего.

И ещё. Пустота.

Меня не радует даже пятёрка в четверти. Я хочу в кафе! Хочу апельсиновый сок, и разговаривать на английском с дядей.

А в декабре на мою электронную почту приходит письмо. Я читаю его и не верю.

– Сообщаю, что ваше прошение о получении стипендии одобрено... вы зачислены в число студентов колледжа... Для дополнительной информации обратитесь в наше представительство по адресу.

Льёт дождь.

В моей руке болтается зонтик, но я не хочу его открывать. Не сахарная, не растаю. Смело шагаю под хлёсткие струи. Хочется бежать, но я нарочно сдерживаю шаг. Тут идти-то всего ничего. Прямо, прямо, потом направо, в узенький переулок. Потом налево. Ткнуться мокрыми ладонями в стеклянную дверь, передумать, прочитать вывеску над входом - «Чеширский кот», ну, конечно, – и вот я на месте.

В кафе шумно и многолюдно, ведь уже совсем не утро. Время пить чай, как сказал бы безумный Шляпник. Но за столиком у окна я вижу привычную газету и рукав коричневого пиджака. Пытаюсь унять дрожь в руках и сажусь напротив.

– Good evening, uncle.[22]

Газета опускается.

**Для перевода с английского использован Яндекс-переводчик (прим.редактора)*

---

[22] - Добрый вечер, дядя.

Людмила Серзина, *г. Ульяновск.*

Негасимые огни, Старая Девочка и фея Перели...

Посвящается памяти известной ульяновской художницы и поэта Елены Васильевны Токарчук и московской писательницы, литературоведа, поэта, переводчицы, сказочницы и философа Зинаиды Александровны Миркиной…

Этот сон приснился мне накануне музейного дня, а точнее в ночь с 15 на 16 декабря 2014 года. В этот день мы должны были подготовиться к встрече, рассказывающей о последнем годе жизни нашей Леночки...

Тема очень трудная, с ней не смирялась душа, и от неё, даже мысленно, хотелось отмежеваться. Думалось о Любе (маме Лены) – ей-то всё это каково?! Начиная с выбора макета презентации, большого материала и его расположения накануне этого дня – всё ставило в тупик, всё как-то шло не туда и, думалось, совсем не так, как получалось, и мелкие шероховатости и несостыковки казались непреодолимыми ... А ещё просмотр видеосюжетов проводов Леночки будил в памяти воспоминания этого горького, печального в своей безысходности дня...

Просматривая вместе с Любовью Константиновной видеосюжеты последнего новогоднего маскарада в домашней литературной гостиной «У Лены», а потом запись похорон Лены, я вспоминала своё состояние сиротства и бесприютности, когда стояла в большой толпе людей, которые пришли проводить нашу Лену в последний путь... Помню, как провожала взглядом всех наших, которые проходили в подъезд: Танечку Лотоцкую и Нинель Васильев-

ну, Наталью Гущину, Надежду Никищенкову, Наталью Ивановну Тарасову, Татьяну Трунову, Елену Кувшинникову, Георгия Немоляева и многих других, провожала глазами и не находила в себе сил подняться вслед за ними в квартиру... Я понимала, что это неправильно, не по-человечески, но ничего не могла с собой поделать...

Этот просмотр возвращал нас в тот день и вызывал у нас с Любой слёзы... Вот такие печальные события и воспоминания предшествовали середине декабря 2014 года...

Сон начинался кромешной темнотой, и это запомнилось очень отчётливо. Но вот страха особого перед этой темнотой и пустотой не было – скорее было предвкушение того, что что-то должно произойти... И это ожидание не было обмануто. В темноте вдруг появились далёкие и редкие огоньки, и по-детски чистый голосок пел песенку:

... О чём молчит зелёноглазый кот
И старый леший, закуривший трубку?
Они садятся где-нибудь у пня,
В овраге тёмном, на замшелых склонах,
И зажигают молча три огня:
Один рубиновый и два зелёных...

И я увидела очень маленького человечка, который пел эту нежную и трогательную песенку. Это был гномик, он сидел на полянке около костра.

А рядом с ним был удивительно белый и пушистый заяц – он играл на маленькой скрипочке и под чарующую мелодию его скрипки кружились на поляне две по-девичьи тонких фигуры. Боюсь, что не хватит слов, чтобы описать их... Их длинные переливающиеся платья, сквозь которые просвечивали окружающие поляну деревья, были прекрасны. На одной из девушек платье переливалось зелёными и

сине-голубыми волнами и то тут, то там на нём вспыхивали золотистые огоньки. Её зеленовато-русые волосы свободной волной лежали на спине, вернее не лежали, а развевались в такт музыке...

На другой девушке было платье нежных оттенков розового и сиреневого, оно также переливалось, но только переливалось волнами светлого, тёмно-сиреневого и фиолетового цветов. По нему также время от времени вспыхивали золотистые огоньки. Её кудрявые рыжие волосы лежали свободной волной на спине. И их волосы в танце соприкасались друг с другом... пряди рыжие и русые...

Они вальсировали так легко, так красиво, что, глядя на них, захватывало дух. Их радостный, хрустально-нежный и счастливый смех будил в душе невыразимые чувства... Было ощущение полной гармонии, душевного покоя, красоты, радости и счастья жизни... Мне было так хорошо, как никогда ещё в жизни не бывало, я, словно причастилась всем этим...

Я узнала их – это были фея Перели и Старая Девочка со счастливым и одухотворённым лицом нашей Леночки... Всё это, даже во сне, мне не показалось неожиданным – это я помню точно...

Наша Лена, Старая Девочка, она всегда жила в стране Света, Добра, Любви... И никакой мрак никогда не сможет поглотить всего того, что она несла и продолжает нести людям... Мрак ведь не бесконечен, его можно пережить и исчерпать, а Свет, Добро, Любовь исчерпать нельзя. Мрак имеет конец, а Свет, Добро, Любовь – они бесконечны...

Леночка знала это, утверждала всей своей жизнью и радовалась тому, что её стихи, её творчество помогали найти дорогу к Свету, Добру и Любви хотя бы одному человеку, и она множила вокруг себя круг людей, которые не

только благодарно впитывали всё это, но и несли дальше, передавая другим людям...

Сохранить Свет, Добро, Любовь в мире – это главное, что можно сделать для ушедшего. Это значит, что жизнь его не напрасна. Это, по словам Зинаиды Александровны Миркиной, значит – ему есть куда прийти...

Последнюю мысль я уже додумала, проснувшись после сна глубокой ночью... Вот так преломились сказки Зинаиды Александровны, написанные и напечатанные в начале нашего века и её же стихи:

Когда б мы досмотрели до конца
Один лишь миг всей пристальностью взгляда,
То нам другого было бы не надо
И свет вовек бы не сходил с лица.
Когда б в какой-то уголок земли
Вгляделись мы до сущности небесной,
То мёртвые сумели бы воскреснуть,
А мы б совсем не умирать могли.

Наша Леночка сумела досмотреть, сумеем ли мы?!

Светлана Соколова, *г. Калуга.*

Детские страхи.

Вечереет. Солнце медленно садится далеко за лесом. Над ним повисла ярко-розовая полоска небосвода. Контуры облаков озарены нежным загадочным светом. Поля зреющей ржи похожи на жёлтые моря. По краям синими брызгами мои любимые васильки. Слабо покачиваясь от жаркого дыхания ветерка, они опустили свои головы в ожидании спасительной свежести ночи. Мошки клубами вьются у нас над макушками. То и дело то черными соринками попадают в глаза, то больно кусают влажную от пота кожу. Это всё очень неприятно. Я размахиваю руками, чтобы разогнать их, резко приседаю и бегом ускользаю от назойливых насекомых. Они отстают, на время теряют ориентацию, сбиваются. Но тут же находят новую жертву. Душно.

Мы громко смеёмся, рассказывая интересные истории. Нас четверо детей. По пыльной песчаной дороге босиком возвращаемся с озера. Так случилось, что, купаясь, не заметили, как быстро пролетело время. Нам хотелось есть. Хлеб с солью, яблоки, что прихватили с собой, были давно съедены. Хотелось пить.

– Смотрите, какой туман внизу над ручьем, – загадочно произнесла Вероника, самая старшая из нас, – словно лохматыми лапами расползается по лугам.

Я, Надюшка и Вовка разом повернули головы.

– Я ещё раньше тебя заметил, – ухмыльнулся мальчишка. – И что тут такого интересного? Все знают, что туман – это испарения воды, природные осадки. Мы в школе проходили…

– Не скажи, Вовка, – произнесла я, – в тумане много всякого случается. Рассказывали…

– И что такое там случается? Сказки всё! – не унимался брат.

– Давайте убежим от тумана, – запищала маленькая Надя. – Я боюсь…

Мы молча улыбнулись друг другу и прибавили шаг. До дома ещё километра полтора мимо кладбища и того угрюмого дома на краю нашей улицы, в котором жили две хмурые старухи. А уже темнеет.

Потянуло свежестью и прохладой. Мы подошли к деревне. Околица укрыла нас буйной листвой вековых лип и клёнов. Стало совсем темно и страшно. Мы старались говорить громче, чтобы не бояться. Улица словно вымерла. Из окон домов еле пробивался тусклый свет. Кое-где побрякивали вёдрами, слышался лай собак, мычание коров, словно они устроили перекличку между собой.

– Опять света нет, – подметил Вовка, – лампы вон у всех...

– Первый раз что ли? – поддержала разговор Вероника. – Ой, мамка волнуется… Ругать будет, что поздно пришли…

– Это все Лидка виновата, – посмотрев на меня, с укором произнёс брат, – всё ей мало, не накупалась…

– А самого сколько ждали, пока на лодке катался? – огрызнулась я.

– Ух ты! – отпрянула Вероника, поскользнувшись. – Чуть не упала в воду. Осторожнее! Держитесь за жерди и ступайте по доске друг за другом.

Мы поняли, что подошли к огромной луже посреди дороги, похожей на маленькое болотце с камышами и тиной на обочинах. Сколько себя помню, столько и знаю её. Каждый год яму засыпают, а она становится всё больше. Вода течёт с горки, когда дождь, и от фермы. Говорят, что надо трубу проложить, но видно никому дела нет. Машины и трактора так и вязнут тут. На ощупь, кое-как хватаясь

за горбыли, мы перешли самое опасное место в деревне и оказались у кладбища.

За деревянной огорожей было тихо. Мы на мгновение замерли, когда среди деревьев, покосившихся крестов и облезлых оградок промелькнула летучая мышь. Вдруг ноги сами понесли нас. Перевели дух уже у магазина. Но теперь с дрожью в коленках думали о том, что осталось преодолеть ещё один страх – избу за старыми ракитами с её колдуньями. Страшные истории ходили о них. Мы и днём-то старались быстро прошмыгнуть мимо их двора. Старушки часто останавливали и ругали нас, ребятишек, за беспокойство и суету. А ещё за то, что делали набеги на их палисадник и воровали огурцы, помидоры, трясли яблоки и груши. Но мы этого никогда не делали, своего хватало. Дети и родные их не навещали. Рассказывали, что их мужья погибли на войне в сорок первом, а сын одной из них пропал без вести. Одевались вдовы мрачно. Никогда не улыбались. Ни с кем дружбы не водили. Круглые сутки палисадник свой обрабатывали и стерегли, сушили травы, заготавливали ягоды и грибы. А по воскресеньям в райцентре на рынке излишки продавали. Одни говорили, что деньги набивают в банки и хранят в погребе, другие – на книжку кладут. В округе относились к ним весьма настороженно. Даже побаивались. Всё непонятное вызывает у людей подозрения и злые домыслы. Некоторые считали их колдуньями. Недавно соседский мальчишка Санька мне рассказал, как на себе испытал их волшебные чары.

Ночью пробегал он по стежке мимо их забора. Навстречу выскочила со двора здоровенная свиноматка, покрытая шалью, и прямо на него. Сашка хочет бежать, а ноги от ужаса приросли к земле. Та остановилась, потерлась о его штаны и говорит: «Ты, чей будешь? Чего ночами мотаешься тут?» «Я, я, я… Ми-митин Са-са-нька, – заикаясь, бормотал он, – С-субботку искал, со стада не вернулась».

А та в ответ: «Ищи её у Вороньего лога. Там она, сердешная». Зажмурившись, парень перекрестился и повторил три раза: «Господи, спаси меня!» Раздался какой-то хлопок сзади и… тишина… Санька открыл глаза – никого! И что есть духу помчался домой. А наутро нашлась кормилица там, где и указала свинья.

Ещё ходят слухи, что эти бабули оборачиваются кошками, собаками, воронами и вредят домашней скотине. Вон, Зинкина мамка пошла поздно вечером свою корову доить, а возле неё сидит огромная чёрная кошка и сосёт молоко прямо из вымени. Тётя Таня не растерялась, ударила лохматую ведром. Та изловчилась и убежала. На следующий день бежит женщина на обед, смотрит, а у старухи рука перевязана. Бросив злобный взгляд на неё, пригрозила: «Не будет тебе добра!» Как только не просила тётка прощения – ни в какую! С тех пор захворала Бурёнка, молоко у неё стало горьким. Так и пришлось бедную на мясокомбинат свести.

А тут зимой повадилась их рогатая Зорька бегать из старушечьего хлева сено в нашем стогу подъедать. Отец рано утром, выходя из сеней, нечаянно спугнул её. Корова прыгнула в сугроб по самый живот и застряла. Мычит, глаза выпучив, выбраться не может. Подошла её хозяйка, что-то шепнула на ухо. Испуганная спокойно высвободилась из снега. А вдова отцу пальчиком указывает: «Не надо, Николай, животное так пугать! Пожалеешь ещё…». С тех пор, сколько родители не приводили коров во двор, молока много не давали. А поздней осенью у нас вспыхнул сарай, набитый сеном и торфом. Даже не успели всю живность спасти.

– Это соседки чередят, – повторял отец.

– А в прошлом году весь гусиный выводок у нас подох. Тоже они виноваты? Вали теперь на крайних! – пыталась противоречить ему мама.

– Да, кто их знает, Шура? Люди зря болтать не будут.

А ещё, помню, рассказывал дядя Илья, бывший пьяница, как с их ракиты слетела ему на спину чёрная птица и клевала в голову, приговаривая: «Не перестанешь водку пить, беда будет». Еле ноги унёс. Но мало кто в это верил. А вскоре так и случилось: сгорела его хата. Тогда пить всё-таки бросил. Дом заново поставил. Зажил, как все, и жена с дочерью к нему вернулась. Вот ведь как бывает, несчастье счастьем обернулось.

Мы робко повернули на нашу улицу. Вдруг перед нами нарисовалась огромная овчарка. Глухо рявкнула, присела на задние лапы, преградив нам дорогу. Наденька тихо заплакала. Мы резко остановились и даже боялись пошевелиться. Это морозовская Лада опять выбралась из вольера. Злобная псина внезапно набрасывалась на любого. Не одного уже искусала. Соседи ссорятся с хозяевами по этому поводу, а они только ухмыляются: «Нечего, – говорят, – по ночам шляться и промышлять воровством! Собака умная, зазря не кусает». Даже участковому жаловались. А тот приходился двоюродным братом дяде Лене и только штраф наложил.

Я попыталась, сделала шаг, но собака зарычала.

– Не двигайтесь! А то порвет, злыдня, – шёпотом предупредила Вероника.

– Что теперь делать будем? – зароптали мы. – Как домой попадём?

Почти рядом послышался шорох. Овчарка насторожилась. Из темноты внезапно появилась тёмная сгорбленная фигура с клюкой в руках. Дрожь пробежала по нашим спинам. Это была одна из тех сестёр.

– Кто здеся? – строго, дрожащим голосом спросила она.

– Это мы, бабушка, – поспешно, как можно уважительнее ответила я, – нас Лада домой не пускает.

– Это Шуркины детки, – послышался одобрительный голос из темноты, – я их узнала. Она давеча обыскалась этих сорванцов.

Мы оторопели. Под ракитой на скамейке сидела другая старуха.

– Не бойтесь, ребятки, идите себе, – обратилась она к нам и грозно скомандовала псине, – пошла вон отсюда! Ишь, ты, детей пугать!

Лада с жалобным визгом поджала хвост и скрылась. Мы тронулись с места и помчались к дому, забыв сказать спасибо.

Мама уже глаза проглядела, ожидая нас. Стояла у калитки и собиралась идти навстречу.

– Мамочка! – радостно закричали мы и кинулись в её объятья. – С нами такое, такое…

Мы наперебой рассказали ей о наших приключениях и о страшных спасительницах.

Она пожурила нас, что времени не помнили, накормила и уложила спать. Наутро рассказала, что те бабушки детдомовские, и деньги, вырученные на рынке, отправляют в интернаты и детские дома.

– И никакие они не злые и не колдуньи вовсе. Люди все наговаривают, – сочувственно уверяла она.

С тех пор мы перестали бояться таинственных старушек. Даже стали иногда помогать им: таскали воду из колодца, ходили в магазин за хлебом, убирали картошку в погреб. Бабульки угощали нас за это огромными сочными грушами и сладкими яблоками.

Даже в горницу допускали, где у них было чисто и уютно. Отмытые до желтизны доски полов застелены домоткаными половиками. На белёных стенах булавками приколоты затейливые вышивки. Столы накрыты бело-

снежными кружевными скатертями. Рушники с вышитыми краями наброшены на портретах и иконах. На деревянных кроватях красовались яркие лоскутные одеяла. И всё это сработано их умелыми заботливыми руками.

Когда сестёр не стало, нажитое добро разобрали сельчане. Дом обветшал, покосился, всё поросло крапивой и бурьяном. Знаменитые на весь район их сортовые яблони и груши засохли или одичали. Все попытки соседей развести эти деревья на своих участках были безуспешны. Либо не так ухаживали, либо ещё что.

Но люди поговаривают, что появляются в ночи две чёрные сгорбленные фигуры в тени тополей, бродят по зарослям палисадника, скрипят ветхой калиткой и тихо вздыхают. Видно, по этой причине не принимает дом новых жильцов.

Александр Сорочан, *г.Тверь.*

Загадочный парадокс

Многоуважаемые коллеги!

Сегодня, в нарушение регламента, я решил привлечь ненадолго ваше внимание. Это связано с неоднократными просьбами прояснить ситуацию, приведшую в последнее время к продолжительным дебатам и даже к своего рода расколу в нашем Северо-западном физико-математическом научном обществе.

Напомню вкратце предысторию этого дела в том виде, в каком она мне представляется.

Два с небольшим года назад коллега Шейн представил на суд общества свой агрегат, названный им «машиной времени». Эксперименты по созданию указанного устройства коллега Шейн проводил почти двадцать лет, тщательно скрывая их от прочих членов общества. Представленные им расчеты и доказательства убедили далеко не всех. Прежде всего – в основе всех построений уважаемого коллеги лежали установки устаревшей, как доказано Глюмпе и Пинквертсом, теории Эйнштейна. Во-вторых – эксперименты коллеги Шейна показались нам лишёнными некого завершения. Отправляя при помощи своего устройства куда-то (как он утверждал, в будущее и прошлое) самые разные одушевлённые и неодушевлённые объекты, он двигался от низших структур к высшим. Поясняю: начинал коллега Шейн с простейших однородных структур и постепенно переходил к высшим и сложным. И ни один из объектов никоим образом не пострадал, в чём и убедилась спешно созданная обществом комиссия. Однако сам создатель устройства так им и не воспользовался. На вопросы уважаемых сочленов последовал ответ в виде ряда графи-

ков, разработанных коллегой Шейном. Согласно оным, любое путешествие в прошлое повлечёт к необратимым и непредсказуемым изменениям в настоящем. А путешествия в будущее тоже якобы приведут к вторжению из будущего в настоящее.

Выводы уважаемого коллеги казались сенсационными, но общество не спешило с их оглашением, хотя заключение комиссии оказалось в целом благоприятным. Затем комиссия приняла решение заморозить проект коллеги Шейна до тех пор, пока не будет изыскана возможность нейтрализовать возможные последствия темпоральных экскурсий с помощью агрегата.

Но в недрах общества зрело недовольство, как выяснилось, весьма обоснованное. Год спустя была создана инициативная группа, участник которой, глубокоуважаемый коллега Джонс, опираясь на выводы профессора Смита, далёкие от псевдонаучных концепций А. Эйнштейна, в тесном сотрудничестве с вашим покорным слугой раскрыл истинный принцип действия так называемой «машины времени».

Как доказано коллегой Джонсом, машина действительно может отправить что (или кого) угодно в прошлое или будущее, но эти временные точки лежат на одной из плоскостей, параллельных нашей темпоральной плоскости. Как известно, их существует бесчисленное множество, и вероятность, что, используя машину, мы попадём в точку, лежащую в плоскости, соответствующей исходной, исчезающе мала и её разницей с нулем можно пренебречь. С результатами расчётов вы можете ознакомиться в новом выпуске «Учёных записок Северо-западного физико-математического общества».

Но я могу кое-что добавить к выводам инициативной группы. Не далее, как позавчера, я и коллеги Джонс и Вессон воспользовались устройством коллеги Шейна, на-

строив его на отдалённое прошлое – кайнозойская эра плюс минус пятьдесят тысяч лет (эту возможную погрешность мы назвали «поправкой Вессона»). Мы действительно старались не вторгаться с разрушительными деяниями в жизнедеятельность той темпоральной плоскости, в которую попали, поэтому первая экскурсия людей в прошлое была очень краткой.

Поскольку различия между мирами на близлежащих плоскостях ничтожно малы, мы не надеялись увидеть что-либо экстраординарное. И визит подтвердил все прогнозы. Типичный ландшафт до земной человеческой эпохи, полностью соответствующий палеонтологическим реконструкциям. В силу краткости доклада не буду останавливаться на деталях, за исключением одного прискорбного происшествия: какое-то маленькое животное было уничтожено коллегой Джонсом – совершенно случайно, подчеркиваю. В первый момент я даже испугался – всё-таки доказательства коллеги Шейна долгое время принимались всерьёз. Однако ничего, как видите, не случилось, и это ещё раз доказывает правоту теории профессора Смита.

Но и этого мало: вчера коллега Вессон и я вторично посетили прошлое, несколько изменив настройку машины (мы направились чуть ближе – на 150 –200 тысяч лет). Данный визит был вынужденно краток и ещё раз подтвердил нашу правоту и опроверг воззрения коллеги Шейна, который, видимо, даёт сейчас интервью прессе. К счастью, завтра вся общественность узнает о наших научных выводах, и от домыслов изобретателя агрегата не останется и следа.

Дело в том, что второе из темпоральных путешествий неоспоримо привело нас в мир, отличный от первого. Несомненно, он находится в иной темпоральной плоскости, параллельной и нашей собственной, и той, что попала в сферу действия агрегата в первый раз. Отличие очень не-

значительное: изменение цвета травяного покрова. У него появился почему-то синеватый оттенок. Но это уже проблема для биологов, которые в будущем, наравне с другими специалистами, получат доступ к устройству коллеги Шейна. Возможно, вскоре нам удастся добиться настройки на темпоральные плоскости и получить огромную по научной значимости информацию, а также удовлетворить любопытство – какое воздействие могут оказать наши экскурсии и отчего изменился цвет травы. Грядущий прогресс не сопряжен ни с какими опасностями: сейчас мы близки к доказательству тезиса об исчезающе малом воздействии трансформаций прошлого на будущее в пределах отдельно взятой темпоральной плоскости. Как видите, беспокоиться не о чем... Темпоральные экскурсии безвредны – вот вывод нашей комиссии! Очень скоро правительство их одобрит, и таким обра...

Павел Шаров, *г. Нижний Новгород.*

Волшебник

Лев Абрамович Хвосторубов, директор одного из центральных ресторанов, очень не любил собак, а они его не любили ещё сильнее. Это потому, что он был злой, а собаки завсегда это чувствуют. Здоровый бульдог Рекс особенно чувствовал это всей своей шкурой, когда хозяин Лев Абрамович бил его плетью только за то, что тот позволял себе пустить слюну, увидев соседскую собачку. Лев Абрамович держал своего питомца на цепи в будке и часто забывал дать ему что-нибудь пожрать.

В общем, жизнь у Рекса была не из легких, и он часто мечтал укусить Льва Абрамовича за то место, на котором тот заседает в кабинете в рабочее время или катается на своём джипе по злачным местам в нерабочее.

Однажды, когда на Рекса накатила уж очень зелёная тоска и появилось непреодолимое желание пересилить свой страх и высказать Льву Абрамовичу всё, что он о нём думает, мимо собачьей будки проходил Волшебник. Так назвали мужика, который обладал сверхъестественными способностями: всё, чего он хотел достичь, достигалось само собой. Как будто без его активного участия. Инопланетянин, – решили обыватели, – и потеряли к нему интерес. Пусть творит, чего захочет, нам-то какое дело.

«А почему бы и нет, – подумал Волшебник, уловив рациональную мысль бульдога, – пусть поменяются ролями. Может быть, понимать друг друга станут».

И в тот же момент Лев Абрамович, сидящий председательствующим на оперативке, громко тявкнул и бросился на четвереньках в коридор за откормленным секретаршей котом Барсиком. То, что Лев Абрамович тявкнул,

никого не удивило. Он постоянно на кого-нибудь тявкал. А то, что он бросился прочь на четвереньках, не закончив ругательную тираду, участников заседания озадачило. Но больше всех была озадачена секретарша, увидев, как её любимец Барсик взвизгнул, проскочил по коридору к открытому окну и сиганул из него со второго этажа. Вслед за ним сиганул и Лев Абрамович. Если Барсик успел в полёте вцепиться в ствол дерева и повиснуть на его ветвях, то Лев Абрамович протаранил этот ствол лбом и грохнулся оземь.

«У-у-у-у!» – заскулил Лев Абрамович, чувствуя, что его плоская лицевая панель с выделяющейся носопырой от удара по стволу дерева становится ещё более плоской. Прихрамывая передней лапой, Рекс в образе Льва Абрамовича направился к дому своего хозяина, надеясь, что возле будки появилась какая-нибудь жратва.

«И чего это меня в какие-то балахоны нарядили? – думал Рекс. – А если я захочу… куда даже мой хозяин пешком ходит?»

По дороге он встретил своего вечного врага Тузика. Рекс в образе Льва Абрамовича ощетинился, встал в боевую стойку и зарычал. Предстояла ежедневно повторяющаяся трёпка. Но Тузик, к удивлению Рекса, стал вести себя нестандартно. Увидев рычащего на него здорового мужика в боевой стойке на четвереньках, он разинул от удивления пасть и попятился. Воспользовавшись замешательством противника, Лев Абрамович одним прыжком настиг его и вцепился ему в холку. Тузик почувствовал знакомую хватку соседа, вывернулся и ухватил Льва Абрамовича за ухо.

«У-и-и!» – почти человеческим голосом завизжал Рекс-Лев Абрамович и, признав себя побеждённым, ткнулся носом в землю и завилял хвостом. Это было первое поражение Рекса за все боевые схватки, которые состоялись между ним и Тузиком. Тузик отпустил распухшее ухо Льва

Абрамовича и тоже завилял хвостом. Помирились. Вместе направились к ближайшему мусорному баку, куда из ресторана иногда попадало что-нибудь вкусное. Бак был занят – около него копошился бомж. Лев Абрамович, недолго думая, вцепился зубами ему в заднюю часть. Что-то где-то треснуло, и в зубах Льва Абрамовича оказался клок штанов бомжа. Бомж ощутил непривычную прохладу сзади и от неожиданности выронил из рук кусок засиженного мухами сыра, а из кармана – початую бутылку водки.

Тузик понюхал водку, брезгливо фыркнул и принялся поглощать сыр. Лев Абрамович, напротив, ухватил пальцами передней лапы бутылку и, с наслаждением чавкая, стал переливать её содержимое в глотку. Через пять минут в глазах Льва Абрамовича начался шурум-бурум, лапы стали выделывать кренделя, и Тузик был вынужден, ухватив его за галстук, отвести в укромное место, в кустики. А поскольку кустики были излюбленным местом бродячих собак, а в их отсутствие и кошек, то Лев Абрамович незамедлительно вляпался передней лапой в дерьмо. Не обращая внимания на такие мелочи, он попытался зализать рану на разорванной в драке штанине. Не получилось. Развалился поудобнее и заснул. Потеряв интерес к своему новому другу, Тузик потоптался ещё некоторое время и ушёл.

А в это время настоящий Лев Абрамович в образе Рекса энергично пытался освободиться от цепи, удерживающей его рядом с собачьей будкой.

«И что это за чертовщина? – рычал он. – Кто это меня на цепь посадил?»

Глянул на руки, а вместо них лапы. А штанов вообще нет. «Во гады! Кто это на меня собачью шкуру напялил?» Глянул в лужу, а оттуда на него собачья морда Рекса смотрит.

«Господи! Приснилось, что ли! Приснилось, не приснилось, а надо освобождаться. Да и есть хочется. Хоть бы кость кто-нибудь кинул». Вспомнил, как запирается ошейник. Попытался открыть замок. Лапы без пальцев – не получается. «Вот она, главная разница между человеком и животным. А говорят – разум, сознание. Враньё всё это.

Вот оно, сознание. Есть. А сделать ничего не могу. Не зря говорят, что слух у таракана в ногах. Стукнул по столу – бежит. Оторви ноги – стучи не стучи – не слышит».

Подрыгался, поскулил. Смотрит: домработница Глаша идёт с плошкой собачьей еды.

«Ну, слава богу, – обрадовался Лев Абрамович в образе Рекса, – спасибо тебе, Глаша, – с трудом выговорил он, – а то с голодухи сдохнуть можно».

Глаша вытаращила глаза, её тяжелая нижняя челюсть, которая и без того еле удерживалась рядом с верхней, теперь отвалилась напрочь, обнажив неподвижный язык, не способный сформулировать что-либо членораздельное. Мыслительный аппарат, которым наградил её Всевышний, вырубился, и единственный результат деятельности нервной системы выразился в виде тупо-обалденного удивления, нарисованного на её лунообразном лике. Тетя Глаша всесторонне расслабилась и выронила плошку. Жратва растеклась по земле.

– Чего уставилась? – возмутился Рекс. – Отцепи ошейник. Видишь, не получается.

Заворожённая Глаша, с трудом выходя из оцепенения, приблизилась к Рексу и дрожащими руками сняла с него ошейник.

«Молодец», – пробормотал Рекс, встал на задние лапы и побежал на кухню.

Пообедав из кастрюли тем, что приготовила Глаша для своего хозяина, напялив на себя дочкины колготки,

чтобы не позориться на людях, Лев Абрамович в образе Рекса схватил ключи от джипа и поехал на работу. Проезжая мимо гаишника, всегда узнающего издалека знакомый джип, он увидел, как гаишник от удивления выронил свою полосатую палку и рухнул задом на землю рядом с капотом своего «жигулёнка».

Влетев в свой кабинет, где ещё сидели сотрудники, поражённые предыдущей выходкой Льва Абрамовича, Рекс уселся на свое законное место и зарычал:

– Чего рты разинули? Сегодня у нас маскарад. Быстро переодеваться. Мария Ивановна – козой. Пётр Васильевич – козлом. Нина Петровна – свиньей.

– Это что ета я свиньей? – обиделась Нина Петровна.

– Жрать надо меньше. Вон, какую талию отрастила. На двух стульях еле убираешься.

– А я? А я? – замельтешил тощий, как стручок, бухгалтер Сидор Завихрялович Мельтешилов.

– Ты, шмакодявка, будешь глистой, или, учитывая твой стаж безупречный работы, змеей. Понял?

– Так точно, э-э…

Тут Мельтешилов снова замельтешил, не зная, как назвать своего патрона в его маскарадном костюме.

– Лев Абрамович меня зовут, – уточнил Рекс.

– Э-э… да. Так, Лев Абрамович, какой, простите, змеей?

– На ваш выбор. Можете – гадюкой, можете – коброй. Только не анакондой. На неё вы не тянете массогабаритными параметрами.

Закончив маскарадные дела, Лев Абрамович отпустил присутствующих, заявив вдогонку:

– Через два часа в новых нарядах ко мне в кабинет. Будем обсуждать экономическую целесообразность реализации слегка подтухших продуктов, включая колбасу док-

торскую, а также палёных пиломатериалов: водки, коньяка и прочей просквозиловки.

В этот день люди небольшого города удосужились лицезреть удивительную картину: по городским улицам на большой скорости гонял всем известный джип уважаемого в городе человека, который сидел на месте пассажира и, глядя в окно, тявкал на отдающих честь гаишников. За рулем, сосредоточенно вращая зрачками, сидел бульдог с отвисшими щеками, очень похожий на боксёра, потому что носа у него не было, как будто кто-то однажды очень сильно вмазал ему в любопытствующую физиономию.

«Подружились, – решил Волшебник, глядя на пассажиров джипа, – ладно, хватит экспериментов».

И в этот момент бульдог в женских колготках выскочил из джипа и дал дёру в ближайший кустарник, джип потерял управление и вмазал в капот одного из отдающих честь гаишников.

Сказочные фантазии

Сергей Денисенко, *Тверь–Санкт-Петербург*

Сказка о прекрасной Царевне, Змее-Горыныче и Принце на белом коне.

Антону Дёмину

В некотором царстве, в некотором государстве жила-была прекрасная Царевна. И вот как-то сидела она в дворцовом парке перед прудом с кувшинками и, знай себе, головастиков пересчитывала. Долго ли, коротко ли так она развлекалась, нам неведомо: скоро только сказка сказывается, да нескоро дело делается.

И надо было такому случиться, что как раз в это время мимо пролетал Змей-Горыныч о трёх головах. Увидел он прекрасную Царевну, влюбился в мгновение ока своего пылающего, подхватил и унёс в каменный замок в неприступных горах.

Надобно сказать, что в замке Горыныча жилось Царевне неплохо. Головастиков, правда, она уже не считала, а всё занималась ведением хозяйства: научилась готовить не только яичницу-глазунью и макароны с пармезаном, но и фуа-гра, и соус бешамель, и котлеты пожарские, и суши с креветками, и вообще всякую снедь заморскую, изрядную. Присматривала за мышами летучими и грызущими, за пауками плетущими да за совами ухающими. Ну, и счета Змея-Горыныча в разных банках офшорных отслеживала – не до головастиков тут уже.

Змей-Горыныч за ней всячески ухаживал, подлащивался плотоядно, пофыркивал вожделенно, в соцсетях прелестных вирши писал пламенные. Но прекрасная Царевна оказалась неприступной, как скала, и непреклонной, как сталь. Так и прожили они в смиренномудром мире и цело-

мудренном согласии несколько счастливых безоблачных лет.

И настало тут время явиться Принцу с голубыми глазами, на белом коне.

Мы-то, взрослые и опытные, понимаем, конечно, что принцы на белых лошадках не являются вовсе. Многих знавали мы девушек, поджидающих удалого и прекрасного суженого, а обретших, в лучшем случае, лишь мужчин сермяжных, незамысловатых и впоследствии постылых. Но прекрасная Царевна того знать не знала, ведать не ведала и увлечённо ждала Принца заморского, ибо к ней никакие общественные законы не применялись. Змей-Горыныч тоже был в курсе появления означенного персонажа, поскольку был изрядно образован и читал в своё время «Морфологию волшебной сказки» В. Я. Проппа, великую и непревзойденную.

Итак, в положенное время голубоглазый Принц на белом коне явился пред замком Змея-Горыныча. Прекрасная Царевна, как положено всем царевнам и королевнам, взмахнула ему белым платком из решетчатого окна башни, ахнула и упала в обморок.

Принц же, воспарив духом, соскочил с коня белогривого и, долго не думая, начал взбираться по камням неуступчивым башни той неприступной. Труден был путь его к высокому окошку узорчатому. Прекрасная Царевна в это время пришла в себя, вплела в косы ленты алые, давно уж к этому случаю припасённые. Надела кринолины праздничные, опустила ножки нежные в башмачки прозрачные, хрустальные. Тут как раз и появилась в окошке белокурая голова Принца заморского, как в мечтах её заветных девичьих. И принцесса помогла ему взобраться в узилище своё мрачное. Надо ли говорить, как начали они миловаться и лобызаться? Правда, долго ли, коротко ли то нам неведомо. Скоро сказка сказывается, а вот этакое дело,

как вы знаете, делается иногда долго, а иногда и по обстоятельствам.

Настало время спускаться трепетным возлюбленным по крутой башенной лестнице. Тут перед ними предстал Змей-Горыныч и дохнул вихрем огненным изо всех трёх своих пастей смердящих. И держал он речь громокипящую:

– Ой ты, гой-еси, добрый молодец! Изготовься, настал твой последний час! Вынимай свой меч-кладенец, или меч самурайский, или что там у тебя припасено! Выходи на битву честную, битву честную, молодецкую!

Храбрый Принц не струхнул, возгласил в ответ змею поганому речь суровую и нелицеприятную:

– Послушай-ка и ты меня, Змей-Горыныч, ваше благородие! Я тебе легко пообрубаю все три твои головы огнедышащие. Но толку от этого ни тебе, ни мне, ни Царевне никакого не будет. К тому же, уж мы-то знаем, что головы начнут отрастать – и так до бесконечности. А искать всякие там яйца с иголками, пташек с зайчиками подстреливать – то ещё занятие, долгое и муторное. Давай-ка лучше уладим мы наше дело полюбовно: лети-ка ты ко мне в тридевятое моё королевство и послужи нам верою-правдою. Ведь и невесту мою я не смогу на белом коне отвезти: Боливар не выдержит двоих. А пока ты будешь думу эту думати, напои-накорми меня, хоть по-человечески, хоть по-змеиному, хоть по-горынычеву.

Змею-Горынычу, по правде сказать, понравился такой расклад, сразу понял он, что военная стратегия будет бесперспективной. Но он ещё покочевряжился, как и положено чудищу. Долго они судили-рядили, зелена вина изрядно испили, кушаний, поданных Царевною, всласть отведали. Наконец приговорили, что Змей-Горыныч полетит с Царевной в тридевятое королевство. И ударили по рукам. Подбоченясь, Змей прохрипел напоследок:

– Как же мне туда долететь, дороги-то я не знаю?

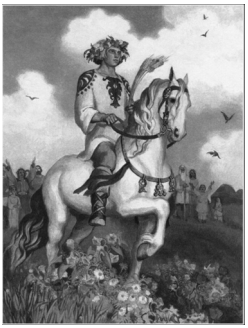
– Это горе – не беда, – отвечал ему Принц на белом коне, – дам я тебе штуку мудреную, навигатор называется. И конечный пункт там обозначу.

Это и впрямь оказалось легче лёгкого. Навигатор указывал путь: «Через триста метров поверните направо, через пятьсот метров поверните налево» – ибо в программе хитроумного прибора также было забито бессмертное произведение Проппа, и известно было, что «прямо пойдёшь – смерть свою найдёшь». И прибыли Змей-Горыныч с Царевной и принц на белом коне в тридевятое королевство в одну и ту же минуту.

Тут же сыграли свадебку весёлую и устроили пир на все тридевятое королевство. Много народу полегло на свадьбе той, приняв зелена вина по русской мерке, в полную сыть.

И жили все они долго и счастливо. Змей-Горыныч разжигал камины, чтобы влюблённым всегда было тепло. Царевна хорошела день ото дня, год от году. Принц занимался государственными делами.

А потом они умерли все вместе и в один день. Конечно же, бессмертный Змей-Горыныч мог бы не умирать. Но он был мудрый. К чему в одиночестве и тоске влачить сермяжные дни? Ведь он тоже любил Царевну. И давно уже смирился с существованием Принца на белом коне.



Сергей Икрянников, *д. Воробьи, Калужской области*

Девушка, Солнце и Месяц.

На нашей планете это было или на какой другой, в глубокой древности или не так давно – смекай сам.

Однажды появилась там маленькая Девочка. Как она попала туда, я, честно говоря, и сам не знаю. Может, заблудилась, играя в догонялки с кометами, а может, ей было предопределено повзрослеть именно на этой планете и в это время.

Первое, что сделала Девчушка, – внимательно осмотрелась. Вокруг был лес, местами светлый и радостный, местами тёмный и недобрый, но в целом подходящий, чтобы жить в нём. Неподалёку лес кончался, а дальше простирался роскошный холмистый луг.

В густых кустах раздался жалобный писк. Девочка бросилась туда и помогла выбраться из чащи застрявшему там созданию, похожему на зайчонка (а если дело было на Земле, – значит, это и был зайчонок). Поцеловала его в дрожащий носик и помахала на прощание рукой.

Потом она подставила лицо утреннему Солнышку, зажмурилась от удовольствия, протянула к нему руки и, сама не зная чему, счастливо засмеялась.

И Солнышко всем жаром своей огненной звёздной души влюбилось в ласковую маленькую Девочку. Да так влюбилось, что решило остановить вращение планеты, чтоб никогда не расставаться с Девочкой, всегда светить ей. Мир, в котором живут чувства, издревле называют Миром Тонким, и в нём, как и в видимом нам мире – Мире Плотном, действуют и борются различные силы. И планета

остановилась по желанию Солнца – вот, как велика сила любви, мой друг!

Наверное, ты скажешь, что Солнце поступило неразумно. Что ж, если рассуждать, влюблённые нередко делают глупости. Но когда к тебе придёт юность и вместе с ней первая любовь, может быть, ты не будешь так строг к Солнышку из нашей сказки.

Девочка не заметила, что планета перестала вращаться, ведь она впервые прилетела сюда. Она подумала, что на этой стороне бывает только день.

Забот у новой жительницы планеты оказалось много. Она передружилась со зверями, лечила их травами и добрым словом, присматривала за их малышами, направляла молодые побеги лиан так, чтобы они не росли поперёк тропинок, по которым лесные обитатели ходили на водопой. А животные показали ей закрытую от ветра и дождя пещеру, где было хорошо жить, учили отличать съедобные растения от не съедобных, давали своё молоко. Птицы-ткачи ткали ей удобные и красивые платья.

С самого первого дня, когда Девочка безотчётно потянулась к Солнышку, она тоже полюбила его и старалась проводить с ним всё своё свободное время. Благодарное Солнце награждало Девочку веснушками и загаром, а когда прошёл год, Солнце на память о дне их знакомства подарило Девочке своего сынишку – новорождённого солнечного зайчика.

Хлопот с несмышлёнышем Девочке прибавилось, но она не жалела об этом, ведь зайчик весь состоял из солнечной любви.

Ещё через год зайчиков стало два, пять лет прошло – пять солнечных зайчиков скакали, играли, ссорились и мирились, проказничали, бывало, донельзя огорчали Девочку, – но она умиротворялась, когда они утыкались

своими светящимися носиками ей в ладони или устраивались спать рядом с ней.

Подрастали солнечные зайчики, подрастала и Девочка. И вот словно юное растение выпустило бутон: Девочка стала прекрасной Девушкой.

Как бутон живёт предчувствием своего расцветания, так и Девушкой овладело щемящее чувство ожидания чего-то нового. Она загрустила. Она уже не радовалась Солнцу так, как прежде, его лучи временами стали казаться ей жгучими и неприятными. Несчастные солнечные зайчики, чувствуя, что сердце Девушки ускользает от них, стали совсем несносными и плаксивыми – они ещё не умели по-другому выражать своё горе.

Солнце тоже чувствовало, что с Девушкой что-то происходит, и, не в силах постичь происходящего, всё чаще пряталось за облака.

Однажды Девушке стало так тоскливо, что она бросила все дела и побрела, куда глаза глядят. Ноги привели её на высокий цветистый холм посреди луга. Лес оттуда был едва виден. Солнце, не зная, как помочь, молча страдало, заслонившись плотным облаком. Девушка легла навзничь на вершине холма, распахнула душу Космосу, призывая на помощь его мудрость, и стала думать.

Она перебрала в памяти всю свою жизнь на этой планете, стараясь понять, почему ей и Солнцу стало плохо друг с другом. Почему вокруг – день, а на душе у неё – ночь.

Стоп! Из далёких глубин сознания всплыло слово-ключ: ночь! Здесь никогда не было ночи!

Мысль воспламенилась и заработала с лихорадочной быстротой. Девушка поняла, что, полюбив Солнце, она забыла про ночную половину мира, причём громадную половину, ведь чёрное небо сияет столькими мирами! Чтобы увидеть ночь, планету надо повернуть!

Мир мыслей – в древних легендах он называется Миром Огненным – имеет силу неизмеримо бóльшую, чем мир чувств, или Мир Тонкий. Озарение Девушки оказалось настолько сильным, что планета, хоть и медленно, но стала поворачиваться на другую сторону. С сумерками ушло за горизонт Солнце, а вместе со звёздами выплыл на темнеющее небо ясный Месяц. Все годы с тех пор, как планета остановилась, он неотлучно был над ночной стороной, чтоб не лишить оказавшихся в темени живых тварей последнего света, последней надежды.

Месяц ещё не заметил Девушку, не успел послать ей ни одного луча, а она рванулась к нему так, что кубарем скатилась с холма, и всё бежала навстречу, пока не упала от усталости и переполнявших её чувств и не уснула в его лучах.

Едва увидев Девушку, Месяц сразу узнал её. Это именно её он много раз встречал в своих космических снах и давно любил! Теперь, найдя её наяву, он всем своим диском засиял так, что ночь стала совсем светлой, поспорить с ним могли разве что самые яркие звёзды и ближние планеты.

Девушка спала долго и беспокойно. Ей снился странный сон, будто она разделяется на две части – солнечную и лунную. Эти две части, связанные прочными длинными пружинами, летят ввысь, но в разные стороны, каждая к своей сущности: одна – к Солнцу, другая – к Месяцу. Солнечная часть Девушки видит, что Солнце плачет, и его слёзы падают вниз горючим дождём: там, где вчера была многолетняя ночь, сегодня бушуют пожары. Лунная половинка видит, что Месяц умирает от любви к ней и его тоже нужно срочно спасать. Однако натянувшиеся пружины не дают половинкам совсем разлучиться и с силой бросают их друг к другу. Две сущности больно сшибаются, какое-то мгновение остаются одним целым

и снова разлетаются, как одноимённые заряды. И так без конца. Девушка кричала и металась во сне, не в силах ни раздвоиться окончательно, ни обрести целостность.

***

Дописав историю до этого места, я дал прочитать её Женщине, которая когда-то металась, не умея ни разорвать, ни примирить свои солнечную и лунную сущности.

– Как ты думаешь, получится сказка? – спросил я Её.

– Не останавливайся! – сказала Она тихо.

***

Когда Девушка проснулась, небо было подёрнуто пепельной мглой. Месяц с тревогой смотрел за багряную кромку горизонта, клубящуюся дымом. На той стороне действительно бушевали пожары.

Девушка вскочила на ноги, понимая, что надо что-то делать. В это время какие-то прозрачные жёлтые комочки, жалобно пискнув, попадали с её груди на землю. Оказалось, солнечные зайчики, пока их приёмная мама спала, пытались согреться у её сердца. Они умирали без Солнца, таяли прямо на глазах, могли исчезнуть в любое мгновение.

Дрожащими руками она собрала их за пазуху и побежала к горящему горизонту.

– Солнце! Солнце! – кричала она. – Скорее сюда! Я люблю тебя! Мы умрём без тебя!

Послушная воле Девушки, планета повернулась назад.

Солнце, увидев зайчиков и свою возлюбленную, перестало плакать и засияло как прежде. Правда, на его огненном сердце остались пятна-шрамы.

Раскалённая сторона планеты ушла в ночь. Прохлада быстро сотворила тучи, и те ливнями загасили пожары.

Но не успокоился пожар в сердце Девушки. Едва омывшись лучами Солнца, она почувствовала, что невидимые пружины снова влекут её к Месяцу. Она не смогла противостоять им.

Ах, и под Месяцем она недолго чувствовала себя счастливой – рвалась к Солнцу.

Металась Девушка. Металась планета, рывками меняя направление вращения. Закружились по планете бури, такие же неистовые, как бури любви в разрывающемся надвое сердце несчастной Девушки.

Наконец Девушка не выдержала безумного напряжения и упала без чувств.

Сколько она пролежала без сознания – кто знает. Но вот она очнулась. С одной стороны невысоко над горизонтом висело Солнце. На сумеречном краю сиял Месяц. Они не спорили между собой, а оба с любовью и состраданием изливали свои живительные лучи на Девушку.

***

Что должно произойти дальше, я пока не знал. Не знала этого и Женщина. Но мы так сжились с этой планетой, что, казалось, мир рухнет, если окончание будет плохим.

Тогда я пристроился у Её ног и начал перечитывать сказку вслух. Руки Женщины рассеянно блуждали в моих рыжих волосах, и я чувствовал, как непросто Ей владеть собой в некоторые минуты.

И вот я кончил читать.

– Знаешь, до этого места… – подвела черту Женщина под теми словами, где говорилось, как Она упала без чувств, – я читала со страхом: всё ждала приговора. Те-

перь, – Она указала на последний абзац, – у меня появилась надежда.

Снова прозвучало слово-ключ, слово-звезда: надежда! Лучшая Женщина на свете вверила свою судьбу моей сказке, и, как бы трудно ни продолжилась эта история, я сделаю всё, чтобы в ней оставалась надежда.

***

Месяц и Солнце не спорили между собой, а оба старались вернуть Девушку к жизни.

Наконец Девушка очнулась. Села, обняв колени. Какое-то время она прислушивалась к себе.

– Я люблю тебя! – молитвенно протянула она руки к Солнцу. – Без тебя мне не жить!

– Я не смогу жить без твоей любви! – в таком же порыве повернулась она к Месяцу. – Я люблю тебя!

– Вы оба – две части моей души, две половинки моего сердца, – продолжала она. – Иногда я захочу побыть только с Месяцем – прости меня, Солнце! В другое время я ничего не смогу с собой поделать и буду думать только о Солнышке – не ревнуй, Месяц! Втроём мы тоже будем проводить много времени. Пожалуйста, светите оба, светите всегда!

И только Девушка сказала это, как сразу пришли в согласие силы всех трёх Миров – Огненного, Тонкого и Плотного. Под действием этих сил планета наконец стала спокойно вращаться. Плавно поплыл по своей орбите Месяц, побледнели пятна-шрамы на лике Солнца.

Посмотри на небо, мой друг. Днём светит Солнце, ночью его сменяет Месяц. Половину жизни они проводят на небосводе вместе. Согласись, что без Солнца или без Месяца мир был бы не так прекрасен.

Но бывает, что Месяца не видно ни днём, ни ночью, либо на диске Солнца появляется новый шрам, либо что-то

сводит с ума волны и ветер. Это означает, что солнечная и лунная сущности в Женщине так и не соединились до конца и временами пытаются разойтись.

Не жалей об этом. Без бурь не было бы сильных духом. А если ты полюбишь обе сущности Женщины такими, какие они есть, в самую трудную минуту жизни тебе, как и ей, поможет надежда.

Рис. В. Митяшкина

Раиса Манухина, ***г. Людиново, Калужская область.***

Синий кит и маленькие рыбки

(в соавторстве с поэтом Звёздным странником)

Дул морской ветер. Поднялся ураган, но обитателям подводного мира он был не страшен. В глубине океана рыбки чувствовали себя спокойно и уютно. Лишь одинокий кит терпел неудобства, потому что он плавал поверх и только иногда нырял на глубину за кормом, где встречался с маленькими рыбками. Рыбки очень полюбили своего большого друга. Синий кит так много и интересно рассказывал о небесном океане, что они с нетерпением ждали его чудесных историй, когда кит ненадолго мог приплывать к ним.

– Расскажи! Расскажи ещё! – просили рыбки его.

– Небо… оно бесконечное, – рассказывал синий кит. – По небу летают удивительные существа, которые имеют крылья. Их называют птицами! Они по-настоящему свободны! А ещё в небе есть большой и удивительный фонарь – Солнце! Он греет землю и воду, в которой вы плаваете. Но иногда небо и солнце закрывают чёрные тучи, и тогда с неба идёт вода, которая называется дождь! Это не такая, как у нас вода в океане. Она не солёная, а пресная!

– Дядя кит, – спросила одна самая маленькая рыбка корюшка. – А ты был на небе?

– Нет, – рассмеялся кит. – Я не умею летать, я только видел своими глазами небо и солнце.

– А ты поможешь нам подняться наверх? – не унималась корюшка. – Мы тоже хотим посмотреть на летающих рыбок-птиц! Вот бы и нам полетать! Почему мы не

можем хотя бы посмотреть на небо?

– А можно что-нибудь придумать? – спросила маленькая гупи.

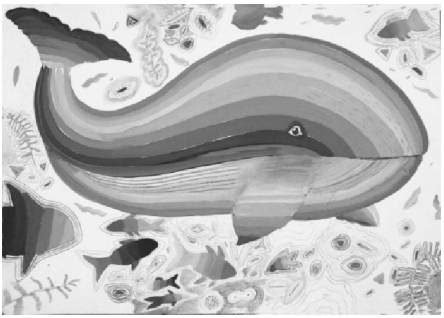
Синий кит задумался. Прошло какое-то время, а потом его осенила мысль.

– Я придумал, мои маленькие рыбки! Вы прицепитесь к моему хвосту ртом, я высоко подпрыгну над водой, и тогда вы сможете увидеть солнце и небо.

– Ой, как хорошо! – обрадовались рыбки. – Наконец-то, наша мечта сбудется!

– Цепляйтесь за мой хвост, – сказал кит.

Рыбки стали цепляться за хвост как можно крепче, чтобы не оторваться по пути от кита. Они уже представляли себя с крыльями, летающими в голубом небе вместе с птицами. Мечта была так близка!.. Синий кит рванулся вперёд! Доплыл до поверхности, сделал прыжок и словно полетел над водой. К тому времени буря улеглась, и небо очистилось. Рыбки увидели солнце и обрадовались. Как хорошо, когда есть такие большие друзья, как синий кит, который смог помочь маленьким рыбкам осуществить свою мечту! Пускай, на какое-то мгновение дотянуться взглядом до того, что на дне океана увидеть неподвластно. Иногда мечты сбываются…



Надежда Михалина, *с. Кирицы, Рязанская обл.*

Рассвет и Звёздочка

Королева Ночь торопилась завершить обход своих владений перед тем, как Рассвет примет от неё дежурство. Вчера Вечер попросил её присмотреть за непоседливыми Звёздочками. Они вызывали у него беспокойство: рано появились на небе, шалили, перемигивались и прятались за облаками, поэтому Вечер не смог их пересчитать. Седой ворчун недоволен был и Месяцем, который, по его мнению, не проявлял должной строгости и баловал этих озорниц.

Ночь не разделяла ворчливого настроения Вечера. Она была добра к Звёздочкам и разрешала делать всё, что им вздумается. И дядюшка Месяц, который был приставлен к маленьким шалуньям на время их прогулок по небу, тоже относился добродушно к их проказам. Иногда даже взбивал себе пышную перинку из проплывающей мимо тучки и уходил спать, чтобы не мешать Звёздочкам веселиться.

И Звёздочки надевали свои самые красивые, переливающиеся и сияющие разным цветом, великолепные наряды и устраивали ночные балы. Они весело танцевали, водили хороводы, пели чудесные песни. Были они одна другой краше и милее, и королева Ночь с мягкой, доброй улыбкой смотрела, как веселятся эти грациозные, изящные малышки, как они легко и непринуждённо скользят в танце, озорно перемигиваясь друг с другом. Затем она укладывала их спать, собирая в рукава своей бархатной чёрной накидки, и уходила на покой сама.

А на смену ей приходил прекрасный юный Рассвет. Он разводил золотые и малиновые краски и начинал рисовать на небе изумительные картины, поражающие взор своей красотой. Его волшебная кисть творила чудеса. За короткое время Рассвет преображал всё вокруг. Несомненно, он был очень талантливым художником. Можно было часами зачарованно смотреть на его работу и с сожалением вздыхать, когда он её заканчивал и складывал свои необыкновенные кисточки. Рассвет ещё некоторое время задумчиво и мечтательно любовался делом своих рук, вероятно, придумывая новые сюжеты для своих незабываемых картин. Затем лёгкой походкой, такой лёгкой, что ни одна жемчужная росинка не скатывалась с травы, удалялся, унося с собой свои картины. Лишь резвый ветер, играя, развевал его густые кудри и бежал вслед за ним, пока он не скрывался за горизонтом.

Сегодня Ночь была необычайно взволнована и озабочена. Вот-вот должен был прийти Рассвет. Уже все Звёздочки попрятались в рукава её накидки и мирно заснули. Не было лишь одной, самой маленькой, которая отличалась от своих подружек чрезвычайно весёлым нравом и любопытством. Напрасно дядюшка Месяц заглядывал за каждое облачко, внимательно осматривал кроны самых высоких деревьев – малышки нигде не было. Так и не найдя своей любимицы и не имея возможности дольше оставаться и продолжать поиски, королева Ночь удалилась в свои покои, а безутешный Месяц всё продолжал бродить по небу в поисках пропавшей Звёздочки.

Между тем на землю пришёл Рассвет и принялся за свою работу. Он привычно развёл краски, позолотил края облаков, макушки деревьев. Затем, смешав золотую и малиновую краски, сделал кистью несколько размашистых

мазков на небе, там, где оно падало на землю, отражаясь в говорливых реках и тихих, зеркальных озёрах. Заигравшее всеми красками рассвета небо отразилось в каждой росинке на траве, и от этого показалось, что на земле вспыхнуло множество маленьких разноцветных огоньков. Теперь настала пора подрумянить кусты и заросли шуршащего возле речки камыша. Рассвет взял приготовленное для этой цели ведёрко с краской и отправился к речке.

Вдруг его привлёк необычайно красивый мягкий свет, струящийся из густых зарослей терновника. Рассвет подошёл поближе и с удивлением увидел прекрасную маленькую Звёздочку, которая, вероятно, запуталась в колючих ветках, не смогла выбраться и, обессилев, заснула. Чуть дыша, юноша смотрел на прелестную красавицу. В это время Звёздочка открыла свои большие изумрудные глаза, обрамлённые густыми, длинными ресницами, и Рассвет почувствовал, как взволнованно забилось его сердце. Он был прекрасным, талантливейшим художником, но даже ему не по силам было нарисовать такую красоту, которая предстала перед его взором. Разве есть такие краски, которые смогли бы передать нежнейший румянец этих щёк, милую улыбку этих губ, затаённую радость и удивление в этих изумительных глазах?

Маленькая Звёздочка тоже не смогла отвести глаз от прекрасного юноши. Она почувствовала, как от волнения ярко заалели её щеки, и стыдливо прикрыла лицо маленькими изящными ручками.

– Пожалуйста, помогите мне освободиться из этих колючих зарослей, – произнесла она, и её голос прозвучал, как нежнейший колокольчик, окончательно покорив впечатлительного юношу.

Он помог Звёздочке выбраться из кустов терновника и, держа за руку, продолжал зачарованно смотреть в её

глаза, заставляя сладко замирать сердце небесной красавицы.

– Кто ты, прекрасная незнакомка? – спросил юный Рассвет.

– Я – Звёздочка, – скромно потупив взор, ответила прелестница.

– Почему я не встречал тебя раньше?

– Только ночью я выхожу на небо. Но и тебя я вижу в первый раз. Кто ты? Ведь эти бесподобные картины нарисовал ты?

– Я – Рассвет. И ты права, эти картины нарисовал я. Но они меркнут перед твоей красотой, милая Звёздочка.

И Рассвет, взяв Звёздочку за руки, закружил её в своих объятиях.

Звёздочка счастливо засмеялась. Её смех услышал дядюшка Месяц. Он в бесплодных и отчаянных поисках пропавшей шалуньи прошагал столько небесных километров и пролил столько слёз, что похудел и превратился в тонкий серпик. Месяц принялся сердито выговаривать Звёздочке за недопустимость её поведения и приказал сейчас же возвращаться на небо. А сердце бедной Звёздочки разрывалось на части: ей было жаль дядюшку Месяца, который так волновался и переживал за неё, и не было сил расстаться с Рассветом. В золотистых глазах юноши тоже промелькнула печаль.

– И мне пора уходить, моя нежданная радость. Я всей душой полюбил тебя, прелестная Звёздочка. Но светлый День спешит сменить меня, и я не имею права оставаться дольше отпущенного мне времени на земле. Скажи, когда я снова увижу тебя?

– Это будет зависеть от решения королевы Ночи: разрешит ли она мне остаться с тобой? Но знай, что сердце моё отныне принадлежит тебе. Дядюшка Месяц! – со сле-

зами отчаяния взмолилась Звёздочка. – Помоги нам! Только ты сможешь уговорить королеву Ночь благословить нашу любовь. Ты же видишь – нам не жить друг без друга!

И старый добрый Месяц пообещал помочь влюблённой паре. Ночь, конечно же, была очень сердита на Звёздочку, доставившую ей столько хлопот и волнений. Она, как и подобает королеве, горда, темна, холодна и неприступна. Но сердце королевы, которая была тайно влюблена в своего верного спутника дядюшку Месяца, было отходчивым. То ли горячие слёзы маленькой Звёздочки, то ли настойчивые уговоры Месяца сыграли свою роль, только Ночь сменила гнев на милость и, к великой радости всех небесных шалуний, разрешила нашим юным влюблённым быть вместе.

И, если вы видели когда-нибудь, как светлый День приходит на смену юному Рассвету, то не могли не заметить, что молодой красавец уходит не один. Вместе с ним исчезает с небосвода и маленькая Звёздочка, которая так и светится счастьем и любовью.

Рис. Е. Погребняк

Эмина Осокина, *г. Обнинск, Калужская область*

Аждаха

Жил очень бедный человек. Звали его Идрис. День и ночь работал, но никак не мог выбиться из нужды. И вот однажды, когда он возвращался с работы, вдруг полил страшный змеиный дождь. Змеи, шипя и извиваясь, падали на землю. Уже через минуту земля была покрыта огромным количеством змей. Человек очень испугался и, увидев в скале небольшую расщелину, спрятался в ней. А дождь всё лил и лил, и вскоре змей стало так много, что они стали заползать в эту же нишу, где спрятался Идрис. Он в панике бросился бежать в глубь пещеры. Бежал, не разбирая дороги, и остановился только тогда, когда увидел большое подземное озеро. Он подумал, что избавился от беды. Но вдруг гладь озера забурлила, и над водой появился странный чёрный туман, который растекался, превращаясь в жуткое, коричневое чудовище. У него были огромное, заросшее волосами тело, квадратная голова на толстой короткой шее. Это был страшный монстр. Он закричал громким голосом:

– Я великий Аждаха, и это мой дом. А что ты тут делаешь?

– Я спрятался от дождя, о великий Аждаха, – пролепетал человек, дрожа от страха. У меня нет денег, чтобы прокормить семью, с трудом свожу концы с концами, а у меня малые дети. Не губи, а помоги мне, в долгу не останусь.

Аждаха посмотрел на Идриса и, усмехаясь, сказал:

– Ты сам не знаешь, чего просишь. И как ты хочешь, чтобы я тебе помог? Что ты можешь мне дать взамен? Ведь у тебя ничего нет.

– Я готов отдать свою душу, если ты мне поможешь справиться с великой нуждой.

– На что мне твоя душа, – ответил Аждаха. Но немного подумав, вдруг сказал:

– Знаешь, если ты научишь моих детей различным наукам, которые знают люди, то взамен получишь много денег и не будешь знать нужды.

– О, великий Аждаха, если бы я ими владел, то не влачил бы такое жалкое существование. Я даже не знаю, чем тебя привлечь на свою сторону.

Страшное чудовище, не мигая, смотрело на Идриса, словно что-то обдумывая, и, наконец, произнесло:

– Хорошо, я помогу тебе, но при одном условии. Ты должен будешь получить образование, чтобы обучать моих детей человеческим наукам. В противном случае, я тебя съем. А если решишь меня обмануть, то погибнешь не только ты, но и вся твоя родня.

– А зачем тебе это нужно? – спросил молодой человек.

– Люди становятся сильней меня, поэтому моему роду нужны знания, и если ты научишь моих сыновей всем тем предметам, которые изучаются в университете, то я не только дам тебе возможность прокормить семью, но и награжу тебя. К сожалению, моим детям вход в храм науки закрыт, так как они внешне очень отличаются от людей.

– А как я получу образование, если у меня нет денег? И кто будет заботиться о моей семье, пока меня не будет?

Аждаха ответил:

– Я же сказал, что позабочусь и о тебе, и о твоей семье, пока ты учишься и учишь моих детей.

Выбор у юноши был не велик, и он дал согласие. монстр два раза щелкнул пальцами, и в одной руке у юноши оказался договор, а в другой перо.

– Прочитай и подпиши, – сказало чудовище. Идрис поставил точку в договоре и сразу оказался в незнакомом городе.

Прошло несколько лет. Молодой человек прилежно учился в университете, изучая естественные науки, и так же прилежно обучал сыновей чудовища. Когда учёба закончилась, Аждаха сказал:

– Ну что ж, теперь ты можешь идти домой. А за твою службу можешь выбрать любой подарок.

Юноша и чудище оказались в огромной пещере. Чего здесь только не было. Драгоценные камни, золото, алмазы, бриллианты, всевозможное оружие. Разбежались глаза у юноши. Ходит он среди этого великолепия и не знает, что выбрать, вдруг заметил простой булыжник.

– Что он тут делает среди такой роскоши? – подумал юноша. И решил взять этот булыжник. Аждаха говорит:

– Возьми лучше драгоценные камни, зачем берёшь простой камень, который случайно сюда попал. Я же тебе обещал подарок.

Но юноша ответил:

– Я сам выбрал, пенять не на кого.

– Смотри не пожалей, – сказал Аждаха, взмахнул рукой, и пещера закрылась. Юноша положил камень в карман и отправился домой. Невесёлые мысли одолевали его:

– Я получил прекрасное образование, а иду домой с пустыми руками, даже подарков для родных не смог купить.

Путь до дома был не близкий. Прошагав целый день, он решил отдохнуть около реки. Воды напиться и

пыль придорожную смыть. Сел на песок, вынул камень, повертев его в руках, подумал:

– Зачем было прятать простой камень? Что за этим кроется?

Вдруг заметил на нём какой-то странный рисунок. Решив получше его рассмотреть, он ополоснул камень водой, а затем вытер своей рубашкой. Вдруг небо потемнело, подул сильный ветер, а камень стал таким горячим, что невозможно было удержать в руках. Юноша бросил его на песок и отскочил в сторону. Камень шипел и нагревался всё сильнее. Вскоре он стал ярко-красным и стал светиться голубоватым светом. Юноша с изумлением смотрел что происходит. Через некоторое время пошёл проливной дождь. Раздался треск, а потом стон, и всё окуталось туманом. Когда он растаял, на песке лежала дивной красоты девушка.

– Спасибо тебе, джигит, – сказала девушка. Ты меня спас из заточения. Я дочка Луны и Солнца. Злой колдун меня обратил в камень и отдал на хранение Аждахе. Отведи меня к моим родителям, а когда они будут тебя награждать, попроси ржавую саблю, которую мой отец хранит в специальном сундуке.

Удивился юноша, но перечить не стал. Отвёл девушку к родителям, получил подарок, какой просил, и отправился в путь. Чем ближе он подходил к городу, тем больше ему попадались исхудавшие и измождённые люди, которые с трудом тащились по дороге. Они шли, не обращая на него никакого внимания. А когда он вошёл в город, увиденное его повергло в шок. В некогда зелёном городе не росла ни одна травинка, не было даже насекомых. В воздухе стоял запах гари, а дым был такой плотный, что солнце едва пробивалось. Идрис смотрел и не мог поверить своим глазам. Его зелёный край превратился в выжженную равнину. Деревья стояли опалённые, словно ог-

невой смерч прошёл. Навстречу ему шла очень грустная старушка.

– Здравствуйте, бабушка, что здесь случилось? – спросил юноша.

Старушка в ответ горько заплакала.

– Ой, беда, сынок, беда. Однажды земля затряслась, и с гор посыпались огромные камни, а потом в реке воды не стало. А через несколько дней стало ещё хуже. Земля вдруг стала вспучиваться и покрываться длинными трещинами, из которых вытекала жёлтая, очень вонючая грязь. В тот же день вода в колодцах испортилась. А без воды разве можно прожить? Не напиться, не поесть.

– А озеро? Оно где?

– И не спрашивай, наше прекрасное озеро превратилось в грязевую лужу. Рыба вся погибла. Вода покинула наши места. Мы надеялись на помощь соседей. Но они не захотели нам помочь, а наоборот, решили на этом нажиться: стали продавать воду. Богатые люди за большие деньги смогли её покупать в другом государстве. А большинство людей не могли себе это позволить, им пришлось пить негодную жидкость. Люди стали болеть и умирать.

– А что же наш правитель?

– Эх, сынок, никому до нас нет дела. Каждый живет своей жизнью. Не знаю, долго ли мы ещё сможем прожить без чистой воды? Моей внучке пришлось идти за много километров, в другое государство, чтобы выменять ковёр на кувшин воды. Уходи, сынок, отсюда, спасайся.

И старушка, опираясь на палку, пошла дальше.

Молодой человек бегом помчался домой, ожидая увидеть удручающую картину, но дома было всё в порядке. Он очень удивился и спросил:

– Вас не затронула беда?

– Это тебе спасибо, – в один голос ответили родные. – Каждый день нам привозили и привозят чистую воду от тебя.

– Вот так, Аждаха, – подумал юноша, дал слово и держит его. Может быть, он не такой уж и плохой. Побыв немного дома, Идрис вышел в город. На небе ни облачка, жаркие лучи солнца продолжали иссушать землю. Повсюду валялись трупы умерших животных, их некому было убирать. Неслышно было пение птиц, только вороны слетались на своё страшное пиршество.

– Почему река пересохла? – подумал Идрис и решил пойти вверх по реке, чтобы узнать причину.

Вскоре он увидел, что чудовищных размеров скала не пускает воду. Здесь нужна исполинская сила, – подумал юноша, Аждаха бы мог помочь. Он стал искать пещеру, где много лет назад встретился с чудищем, но никак не мог найти. Но однажды, когда он устал от бесплодных поисков и от собственного бессилия, взмахнул мечом и ударил по скале. Вдруг от скалы откололся небольшой кусок. Там в углублении лежала большая друза горного хрусталя, а внутри неё светился красный цветок. Когда юноша взял её в руки, перед ним появился Аждаха.

– Давно не виделись, – сказал он. – Никто и никогда не доставал моё сердце. Чего ты хочешь? Убить меня?

– Аждаха, а почему ты стараешься казаться хуже, чем ты есть на самом деле? У тебя же доброе сердце.

– С чего ты решил?

Юноша показал друзу, где светился цветок.

– Ясно, – ответил монстр, – так чего ты хочешь?

– Мой народ в беде. Я хотел тебя просить о помощи.

– О помощи? Меня? Я же злой Аждаха, ты что, забыл?

– Если бы ты был злой, ты не стал бы помогать моей семье. Знаешь, мне так хочется, чтобы моя страна процветала, но для этого нужно, чтобы и люди жили хорошо.

– Ну, а я чем могу помочь?

– Во время землетрясения скала перегородила реку, её надо убрать. Она не пускает воду.

– Я помогу тебе, а ты мне. Разрубишь своим мечом друзу, которую держишь в руках.

– Ты о чём меня просишь, это же твоё сердце, ты погибнешь? Чтобы я отплатил чёрной неблагодарностью за всё, что ты для меня сделал?

– Очень прошу. Я не могу тебе всё рассказать, но прошу это сделать, – и так посмотрел на Идриса, что тот дал согласие.

Аждаха позвал на помощь сыновей, и все вместе они отодвинули скалу, и вода хлынула по засохшему руслу реки. Вскоре жители увидели, что не только река, но и озеро наполнились водой. Все радовались, благодаря Идрису и его друзей. После всеобщего ликования друзья ушли в укромное место, где молодой человек должен был исполнить просьбу. Он решил разбить камень так, чтобы не повредить цветок. Как только он мечом коснулся хрусталя, раздался страшный грохот, и на месте страшного чудовища оказался красивый высокий юноша. Не успели юноши глазом моргнуть, как полил странный дождь, который превратил сыновей Аждахи в обычных людей. Радости не было конца, и Аждаха сказал:

– Спасибо тебе, Идрис. Ты спас меня и весь мой род от страшного заклятия, которое наложила на меня одна старуха. Меня зовут Ходжа. Давным-давно, когда был ещё мальчиком, я всегда смеялся и издевался над детьми, которые чем-то отличались от меня и моих друзей. Я презирал слабых, больных людей и считал, что они не должны жить на белом свете. И однажды старая женщина сказала:

– Ты будешь таким страшным и уродливым, что никто не захочет иметь дело с тобой, ты будешь изгоем. Каждый год твоё сердце будет обрастать кристаллами, пока совсем не превратится в камень. Но если найдется такой человек, который получит особый меч и не захочет тебя погубить, тебе вернется человеческое обличие.

Не успел он договорить, как перед ними появилась очень красивая женщина и протянула свиток:

– Если бы ты выполнял эти советы, то никогда бы не был злым чудовищем.

Сказала и исчезла.

Молодые люди развернули свиток и прочитали:

– Если ты молод – уважай старость, если ты богат – не смейся над бедным, если ты здоров – не смейся над больным, если ты мудр – не смейся над глупым.

Ходжа, его сыновья и Идрис обнялись и сказали: «Теперь, когда у нас есть знания, сила, мы сможем сделать так, чтобы наша страна процветала!» И на радостях они устроили пир на весь мир. А свиток бережно свернули и передавали из поколения в поколение.

Наталия Скандарова, *г. Калуга.*

Дома лучше

В одной далёкой стране, где в голубом небе пасутся стада облачных барашков, где ветер поёт свои песни полям золотой пшеницы, где все люди добрые и приветливые, а звери могут говорить, на небольшой ферме родилась маленькая лошадка. Первые дни она только и могла, что стоять около мамы, которая постоянно умывала и кормила её.

– Ты у меня самая красивая, доченька, – говорила мама.

– Да-да, я самая-самая лучшая, потому что у меня самая лучшая мама, – отвечала маленькая лошадка.

Но проходили дни, и они были похожи один на другой. Каждый день лошадей чистили и выпускали на пастбище, где она играла с другими жеребятами, прыгала через заборчик и купалась в ручье, а вечером снова чистили, поили, досыпали овса. Назавтра всё повторялось. Маленькой лошадке стало скучно, ей хотелось новых игр и приключений.

В один прекрасный солнечный день она решила уйти из дома, перешла ручей и скрылась в лесу. В лесу было тихо, только ветер играл с листвой в вышине, да солнечные зайчики бегали по траве. Чтобы скакать было веселее, лошадка придумала песенку:

Скучно дома мне играть,
Скучно дома мне скакать,
Раз, два, три, четыре, пять!
Я иду друзей искать.

Только она сочинила первый куплет, как правое переднее копытце её угодило в какую-то ямку.

– Ой! – вскрикнула лошадка от неожиданности и отпрыгнула в сторону.

Из ямки показалась чья-то серая мордочка с чёрно-белой полосой от носа на лоб и дальше.

– Ты кто такая, – спросил неведомый зверь, – зачем в мою нору залезть хочешь?

– Я маленькая лошадка, ищу друзей, и что такое нора, мне не известно, – ответила лошадка.

– Какая же ты маленькая? – удивился зверь, – ты выше куста, что над моей норой, поэтому стыдно такому большому животному не знать, что такое нора. Нора – это мой дом, место, где живёт вся моя барсучья семья. Кстати, зачем тебе друзья? Разве у тебя нет неотложных дел и забот? Вот мне надо выкопать новую спальню в моей норе, запасти ягод, личинок насекомых в кладовой, отъесться, жирок нагулять на зиму.

– У меня тоже много дел: покушать овса и попить водички, перепрыгнуть двадцать раз через ограду, перегнать ветер и искупаться в ручье, – гордо сообщила лошадка.

– Это не дела, а баловство одно, – возмутился барсук и скрылся в норе.

– Какой сердитый зверь, – подумала лошадка. – Не буду с ним дружить!

В это время под поваленным деревом мелькнула рыжая шерсть. Лошадка засунула туда морду и принюхалась. Под деревом кто-то был.

– Ты кто? – в ответ что-то зашуршало, и на полянку вылез лисёнок. – Что тебе надо?

– Давай дружить и играть вместе, – предложила лошадка.

– Давай, – согласился лисёнок. – Только поедим сначала.

– Хорошо, а что будем есть?

– Видишь, там, на нижней ветке рябины, сидит птичка?

– Да, – пригляделась лошадка.

– Если ты подпрыгнешь, то сумеешь схватить её.

– Зачем? – изумилась лошадка.

– Её-то мы и будем есть, – сообщил лис.

– Ну уж нет! Не буду я с тобой дружить! – испугалась лошадка и стремглав бросилась вперёд по тропинке.

Долго ли, коротко скакала лошадка по лесу, как вдруг прямо из-под её копыт выпрыгнул кто-то и под куст спрятался.

– Эй! – позвала лошадка. – Выходи! Я не причиню тебе вреда.

– А вдруг ты меня съешь? – поинтересовались из-под куста.

– Я не ем животных.

– А вдруг ты меня раздавишь? – спросили из-под куста. – Я-то маленький, а ты вон какая большая.

– Моя мама говорит, что я тоже ещё маленькая, но я постараюсь стоять тихо-тихо, чтобы не наступить на тебя, – лошадка сделала шажок в сторону и замерла.

Из-под кустика выпрыгнул зайчонок, усики его смешно подергивались, розовые глазки косили в сторону, шкурка мелко дрожала.

– Почему ты дрожишь? Тебе холодно? – спросила лошадка.

– Нет, у меня тёплая шерстка, но я очень боюсь.

– Кого же ты здесь боишься? – оглянулась лошадка, но никого не увидела.

– Я всех боюсь! – прошептал зайчик.

– Даже меня?

– И тебя. Зачем ты меня позвала?

– Я хотела с тобой поиграть.

– Как это поиграть?

– Пробежаться наперегонки, попрыгать через лужицы и ямки, понюхать вкусные травки.

– Я согласен, – подумав, произнёс зайчонок.

– Тогда догоняй! – закричала лошадка и поскакала вперед, новый друг – за ней.

Лошадка легко перепрыгивала ямки и лужицы, но ветки больно хлестали её по бокам. Как же она обрадовалась, когда лес закончился, впереди зеленели поля. Но куда же делся её друг? Зайчик отыскался под кустом на окраине леса.

– Пойдём, поиграем, – снова предложила лошадка.

– На поле совсем негде спрятаться, а врагов у меня много: ястреб, лиса, волк, человек с собаками, – объяснил зайчишка.

– Но в лесу мне тесно играть, – пожаловалась лошадка.

– Извини, – вздохнул зайчонок и тремя прыжками унёсся в спасительный лес.

Грустно побрела лошадка дальше, вновь она осталась одинокой. Вокруг порхали бабочки, моргали синими глазками васильки и цикорий, испускал медовый аромат вкусный клевер, но ничего не радовало нашу искательницу приключений. Неожиданно под её ногами что-то запищало.

– Кто здесь? – встрепенулась лошадка.

– Я, – пискнул мышонок.

– Давай поиграем, – обрадовалась лошадка.

– Глупая, глупая лошадка, – пропищал мышонок. – Как же мы с тобой такие разные будем играть? Там, где ты сделаешь один шаг, я должен сделать сорок шажков, и в норку за мной ты не пролезешь. Надо дружить и играть с теми, чьи привычки, размеры, лакомства такие же, как у тебя.

Призадумалась лошадка. А ведь и правда, сколько зверей повстречала она сегодня и ни один не смог стать ей настоящим другом, ни с кем ей не было так весело, как дома на ферме с другими жеребятами.

– Как же я могла считать наши игры на ферме скучными? – думала она, вспоминая радость каждого дня, ласковые руки людей, тепло и доброту мамы.

Со всех копыт бросилась маленькая лошадка домой, но уже стемнело, когда она добралась обратно. С ласковым ржанием встретила её мама:

– Где ты провела день, доченька?

– Я много путешествовала, – ответила беглянка.

– И как тебе понравилось в других краях?

– Везде мне было хорошо, но дома лучше!

Рис. Н. Синяевой

Лилия Смирнова, *р. п. Теренька, Ульяновская область.*

Хранить любовь

Давайте знакомиться. Я – СТРАННИК… Маленький Странник. Меня называют так потому, что я кажусь СТРАНным для всех, кто ведет осёдлый образ жизни. Почему я МАЛЕНЬКИЙ? Да потому, что я такого маленького росточка, что мало кто из людей может меня заметить и разглядеть. Я один из немногих потомков одного интересного народца из страны Лилипутии. Когда-то давным-давно, после нашествия на нашу страну варваров-великанов, лишь немногие из нас смогли спастись бегством. И по воле провидения мы так и живём в этом мире, будучи Маленькими Странниками.

Я СТРАНствую по разным СТРАНам в поисках Истины. Кажется, я уже нашёл её. Истина – это Любовь, и на ней держится весь мир. Но её надо очень беречь, чтобы она не исчезла совсем и не потерялась. Вот я и взял на себя эту миссию: по мере сил своих помогать всем – сохранять это хрупкое чудо – Любовь. Как? А вот послушайте одну историю.

Нам, Маленьким Странникам, дано видеть и слышать то, что ускользает от людей, которые живут, полностью отдаваясь бестолковой житейской суете. Например, мы слышим, о чём шепчутся по ночам звёзды и какую красивую музыку наигрывают на своих крошечных скрипочках сверчки.

Когда среди ночи целый оркестр сверчков начинает играть свои волшебные мелодии, звёзды перестают шептаться, начиная внимать этой музыке. И не только внимать, но и подпевать тоненькими хрустальными голосами.

И тогда начинается изумительный концерт! Звёздочки не только подпевают, но ещё и мигают в такт, сверкая своими лучами. Получается феерическая светомузыка, которую называют Музыкой Сфер. Так её называют люди, которые тоже умеют её слушать. Увы! Таких очень немного на земле!

Стоит добавить, что каждая звёздочка выбирает своего музыканта-сверчка, музыка которого оказывается ближе к её звёздной сути. И получается очень слаженный дуэт, когда две души сливаются в унисон. Да-да! Ведь души есть не только у людей, они есть у всех – и даже у звёздочек, и у сверчков.

И вот однажды вечером я отдыхал у моря. Разведя небольшой костер, я прислонился к спине своего друга-Альбатроса, с которым мы путешествовали вместе в последний отрезок пути, перелетая море. В этом полёте я убедился в его бесстрашии. Он летел, распахнув широко крылья, вместе с ветром, держась одного курса с величественным кораблём, который следовал впереди нас. Мне было комфортно лететь, зарывшись в его пушистые белые перья.

Мы сидели оба, слегка уставшие после длительного перелёта. Я смотрел в небо, наслаждался Светомузыкой Сфер, и нас окутывала мягкая аура Любви, которая струилась со всех сторон.

И вдруг моё чуткое ухо уловило что-то неладное… Словно в слаженном оркестре одна из скрипок заиграла в диссонансе со всеми. Я вслушался, и, действительно, скрипочка одного из музыкантов-сверчков заскрипела невпопад и… совсем смолкла.

И я услышал, что кто-то совсем неподалёку заплакал жалобно-жалобно.

– Где же он, этот несчастный музыкант? Что же случилось с его скрипкой? – невольно вырвалось у меня.

– Он там, совсем недалеко. Поспеши! Может быть, ты сможешь ему помочь! – сказал мудрый Альбатрос и указал крылом направление, куда надо было идти.

Я побежал в указанную сторону почти в полной темноте. Дело в том, что в это время на небе стало твориться что-то невероятное. Маленькая симпатичная Звёздочка, в дуэте с которой играл этот Сверчок, замигала от огорчения и закружилась, потеряв равновесие. Она начала плакать, и маленькие искорки – слезинки падали и падали наземь, скатываясь по травинкам и листочкам, превращаясь в алмазные росинки.

Остальные звёздочки в волнении тоже перестали петь и сверкать. Они хороводом окружили плачущую подружку и старались поддержать её, не давая упасть.

Но их усилия оказались тщетны, и безутешная Звёздочка скатилась с небес, растаяв в темноте.

Теперь и я пробирался в кромешной тьме, так как все остальные звездочки тоже угасли, тем самым выражая грусть и сожаление о пропавшей подруге. Я различал лишь еле-еле слышимый шёпот звёзд:

– Ах, как жаль! Она так его любила!

– Да-да! И он её! Почему же он замолчал? Что же случилось?

– Она полетела к нему! Она должна его найти!

И все сверчки в округе тоже умолкли, так как им было не для кого играть сегодня. Все их подружки звёздочки скрылись за облаками, и сверчкам не оставалось ничего другого, как бережно сложить свои волшебные скри-

почки в футляры и пойти спать. Тем более, что до утра оставалось уже совсем немного времени.

– Скорее! Скорее! – подгонял я сам себя. – Я должен успеть помочь Сверчку и Звёздочке!

Хоть я и сам не знал, как и что я смогу сделать для них, но желание помочь было настолько велико, что оно подстегивало меня, и я летел как на крыльях. И вот я словно обо что-то споткнулся. Это был скрипичный смычок. А вот и Сверчок! Он сидел, безутешно рыдая над каким-то кустиком травы, прижав к груди безмолвную скрипочку. Присмотревшись, я увидел, что на этом кустике примостилась Звёздочка. Она еле-еле дышала, и свет, исходящий от неё, становился всё слабее и слабее.

– Что случилось? Почему сломалась твоя скрипочка? – закричал я на Сверчка, чтобы вывести его из оцепенения.

– Это проделки злой Колдуньи НЕлюбки. Это она заколдовала мою скрипочку, и она перестала играть! Моя любимая Звёздочка! Она погибает! Мне тоже не жить без неё!

И Сверчок заплакал ещё безутешнее. Я поднял смычок и вложил его в руки Сверчка. Затем поднял почти бездыханную звёздочку, держа её на ладонях.

– Ну же! Давай играй! – приказал я Сверчку. – Твоя сила Любви должна одолеть чары злой Колдуньи Нелюбки! Любовь сильнее Нелюбви!

Сверчок сначала еле-еле, потом всё решительнее стал водить смычком по скрипочке... И – о Чудо! Скрипка заиграла! Мелодия, страстная, одновременно нежная, чарующая, звучала всё увереннее, всё смелее.

Мои ладони почувствовали, как Звёздочка начала оживать. Она светилась сначала матовым светом, потом свет этот становился всё ярче и ярче. Лучи от Звёздочки становились золотыми и ласково окутывали играющего Сверчка. И тот сам засветился от счастья. Звёздочка запела своим хрустально-чистым голоском в такт волшебной музыке. Я никогда в жизни не слышал ничего более Божественного. Это был настоящий Гимн Любви!

В это время на звёздный свет и на звуки музыки подлетел Альбатрос.

– Скоро светает – предупредил он.

– Звёздочка, тебе пора возвращаться!

– Звёздочка в последний раз обняла своими лучами Сверчка, и тот затрепетал от восторга.

– Прощай! До Следующей Ночи! – шепнула она ему чуть слышно.

– Прощай! Я буду завтра играть для тебя! Ты только СВЕТИ! Обязательно – СВЕТИ! – ответил Сверчок.

Альбатрос бережно приподнял Звёздочку и подкинул её в небо на своих крыльях. Она взлетела легко и свободно, тая в предутреннем небе. Сверчок доиграл свою мелодию Любви уже для нас с Альбатросом в знак благодарности за помощь.

Всем известно, что Любовь делает всех добрее, и любящие готовы поделиться своей Любовью со всем миром.

Мы добрались с Альбатросом до костра, и нам удалось ещё немного подремать, пока над морем не взошёл ликующий диск Солнца, освещая волны розовым светом. Начинался новый день, и нам надо было спешить в новое странствие. Альбатросу – добраться до своей подруги. А мне – помогать всем на свете Хранить Любовь.

Юлия Сулейманова (Джулия Полишот),

р. п. Старая Майна, Ульяновская область.

Мышонок Дрюня

Жила-была в деревне мышь. И было у неё восемь мышат. Мышата уродились любознательными, всё норовили разбежаться от мамки в разные стороны. Однажды прибежала мама-мышь к себе в норку, а там сидит только один мышонок. А норка-то была у неё чистая, аккуратная, уютная, прямо на книжной полке за тремя томами энциклопедического словаря. В деревенском доме редко открывали такого рода книги, а потому мышке было спокойно и вольготно растить малышей.

Увидев только одного мышонка, мама-мышь воскликнула:

– Почему, Дрюня, ты один здесь сидишь? Где остальные мои детки?!

– Не бойся, мама, – пропищал маленький мышонок Дрюня, – пришла землеройка и всех нас пригласила к себе в гости. Я остался, чтобы сообщить тебе о том, что землеройка с моими братьями и сёстрами ждут тебя в поле.

Мама-мышь часто ходила в гости к землеройке. То утащит кусок пирога с хозяйского стола, то печенье принесёт, бывало; и орешком побалует подружку.

Собралась мама-мышь в гости, наказала Дрюне вовремя ложиться спать и не просиживать долго за книгами. В отличие от всех мышей, Дрюня грыз гранит науки не зубами, а глазами. С интересом читал философию Канта, изучал «Историю Государства Российского» Карамзина, назубок читал поэта деревни Сергея Есенина.

Мышь прихватила с собою вишнёвое варенье и ушла. Только Дрюня направился к своей любимой книге Михаила Булгакова «Собачье сердце», как услышал в комнате шум и смех. Мышонок залез на энциклопедию и с интересом стал наблюдать за хозяевами дома.

В доме жила семья людей: бабушка, дед, мать и мальчик, постоянно игравший на гитаре прекрасную музыку. Мышонок часто слушал мальчика и плакал, завидуя ему. «Ах, если бы у меня была гитара! – думал мышонок, вздыхая, – я бы играл и читал… Я был бы самым счастливым мышонком в мире!» Но в мире ещё не сделали гитар для мышей, поэтому Дрюне приходилось довольствоваться тем, что он только слушает музыку мальчика.

К хозяевам приехали гости. Они привезли какую – то большую коробку. Мальчик смеялся, распаковывая её, а гости сидели за столом и горячо обсуждали чей-то сборник стихов. Мышонку очень хотелось принять участие в обсуждении этих стихов, но он был слишком мал, и его никто не мог слышать.

Мальчик был знаком с Дрюней и при виде его хитро подмигнул мышонку. Дрюня часто советовал мальчику прочитать какую-нибудь интересную с его точки зрения книгу. «Вот купят мне компьютер, – весело отвечал молодой хозяин дома, – и мне книги вообще не будут нужны. Вы, мыши, грызите их, сколько хотите. Компьютер не сгрызёте, он – прочный».

Мышонок не знал, что такое компьютер, а потому грустно уходил после таких слов к себе в норку и, вздыхая, гладил лапкой любимые страницы книг. «Тяжело, когда тебя не слышат или не хотят слышать, – думал маленький мышонок, – наверное, этот компьютер много прочитал книг и объехал весь земной шар! А я кроме этой книжной полки и яблоневого сада ничего не видел…»

Вот и в этот вечер Дрюня напрасно пробовал поддержать разговор людей. Он был слишком мал для человеческого общества.

Шли дни. Мама – мышь нашла в поле большую удобную нору и пришла к Дрюне звать его в новое жилище: «Там нам всем места хватит. Пшеница поспела. Я уже запаслась ею на зиму. Сейчас мы гречку запасаем с соседнего поля. Солнышко! Воздух! Травою пахнет! Врагов, кроме орла – беркута, нет никаких! Красотища! Ты же, Дрюня, не канцелярская крыса, ты – мышь, а это звучит гордо! Бросай свою книжную полку и приходи к нам жить».

Но Дрюня понимал, что без книг его жизнь станет пустой и бессмысленной. А ещё мышонок узнал, что в коробке, которую привезли в тот вечер гости, был тот самый компьютер – золотая мечта мальчика. Разве Дрюня мог уйти, не познакомившись с «новым жильцом»?

«Новый жилец» не имел ни ног, ни крыльев. «Значит, он не мог облететь весь мир», – сделал логический вывод мышонок.

Компьютер был похож на телевизор. Но только перед телевизором не надо постоянно водить какой-то штуковиной, похожей на большую мышь, и нажимать на кнопки. Мальчик не отходил от нового друга, занимаясь им с утра до вечера. Напрасно Дрюня ждал его у книг целый месяц! Из-за книг мышонок видел только спину мальчика, сидящего около компьютера. Спина мальчика ссутулилась. Она то неестественно дёргалась, то долго оставалась в напряжении, а иногда бессильно вдавливалась в спинку стула. Порой мышонок слышал громкие вопли мальчика:

– Бей его! Бей! Ну… Я всё равно его застрелю! Ах, у тебя граната?! А вот я тебя миномётом сделаю…

У мышонка сжимались лапки, и хвостик начинал дрожать. Он чувствовал, что даже в своей норке находится

словно под обстрелом. Ночью Дрюня бредил, чуял запах пороха, и его носик дёргался. Он будто наяву слышал взрывы гранат и стоны умирающих. Ему снилось, что он сидит в окопе, а на него надвигаются полчища солдат. Мышонок метался, прижимаясь брюшком к земле. Пули свистели над его головой. Он слышал гулкий стук своего сердца. А однажды мышонок увидел во сне самое ужасное: на него надвигалось существо, о котором рассказывала ему мама. Он мог бы узнать его среди тысячи живых существ! Эти жёлтые горящие глаза, поджатые уши, открытая пасть, в которой множество зубов, похожих на шило, прогнутая спина и лапы с выпущенными когтями. Хвост мощно бьётся о землю! Мышонок запищал неестественным голосом и… проснулся.

На следующий день Дрюня решил поговорить с мальчиком. Он перебежками стал подбираться к компьютеру. Достигнув стола, Дрюня залез на клавиатуру. Зрелище повергло его в шок. Он увидел совсем чужого мальчика с холодными, злыми глазами, бесчувственно смотрящего на монитор. Окаменевшее лицо было похоже на маску робота. Мышонок встал на задние лапки и громко запищал:

– Остановись! Перестань играть в войну! Где твоя гитара? Играй на ней!

Мальчик его не слышал. Тогда Дрюня вспомнил о подвиге Александра Матросова, который лёг на амбразуру дзота, спасая друзей. И он, Дрюня, должен спасти друга! Но как? Мышонок лихорадочно оглядывался. Он увидел руку мальчика, держащую большую чёрную мышь с длинным хвостом. Именно она показывала на экране солдат с автоматами. Дрюня схватился за хвост мыши и перекусил его. На экране солдаты, убивающие друг друга, сразу замерли. Мальчик побелел от негодования, увидев живого мышонка, который держал лапками провод.

– Что ты наделал? Ты испортил мышь! Как я буду водить её теперь?! – закричал он.

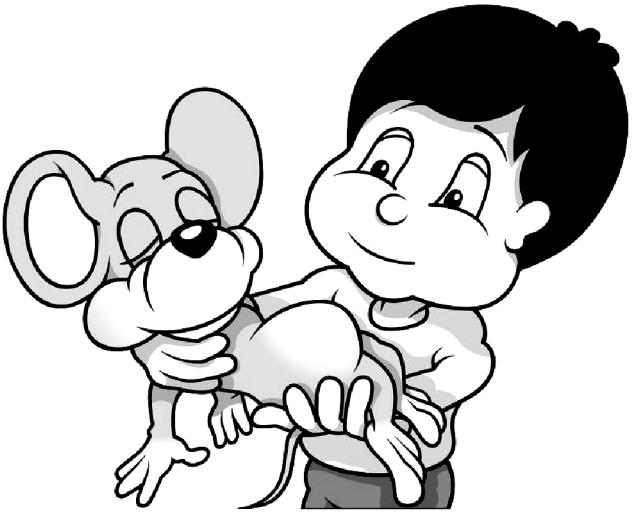
Дрюня почернел от обиды. «Если я испортил твою мышь, то буду вместо неё», – подумал он. Мышонок не знал, что компьютерная мышь тоже называется мышью, но понял, что надо делать. «Веди меня! Веди!» – отчаянно запищал он и бросился тельцем на то, что называлось компьютерной мышью.

Мальчик ещё не закончил битву. Он жаждал победы в своей жестокой игре и схватился за мышонка, не замечая, что в его руках мягкий живой комочек. Картины на мониторе стали путаться. Мышонок вёл солдат в поле собирать цветы, а не стрелять. Солдаты кричали: «Ура!», купались в речке.

Не понимая, что происходит, мальчик крепче сжал мышонка, и Дрюня почувствовал боль и жар в груди. Из последних сил он старался не выпустить из лапок длинный хвост. «Только бы изменить программу! Только бы мальчик не убивал!» – пронеслось в головке мышонка. А потом он увидел поле. Высокая пшеница колосилась, и колоски уже низко кланялись к земле. Между колосками цвели небесного цвета синие васильки. Солнце палило в бесконечном небе. Внезапно налетел ветер. Он скрутил колоски в косички, пыль поднялась до небес, затмив солнце… Из норки выскочила мама-мышь с братьями и сёстрами. Она звала мышонка в нору. Но Дрюня уже умер в руке мальчика. В последний миг ему показалось, что он летит, подхваченный ветром, превращаясь в маленькую точку.

…Мальчик растерянно смотрел на монитор. По пшеничному полю, приминая своими кирзовыми сапогами васильки, бежали солдаты. Дрюня убегал от них, судорожно оглядываясь. «Дрюнька! Как ты там оказался? Я спасу тебя!» – закричал мальчик, пытаясь отвести солдат в сторону. Но солдаты его не слушались. Они бежали за мы-

шонком и давили его прикладами. Мальчик закрыл глаза. А когда открыл, компьютер был выключен. Он бросился к книгам, заглянул за энциклопедию. Норка пуста. Мальчик смутно помнил: только что произошло что-то страшное и важное для него. Он вернулся к компьютеру, но играть в войну ему не хотелось. Руки мальчика потянулись к забытой гитаре. Комната вновь наполнилась чудесными звуками. Это была музыка, родившаяся от тоски, боли и тайной робкой надежды. А вдруг завтра он увидит друга, и как всегда, с новой книгой. «Прочитай», – пропищит мышонок радостно. И мальчик прочитает название «Маленький принц».



Лидия Терехина, *г. Рязань*

Сказка про царя Лесновика и хороших туристов.

Вдалеке за рекой, у подножия высокой горы, в лесном царстве, лесном государстве жил-был царь – Лесновик Первый. Царство лесное было большое-пребольшое, сплошь заросшее кустарником да деревьями, – берёзами белоствольными, дубами могучими, липами пахучими, осинами трепещущими. И народу лесного столько, что и за год не сосчитать. И птиц, и зверей, и насекомых всяких видимо-невидимо.

Жизнь в лесу с утра начиналась почти у всех одинаково. Птицы, просыпаясь, чистили свои перья и гнёзда; волки точили свои и так острые зубы; модницы-лисицы расчёсывали свои рыжие шубки, примеряли на шею бусы из плодов шиповника и наводили чистоту в норах; белочки меняли в дупле подстилочки и сушили на зиму грибы, накалывая их на веточки деревьев.

Лесновик Первый отправлялся осматривать свои владения. Шёл по лесу, насвистывая птичьими голосами и размахивая посохом, а вслед за ним прорастали съедобные грибы, созревали ягоды, расцветали цветы. Мухоморы с прыщиками на шляпках и юбочками на ножках вырастали тоже, но настоящие грибники знали, что они ядовитые, и не собирали их в лукошки, чему Лесновик был несказанно рад.

Не знал владыка лесной покоя ни днём, ни ночью. За хозяйством таким нужен глаз да глаз. Хоть и был им установлен строгий распорядок – жить с соседями в мире и согласии – не всегда и не все его соблюдали. Так уж пове-

лось на Земле, где добро – там и зло. И лес не был тому исключением.

Залетала в лес ранней весной птица – Кукушка. Настоящая преступница. И вытворяла такое, что и подумать страшно. Любила она вольную, разгульную жизнь. Ни гнезда свить не умела, ни детей растить не хотела. Подкладывала в чужое гнездо свои яйца и была такова. Пока вернутся птицы, её уж след простыл. Покричат они, покричат, да делать нечего. Пожаловаться Лесновику Первому на неё боялись. Молва по лесу про Кукушку шла плохая. Якобы колдунья она, порчу наводила, и срок жизни сокращала. Вот и терпели её выходки и подкидышей высиживали, как своих. Но настоящим бедствием для лесного государства были туристы.

Лесновик Первый страшно боялся их. Они были невежами. Жгли костры, пекли дичь, выловленную в зарослях, оставляли после себя много мусора и вырезали буквы на его любимых деревьях. Деревья стонали, плакали, а некоторые даже потом умирали от нанесённых ран.

Служил у царя лесного белоголовый Орёл. Находился на своём посту весь световой день. С самой высокой макушки огромного Дуба, росшего на опушке леса, зорко следил он за дорогой, которая вела из близлежащего селения.

И вот однажды в воскресное утро, когда солнце первыми лучами осветило местные окрестности, прогоняя ночные тени, – пробудился Орёл. Расправил затекшие крылья и обомлел, увидев страшную картину. На дороге появились туристы. Их было человек пятнадцать. За плечами они несли тяжёлую поклажу, а в руках ненавистные удочки и сачки для ловли рыб и бабочек. Они пели «Взвейтесь кострами, синие ночи, мы пионеры…». Орёл что есть мочи заорал на весь лес:

– Берегитесь! Берегитесь! К нам идут туристы!

Поднялся ветер, стал гнуть деревья. Звери попрятались в норы, птицы прекратили щебетать и прикрыли собой птенцов. Лесновик Первый махнул посохом – и ягоды осыпались с кустов, грибы одряхлели и вокруг леса – плотной, непроходимой стеной встала злая, кусачая крапива. И вдруг наступила такая пугающая тишина, будто вымерло всё.

Отряд, замедлил шаг и остановился. Пионервожатый Коля произнёс полушёпотом:

– Что-то тут не так… Лес какой-то странный… Ни щебетания птиц, ни зудливого нытья комара. Только тишина… По его спине проползли мурашки. Коля изо всех сил старался не показывать страха, овладевшего им с головы до пят.

Тут на нижнюю ветку Дуба опустился Орёл и спросил человеческим голосом:

– Кто вы? И зачем пожаловали сюда?

Оробевшие туристы обрадовались и одновременно удивились, что могут общаться с местными жителями на понятном им языке.

– Я вожатый! А это школьники из местной школы. У нас закончился учебный год, и мы собрались в поход познакомиться с природой, но теперь не знаем, как пройти в глубь леса. Он пугает нас зловещей тишиной.

– Царь Лесновик Первый приказал мне не впускать в лес туристов. И я вынужден выставить такой заслон в целях его безопасности.

– Но как же теперь быть? Мы проделали большой путь не для того, чтобы вернуться так скоро.

– Ну что ж! Я, пожалуй, провожу вас к царю, но только пока одного, а там как он решит.

Орёл взмахнул огромными крыльями, крапива расступилась перед Колей, образуя узкий коридор. Тропа, петляя между деревьями, привела его вглубь леса, где на

дубовом троне восседал царь лесной – Лесновик Первый. А вокруг, на небольшом расстоянии друг от друга, сидели звери. Увидев Орла, царь почувствовал неладное:

– Что случилось, доблестный мой Будимир?

Орёл подлетел к нему, поклонился, что-то шепнул на ухо. Царь кивнул в знак согласия и велел занять место на спинке трона, чуть выше царского плеча. Вожатый Коля был настолько потрясён увиденным, что не мог от волнения произнести ни одного слова. Ну прямо онемел. Он был уверен, что такого не может быть, поэтому всё время исподтишка щипал себя за ногу, лишний раз, убеждаясь, что это не сон. И прослушал вопрос, заданный ему Лесновиком Первым. Очнулся лишь после того, как маленький лисёнок слегка укусил его за щиколотку. Коля вздрогнул и в низком поклоне, заикаясь, произнёс.

– Добрый день, Ваше Величество! – вспомнил он обращение из недавно увиденного фильма-сказки.

– Добрый, коль не шутишь! С чем пожаловал, если не секрет?

– Какой уж тут секрет, Ваше Величество! С просьбой я к Вашей Светлости. Благоволите разрешить, царь-государь, остановиться нашему отряду на отдых под сенью Вашего великолепного леса.

– Я не люблю туристов! Они невежи! Громоподобным голосом прогремел Лесновик Первый. – После них я болею!

– Но мы хорошие туристы! Мы любим природу. По весне строим скворечники, окапываем молодые деревца и не стреляем по птицам из рогаток. Мы же пионеры! А пионер – всем ребятам пример!

– Пионер, пионер… Что-то я и не слыхал про таких ничего. Может, вы и на самом деле молодцы, но доверять так сразу не могу.

– Ну что же мне сделать такого, чтобы Вы нам поверили, Ваше Величество?

– Отгадаешь три загадки, будет тебе разрешение. А нет, не обессудь!

Коле ничего не оставалось, как согласиться.

– Ну, тогда слушай!

– Первая загадка: что под снегом растёт да красиво цветёт?

– Вторая: кому мёртвый пенёк жизнь даёт?

– Третья: кто ручкой крепко держится за ветку?

Обрадовался юноша. Загадки-то были пустяковые, но он вовремя смекнул, что нельзя так скоро их разгадывать, ненароком царя обидеть можно. И начал комедию разыгрывать: лоб морщить, глаза закатывать, носком правой ноги мох ковырять. Лесновик Первый, предвидя итог безнадёжного дела, под весёлое тиканье синички начал подёргивать плечами, шевелить бровями, притоптывать пятками о пенёк под ногами. И только он хотел щёлкнуть пальцами, чтоб незваного гостя вывели из леса, как Коля произнес:

– Вот мои отгадки на твои загадки! Первая: подснежник-пролесок. Вторая: пенёк дает жизнь опятам. Третья: крепко держится за ветку – листок.

Все сидящие вокруг трона разочарованно ахнули, а царь обмякшим к спинке трона прислонился.

– Ну что, царь-государь! Я твои загадки отгадал, теперь ты свои обещания выполняй!

Царь посокрушался, но слово сдержал. Поклонился царю лесному Коля и поспешил удалиться как можно скорее к своим друзьям. Он был уверен, что они переживают за него, и торопился их успокоить.

Будимир провёл его через крапивный коридор, но молодая крапива всё-таки коснулась руки Коли и обожгла её, давая понять, если что – шутки с ней плохи.

Ребята обрадовались возвращению вожатого, стали кричать «Ура!», подбрасывать вверх бейсболки и наперебой расспрашивать, что там было. Видел ли он владыку лесного и какой он на самом деле.

Коля уселся поудобнее и начал рассказывать.

– Видел я его, ребята, и не поверите, какой он грозный и величавый.

Мальчишки и девчонки сидели с открытыми ртами, слушая его рассказ.

– В общем, – продолжал Коля, – сидел он на высоком резном троне. Одежда на нём была из листьев вся, и росли на ней малюсенькие ёлочки, и бегали по ним такие же белочки. Борода сверху кольцами завита, а пониже – в локоны. Корона из кленовых листьев – как изумрудная. В руке посох, наверняка волшебный, потому что, когда я уходил, махнул он им, и всё посветлело сразу. И цветы по-новому расцвели, ягоды поспели, грибы из дряхлых превратились в ядрёные.

– Круто! – восхитился Ваня.

– А слуги у него есть? – спросила Вера. Она была вожатой в младших классах, и ей всё подробно надо было знать, чтоб рассказывать ребятам.

– Ну конечно, есть! Чего спрашивать-то! – ответил за Колю Кирилл с таким видом, будто Вера ненормальная.

– Зачем ему слуги, если у него волшебный посох есть? Махнул им – и всё, что надо враз исполнится! – парировала Вера.

– Тихо! Тихо, ребята! Не ссорьтесь! – попросил вожатый. – Лучше расскажите, что с вами случилось? Почему вы все в волдырях?

– Ой, Коля! Тебя так долго не было, что мы стали волноваться и решили идти тебя выручать. Но только подошли к крапиве, как она ощетинилась вся и давай кусать-

ся, обжигаться, вокруг рук и ног обвиваться. Мы с воплями побежали назад.

– Ну ладно! Спасибо за заботу! Вы настоящие друзья! А теперь давайте привал сделаем здесь, а завтра в глубь леса пойдём, поближе к реке. Лесновик Первый разрешил на неделю остаться. Завтра сами увидите, какой он на самом деле.

Отряд разбил лагерь и приготовился к ночлегу. Не знал вожатый Коля, что не встретят они завтра царя лесного, ибо показывается он один раз в сто лет, в день солнцестояния, тому, кто искренне и с любовью почитает живую природу, и вот таким человеком оказался он, Коля.

Рис. О. Сидоровой

Елена Токарчук, *г.Ульяновск*
(6.07.1976 – 9.06.2007)

Ученье Оленя

Огромная Черепаха везла на себе Оленя, плывя по волнам мирового океана. Они вместе спасали погибающих от потопа. Олень опускал к островкам гор свои могучие рога и чуть живые, отчаявшиеся существа хватались за них, чтобы в одно мгновение быть перенесёнными на панцирь Великой Матери Черепахи. Для спасённых это было Божественной милостью, бесценным подарком, что именуется жизнью.

У Огненной птицы,* вспомнилось Черепахе, есть изречение: «Жизнь без подвига лишена значения и смысла». А мы вершим свой подвиг – значит, наша жизнь должна иметь свой настоящий смысл.

– Успеть бы, успеть, – кружилось в голове у быстрого Оленя. – Ах, если бы никто не спешил, все давно бы уже сгинули в пучине моря! Нельзя допустить, чтобы милые наши звери и люди погибли в этом катастрофическом крушении.

Как выход из тупика к Оленю пришла мысль: «Не отрицай Зло, а оборачивай его в Добро!»

– Раз Землю затопило, перескочим вместе с землянами на другую звезду, – предложил Олень Черепахе.

– Я не умею перескакивать и летать, – ответила та.

– Это ты раньше не умела летать. А теперь ты встретилась со мной и должна научиться. Ведь все существа, спасённые нами, умрут, если мы погибнем. Помоги хотя бы себе. Даже камень, омытый водой,** говорит, что сущность живая не имеет права себя не спасать, потому

что она – частичка мира. И, не помогая себе, она подводит Вселенную.

– Тогда учи меня! – решилась Черепаха. – Охваченная видением сердца, я подниму себя собою, и радость Мира вселится в грудь. Что нужно мне иметь для того, чтобы взлететь?

– Имей в себе великое Ничто. Оно всегда положительно и невесомо. Освободись от груза Земли. От радостей и печалей. Чтоб все переживания обернулись в силу движения. Со страстью подумай, что подопечных своих ты должна спасти. И ты тогда обретёшь уменье летать.

Ах, бедная Черепаха! Низшей природе так непривычно слушать высокую речь! И ей казалось, что всё это – ловушка судьбы. «Нельзя отказываться от своей приземлённости. Нет к этому силы», – думала она.

В самую минуту её размышления взгляд Оленя загорелся как-то по-особому. Через него к неловкой Черепахе направилась вся оленья стремительность. Затем Олень взметнулся в синее пространство к невиданной, незнакомой звезде.

– Взлетай же, Черепаха, – молили земляне, сидящие у неё на панцире.

Но Черепаха безысходно глядела на небо, и из глаз её текли горькие слёзы. Она заглянула внутрь себя. Ей показалось, что в её внутреннем мире происходит то же, что и в реальности. Что расплываются очертания её недодуманных мыслей, и стихают звуки её недосказанных слов. Утопает жизнь, утопает она сама.

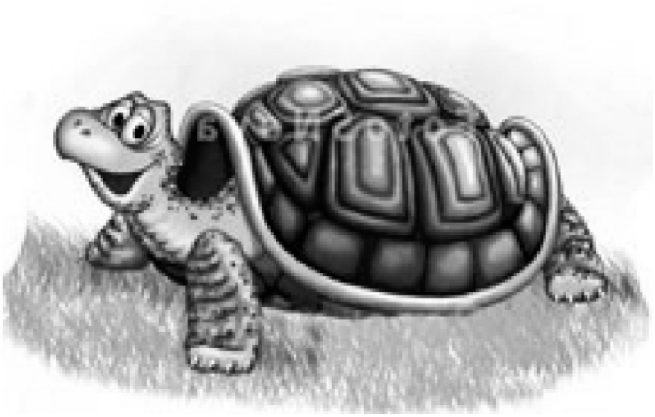
«Имей в себе Ничто – то есть бесстрастно взгляни на реальность, ни ты её, ни она тебя победить не должны, откажись от тщеславия победителя и скорби побеждённого, обрети изначальную лёгкость Божественной сути», – зазвучало в голове у Черепахи.

И вдруг, как будто бы все волны, все силы Вселенной вкупе подбросили её в небо с такой неистовой силой, что Черепаха расправила свои лапки, и они заменили ей крылья.

Поднимаясь всё выше и выше, понеслась она за Оленем. И счастью её не было предела. В неё проникала миловидная благодарность – Тёк. И эта Тёк шептала Черепахе, что вся её жизнь была лишь подготовкой к этому полёту.

– Спасибо тебе за Ученье. Ты – чудо! – влюблённо говорила Оленю Черепаха.

А Олень смущённо улыбался и, казалось, не понимал – какое великое ученье дал он Черепахе, что она так сердечно и искренно благодарит его.



* Огненная птица у славян – Рарох, а в балтийской традиции – Рерих.

*** Излагая мысль немецкого антропософа Р. Штейнера, автор использует игру слов: Stein (штейн) – по-немецки – камень.*

Содержание

Стихийная фантастика

Батасова Мария.
«В темнеющем море уходят на дно» ……4
«Любая тварь, морская и речная»……..4
Белов Олег
«Обезмолвел эфир, пустота в интернете»…….5
«Там, за лесом, говорят, есть портал»……...5
«Рисуют нас с большими головами»...……..6
«В небесах загораются птицы»……..6
Белозерова Нина
Снегурочка……7
Дракон……...8
Кошка..……10
Моё Лукоморье..……11
Белянин Артём
Сказка о лесной дружбе……13
Васильева Евгения
Котята……..16
Как Энн летала...……17
Власова Ирина
На площади……18
Левахина Марина
Маленькая сказка...……22
Мальчиков Алексей
Фантасты……26
Мансурова Татьяна
Сказка про царя, который прославил державу..……27
Маркелова Татьяна
Про Счастье……38
«На даче овощной переполох»……41

Семёнова Ольга
Добрыня Никитич……..46
Титова Полина
В океане пустота……54

Фантастическая проза

Азарова Татьяна
Астрон ……..56
Генка – инопланетянин……61
Борисова Ольга
Тётушка Марта или новые приключения Вовки……64
Васильева Евгения
Служебное происшествие……71
Весенняя Светлана
Квинтет людей……76
Гужева Светлана
Чёрный нос……84
Рубашка ……87
Давыдова Нина
Богатырь……90
Данилов Павел
Жизнь на повтор……96
Денисенко Сергей
Тяжёлая работа...……99
Дорога в центр Земли..……100
Зорькин Александр
Суэцкий канал (отрывок)……104
Ивахненко Наталья
Драконьи забавы (отрывок)……112
Сергиу Ицатва
«Прокрустова Ложа» ……118
Бабочки……122

Кацельман Игорь
Ночью……125
Чудища и Чудовища……126
Дед Мороз……127
Солнце……...128
За речкой ……130
Кротов Виктор
Фантастический калейдоскоп……133
Лавровская Лидия
«Флаг развИвается» 141
Ларин Владислав
Звёзды в Океане...……147
Лялина Лариса
Холодный свет……151
Мансурова Яна
Чудак или взгляд изнутри ……158
Миронов Алексей
Миллион для хакера……168
Смерть в шампанском……173
Мисюрин Игорь
Иудейское пойло ……176
Михайловская Татьяна
Диван……183
Михалина Надежда
Неспящий Ангел..……190
Нефедова Светлана
Рождественское чудо……..192
Нюкало Елена
Колокольчики судьбы……..198
Пипейкина Александра
Дядюшка ..……209
Серзина Людмила
Негасимые огни, Старая девочка и фея Перели…….. 216
Соколова Светлана

Детские страхи…….220
Сорочан Александр
Загадочный парадокс...……227
Шаров Павел
Волшебник……231

Сказочные фантазии

Денисенко Сергей
Сказка о прекрасной Царевне, Змее Горыныче и Принце на белом коне...……238
Икрянников Сергей
Девушка, Солнце и Месяц ……242
Манухина Раиса
Синий кит и маленькие рыбки……250
Михалина Надежда
Рассвет и Звёздочка...……..252
Осокина Эмина
Аждаха..……257
Скандарова Наталия
Дома лучше……..265
Смирнова Лидия
Хранить Любовь……..270
Сулейманова Юлия
Мышонок Дрюня…….275
Терехина Лидия
Сказка про царя Лесновика и хороших туристов…….281
Токарчук Елена
Ученье Оленя……288

СБОРНИК СОВРЕМЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

Российский Союз профессиональных литераторов

Редактор Н. Михалина
Корректор И. Штакина
Компьютерная вёрстка Н. Михалина
Дизайн обложки Е. Колупаева

В оформлении книги использованы рисунки, находящиеся в свободном доступе в интернете

На обложке книги использована иллюстрация картины Алексея Акиндинова «В полете к мечте», 100х160 см, холст, масло, 2020 г.с.

Подписано в печать 15.01.2022
Формат 60x84/16
Бумага офсетная. Гарнитура Minion Pro
Усл. печ. л. 18,5
Тираж 200 экз.

Издательство ИП Колупаева Е.В.

Отпечатано в ИП Колупаева Е.В.
390010, г. Рязань, ул. Пирогова, д. 7, кв.51
Тел. 8-920-955-35-20
E-mail: kolupaeva_ev@bk.ru

ISBN 978-5-6047377-5-0

9 785604 737750